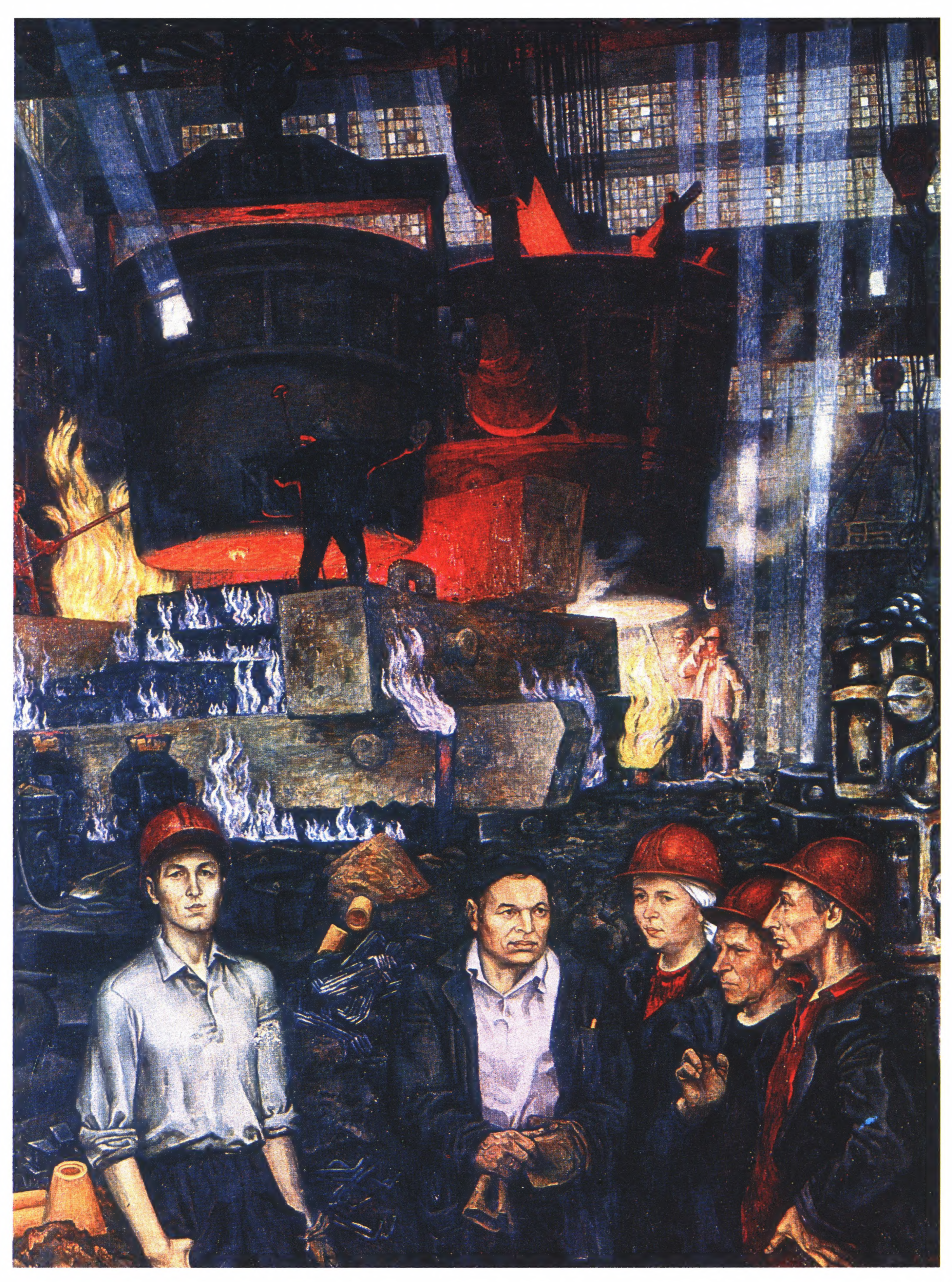
ISSN 2658-7920

ВЕСИ

№ 6, 2019

Групповой портрет бригады формовщиков цеха уникального литья стали Уралмашзавода.
Худ. Г.С.Мосин, 1977. Музей Уралмаша.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА. КАРТИНА М.БРУСИЛОВСКОГО «ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ БРИГАДЫ КУЗНЕЦОВ УЗТМ»

Учащиеся детской школы искусств № 5 еще с 2013 года увлеченно занимаются исследованием памятников культурного наследия, находящихся на территории Орджоникидзевского района города Екатеринбурга. В 2015 году объектом исследования стала картина Миши Шаевича Брусиловского «Групповой портрет бригады кузнецов УЗТМ» (1977). Авторам данного проекта стала известна печальная участь знаменитой картины екатеринбургского художника Миши Брусиловского, хранящейся в музее Уралмашзавода. Посетив музей и пообщавшись с директором, мы заинтересовались судьбой искалеченного временем полотна. Так возник первоначальный замысел: изучить имеющиеся данные об объекте исследования, найти новую информацию и создать учебную презентацию.

В ходе исследования учащиеся познакомились с культурно-историческими условиями 60-х – 70-х годов XX века в Свердловске, изучили творчество художника М.Ш.Брусиловского, нашли в искусствоведческой литературе информацию о значении картины и ее месте в портретной живописи России второй половины XX века. Также учащимися были найдены сведения об истории создания группового портрета «Бригада кузнецов УЗТМ» (2015), о судьбе картины и о судьбе изображенных на ней рабочих.

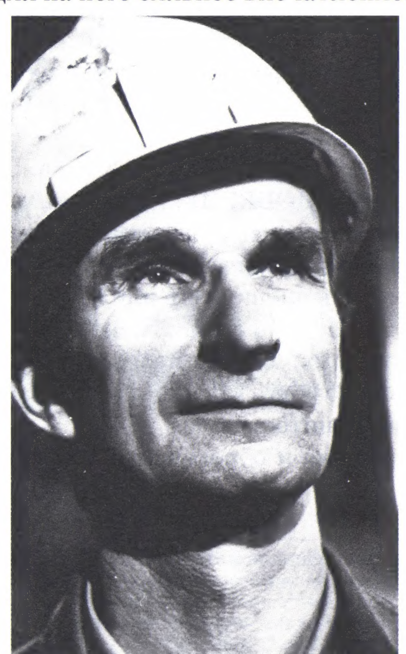
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ КАРТИНЫ «ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ БРИГАДЫ КУЗНЕЦОВ УЗТМ»

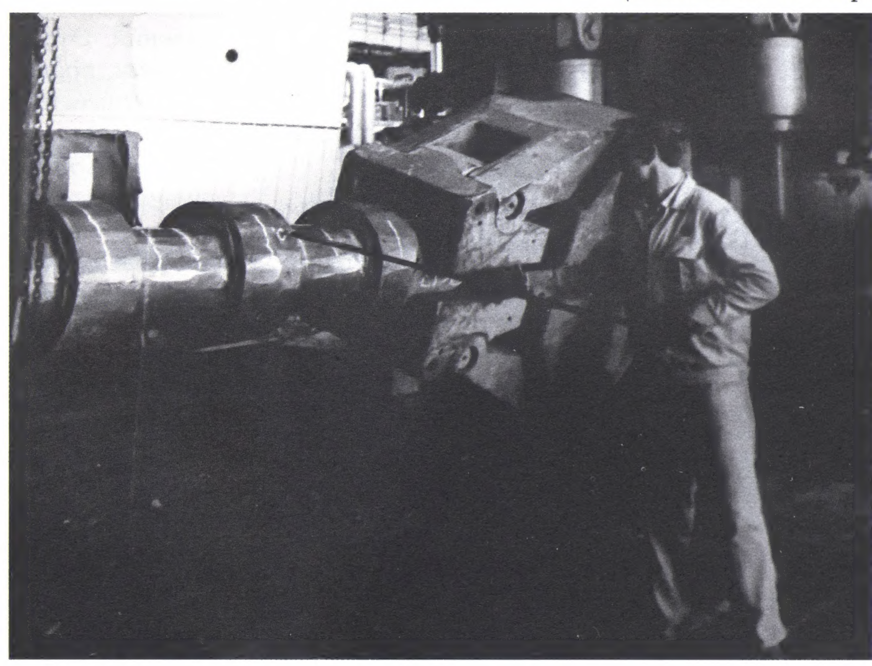
В Свердловском Союзе художников в 60-е и 70-е годы XX века делался особый упор на индустриальные темы, на поэтизацию созидательного труда.

В 1976 году ныне знаменитый екатеринбургский художник Миша Брусиловский был включен в состав творческой бригады, работавшей на Уральском машиностроительном заводе. Как и другие художники, Брусиловский бывал в заводских цехах, делал наброски и этюды, производственный процесс производил на него сильное впечатление.

Миша Шаевич в книге «Мир художника – Миша Брусиловский» рассказывает о работе над групповым портретом уралмашевцев и о вдохновившей его личности Александра Кордукова: «Когда я смог наблюдать его в действии, так не поверите: прямо ахнул! Оказывается, кузнечное дело такое тонкое и такое сложное одновременно. Современный кузнец на современном заводе – это большой мастер своего дела, тонкий ювелир. Пока я сам этого не понял, не увидел, пока в моем представлении не сложился образ рабочего этой профессии, мне трудно было начать работу над полотном» [Мир художника – Миша Брусиловский, Москва, 2002, стр. 219].

(Окончание на стр. 40)

Александр Кордуков за работой в цехе. *Фото из архива А.Кордукова.*

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.Е.Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

На обложке (1) – «Групповой портрет бригады кузнецов УЗТМ». Худ. М.Ш.Брусиловский, 1977. Музей Уралмаша.
Дата выхода в свет 28.08.2019 г.

12+

Отпечатан в ОАО «ИПП «Уральский рабочий». 620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Заказ № 744.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Сегодня так много говорят о вере во всех смыслах слова, о ее силе и значимости. И одновременно констатируют, что люди теряют доверие – опять же во всех смыслах и на всех уровнях. А одно ли это и то же?

Даже на первый взгляд понятно, что доверие – это то, что находится до веры. А где же располагаются эти самые «вера» и «доверие»? Мне кажется, что главный смысл обоих понятий зависит именно от того места, откуда они берут начало.

Доверие – это базовое человеческое качество, на мой взгляд. Только что родившийся человечек безгранично доверяет своей маме. Он еще не думает, не анализирует, не понимает, но доверяет. Похоже, что это чувство рождается вовсе не в уме, а в каких-то фибрах души из тонких вибраций, недоступных никаким измерениям и осмыслениям. Доверие делает человека не одиноким. Словно природа позаботилась о человеке, который приходит в этот мир, да и уходит из него в одиночестве, с помощью дарованного ему доверия обрести в этом мире родственные души. Жизнь частенько ставит свои отметины на доверии обманами и предательствами, невыполненными обещаниями и лживым молчанием, но какими бы суровыми ни были эти удары, доверие может жить и с ними. Если человек захочет и способен.

Вера – это порождение разума, осознанной работы ума. Это сознательный договор с действительностью, продиктованный множеством внешних проявлений. Это принятие и выполнение различных условий, правил, за которые человек надеется что-то получить или сразу, или отсроченным во времени, ведь он же в это верит!

Говоря о творческих людях, я ВЕРЮ, что каждый из них сохранил в душе ДОВЕРИЕ. И прежде всего, доверие к своему читателю, перед которым он раскрывает и события своей жизни, и свои отношения с миром, и свою позицию и оценку того или иного исторического этапа, личности, факта. Именно доверие писателя, как говорят юристы, к неограниченному кругу лиц лежит в основе его признания или забвения, провала или знаменитости.

Приятного вам чтения и обретения родственных вам душ.

Татьяна Богина,
главный редактор.

ВЕСИ

№ 6 (154)` 2019
июль-август

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2019 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс на сайте http://www.ural-press.ru/
Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.
Сотрудничество с зарубежными подписчиками:
Кудрявцева Елена +7(495)961-23-62 доб. 3777 kudr@ural-press.ru.

Журнал удостоен медалей

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

Выпуск журнала осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization

World Federation of UNESCO clubs, centers and associations

РБА

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства TICCIH.

Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.

TICCIH

The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage

«ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ К ГОРНЫМ ЗАВОДАМ»

К 120-летию экспедиции Д.М.Менделеева на Урале;
к 140-летию Уральской Горнозаводской железной дороги;
к 185-летию со дня рождения Д.И.Менделеева

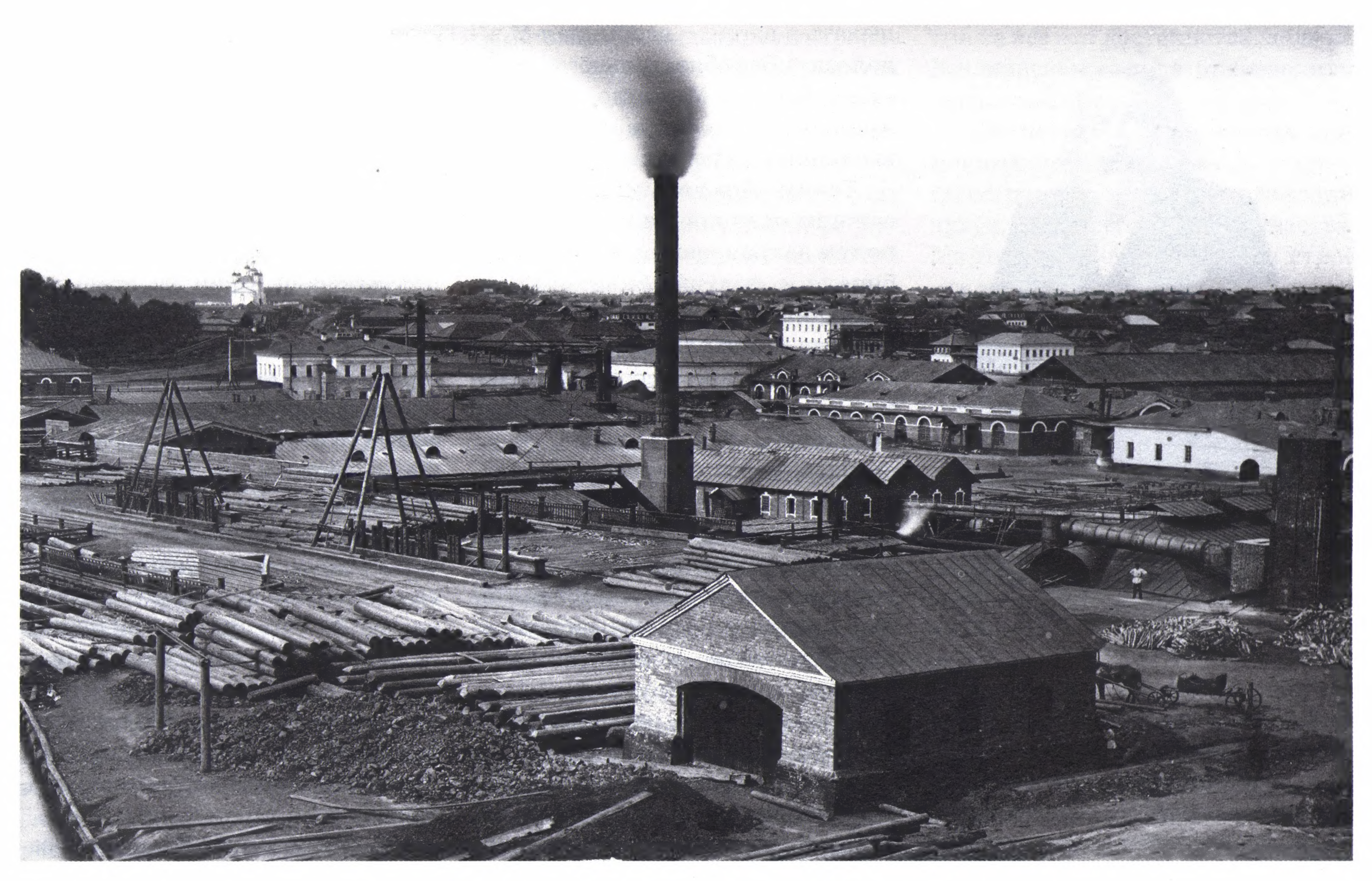
Евгений СТАВЦЕВ

Заведующий историко-техническим музеем «Дом Черепановых» Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». Живет в Нижнем Тагиле.

В этом году интереснейшим образом переплетается несколько юбилейных и памятных дат, связанных с историей России, Урала и Тагильского края. Можно сказать, что связующим звеном здесь стала Уральская железная дорога, объединившая Уральскую горную промышленность в единый заводской комплекс, раскинувшийся по обеим сторонам Уральского хребта и сделавшая его более доступным для торговых и производственных связей с Российской метрополией. Увеличившийся поток грузов, товаров, людей, заводских производств в первые десятилетия существования Уральской железной дороги превратил ее в важную транспортную артерию, соединившую Европейскую Россию с огромной Сибирью. А наличие самой дороги теперь делало возможным более детально изучить жизнь и устройство такого сложного и специфического организма, входящего в состав России, как Горнозаводской Урал. Тем более, что в конце XIX века этот организм начал давать сбой, постепенно погружаясь в кризис, который прямым образом стал сказываться на состоянии всей российской промышленности. Разобраться в причинах этого кризиса было поручено выдающемуся русскому ученому с мировым именем Дмитрию Ивановичу Менделееву.

В минувшем году Свердловская железная дорога отметила свой 140-летний день рождения. Свое начало она ведет от Уральской Горнозаводской железной дороги (УГЖД), построенной в 1878 году. Но если учесть, что еще весь следующий год достраивалась Луньевская ветка от станции Чусовской на север до Березников, где располагались каменноугольные копи, то можно считать, и нынешний год для дороги юбилейным. Полное движение по Луньевской ветке было открыто 23 сентября 1879 года.

Уральская Горнозаводская железная дорога в тот исторический период считалась одной из самых уникальных в России. Во-первых, она имела «островной» характер, объединяя между собой горные заводы, рудные месторождения, топливные базы в виде лесных дач и торфяных угодий. По сути, УГЖД строилась как внутризаводская линия для обеспечения нужд производственного процесса уральской горной промышленности. Отсюда и название дороги – Уральская Горнозаводская. Во-вторых, она стала одной из первых железных дорог в Российской империи, построенной в горной местности, в крайне сложных геологических, топографических и климатических условиях. При строительстве этой дороги пришлось производить такие виды работ, которые ранее при прокладке железных дорог не применялись, или применялись не в таком масштабе, как здесь. На 669 верст протяженности дороги приходилось 646 препятствий (!) природного характера – то есть, практически, по одному на каждую версту. И, наконец, в-третьих, УГЖД стала первой железной дорогой, которая расположилась в двух частях света – Европе и Азии, поскольку пересекала условную географическую границу континентов, проходящую по Уральскому хребту. В связи с этим, здесь будет уместнее добавить, что Уральская железная дорога считалась и одной из самых красивых в стране, поскольку была проложена по живописным горным долинам, через таежные

Вид Нижнесалдинского завода. 1890-е гг.

леса, пересекая Уральский хребет в центральной его части.

Общая протяженность УГЖД по линиям Пермь – Чусовская – Нижний Тагил – Екатеринбург, включая Луньевскую ветку, на 1879 год составляла 871 версту (более 928 км). Эта была одна из крупнейших горных железных дорог в мире на конец XIX века!

После сдачи дороги членами правительственной комиссии было вынесено заключение следующего характера: «Уральская Горнозаводская железная дорога может быть признана образцом для будущих сооружений такого рода и при таких же местных условиях».

Сразу же после открытия движения поездов УГЖД не только исполнила функцию главной горнозаводской магистрали Урала, но и стала важной транспортной артерией, соединившей Волжско-Камский регион с Сибирью, по которой в обоих направлениях потянулись потоки грузов, товаров и людей.

Уральский край всегда привлекал внимание ученых и путешественников своими природными богатствами и неповторимой суровой красотой, поэтому в первое десятилетие с момента открытия железной дороги по ней проехало немало известных и знаменитых людей, среди которых были писатели, художники, ученые, политические и общественные деятели. Но, пожалуй, одним из самых знаменитых пассажиров Уральской железной дороги, был великий русский химик, ученый с мировым именем, Дмитрий Иванович Менделеев.

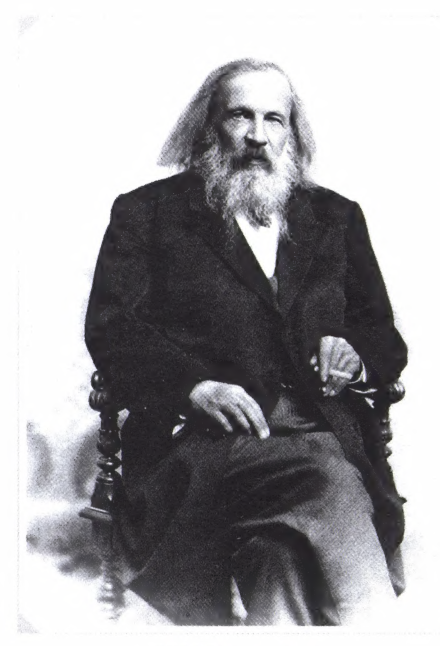
В 1899 году великий ученый совершил путешествие по Уральской Горнозаводской железной дороге в специальном служебном вагоне. На тот период ему исполнилось 65 лет. В поездке его сопровождали коллеги по университету и научной работе профессор П.А.Замятченский – специалист по минералогии, химик С.П.Вуколов и технолог-метролог, сотрудник Государственной Палаты мер и весов К.Н.Егоров.

Эта поездка была не праздным путешествием именитых и богатых туристов, воспользовавшихся новой железной дорогой, чтобы посмотреть красоты Уральских гор. Даже из должностного списка участников этой поездки видно, что цель их путешествия несколько иная, и носила она, скорее, научно-исследовательский и даже, где-то, инспекционный характер.

Действительно, путешествие Д.И.Менделеева было организовано Министерством финансов Российской империи, которое предложила знаменитому ученому возглавить специальную комиссию по изучению состояния дел в уральской горной промышленности, переживавшей в 1890-е годы тяжелый кризис. Казенные заводы несли убытки, частные – не развивались. Нужно было выяснить причины этого упадка и найти способы его устранения.

Но почему именно Менделеев был назначен руководителем этой комиссии?

Необходимо напомнить, что Дмитрий Иванович Менделеев занимался не только химией. Он был редким ученым, которого можно назвать, энциклопедистом. Сфера его научных интересов не знала границ. За свою жизнь Менделеев написал более 500 научных трудов по химии, физике, природным ресурсам, металлургии, метеорологии, воздухоплаванию, агрономии, экономике, народному просвеще-

Д.И.Менделеев.

нию, транспортным перевозкам, нефте- и угледобыче. «Сам удивляюсь, – с гордостью писал он, – чего я только не делывал в своей научной жизни». Когда его называли гением, Менделеев морщил лоб и быстро отвечал: «Никакой я не гений. Просто работал много». Поскольку большая часть научных исследований ученого была связана с потребностями развития производительных сил страны, Министерство обратилось за помощью к нему. Менделеев согласился.

Чтобы изучить состояние дел на уральских горных заводах, разбросанных на огромной территории по обеим сторонам Уральского хребта, самым удобным средством передвижения Менделеев избрал Горнозаводскую железную дорогу, которая на тот период была переименована в Пермь-Тюменскую (в 1885 году была открыта линия от Екатеринбурга до Тюмени протяженностью 382 км).

Начальник Пермь-Тюменской железной дороги Алексей Михайлович Повалишин, будучи признателен выбору ученых, узнав о цели их путешествия, предоставил Менделееву и его коллегам специальный служебный вагон на время всей поездки. Этот шаг со стороны руководства железной дороги избавил членов экспедиции от необходимости «выносить и привозить массу вещей, с нами бывших и в пути умножившихся, когда усталые мы шли «к себе» отдыхать в вагон, – вспоминал Менделеев. – Без обязательного содействия Алексея Михайловича наша экспедиция не могла бы многого выполнить из того, что удалось».

Таким образом, почетные пассажиры оплачивали свои поездки по тем направлениям, которые выбирали и, получив билеты, могли сохранять «свой» вагон за собой там, где останавливались.

Путешествие по Уральской железной дороге началось 19 июня 1899 года.

Знакомство с горными заводами состоялось на Луньевской ветке, ведущей на север от станции Чусовской к каменноугольным копям, снабжающим многочисленные уральские заводы минеральным топливом. Поэтому билеты были куплены в Перми прямиком до станции Кизел, расположенной в центре Луньевской ветки.

Кизеловский завод, принадлежавший княгине Абамелек-Лазаревой, представлял для Менделеева интереснейший объект, поскольку здесь сходились три основы железного дела Урала: производство чугуна, древесное топливо и каменный уголь. «О том, что мы едем по каменноугольной местности, говорят часто встречаемые вагоны с углем», – пишет Менделеев, с удовлетворением отмечая положительный момент в том, что уральские заводы долгое время, находясь в зависимости от древесного угля, стали переходить на каменный, что в свою очередь, способствовало бы делу сохранения лесов на Урале. Заводское хозяйство в Кизеле Менделеев и его спутники нашли в хорошем состоянии. Четыре домны плавили отличный чугун; для обжига местных бурых железняков эффективно использовали доменные газы; активно использовались электродвигательные машины для подъема руды и откачки воды из шахт. У завода имелась даже своя небольшая узкоколейная железная дорога, по которой на завод доставлялся каменный уголь, добываемый на своей же шахте под названием «Княжеская копь». Да и само селение при заводе производило приятное впечатление своей благоустроенностью и многими церквами, а для пришлого татарского населения, усердно работающего на заводе и копях и ценимого за честность и трезвость, хозяевами была выстроена магометанская мечеть.

Однако сложности на Кизеловском заводе, все-таки, были, и заключались они ни столько в заводском производстве, сколько в отношениях между заводовладельцами и своими работниками – «заводскими» крестьянами, которые считали, что завод их должен содержать даже в том случае, если производство дает сбой или, того хуже, закрывается. При этом у каждого крестьянина сохранялся свой земельный надел, который способен прокормить своего владельца. Государство, как правило, в этих спорах принимало сторону крестьян, и заводовладельцы оставались незащищенными, что негативно сказывалось на их деятельности.

По этому поводу Менделеев заключил: «...скажу здесь в первый раз и повторю далее не раз, что чем скорее кончатся на Урале всякие счеты между землевладельцами-заводчиками и крестьянами, тем будет легче России оживиться со своим железным делом».

Совершая поездку по Луньевской ветке, Менделеев отметил схожесть здешних мест с Аллеганскими горами в Северной Америке, где ему пришлось бывать ранее. Те же поросшие темно-хвойным лесом холмы, овраги, большие перепады высот, горный хребет к востоку и «особо тихий ход поезда». Ученый верно подметил, что «железные дороги на Урале вообще не спешат». Это объяснялось сложным горным рельефом местности, по которому была проложена железная дорога. Главными трудностями при ее строительстве здесь были резкие перепады высот – подъемы и уклоны на пределе допустимого – от 43 сажен (135 м) до самой высокой точки 220 сажен (691 м). В сплошном скальном грунте строителям пришлось прорубать выемки общей протяженностью более 12 верст, и глубиной от 5 до 12 сажен (от 11 до 26 м). В пониженных местах были воздвигнуты насыпи

высотой в 13 сажен (около 30 м), а к северу от станции Чусовская на 22 версте даже пришлось прорубать тоннель под один путь длиной 65 сажен (145 м), ставший одним из первых в России, и равным которому не было в Европе!

Инженерные сооружения, воистину, поражали своей продуманностью и грандиозностью.

Одними из таких сооружений можно считать мосты, переброшенные через многочисленные ручьи, реки и овраги. На Уральской железной дороге насчитывалось 316 мостов, самым большим из которых считался мост через реку Чусовую. Сооруженный из металлических ажурных конструкций, на каменных опорах, этот мост достигал 180 сажен в длину (564 м). На тот период Чусовской мост являлся одним из самых крупных в России. Он живописно соседствовал с узловой станцией Чусовская, где «красивейшим образом расположился в углу рек Чусовая, Вильва и Усьва, Чусовской завод, принадлежавший Камскому Акционерному обществу», где основная доля находилась в руках иностранного капитала, главным образом, французского. Кроме Чусовского завода, Обществу принадлежали также Пашийский и Нытвинский заводы.

Чусовской завод, который Менделеев посетил 22 июня, относился к новым уральским заводам (построен в 1880 г.) и получил свое рождение и развитие благодаря строительству Уральской Горнозаводской железной дороги и своему выгодному расположению – на стыке водных и железнодорожных путей. Кроме того, владельцы завода, в лице своих управляющих Э.И.Лавизона и Р.Я.Гартвана, старались привлечь сюда новые технологии, лучшие рабочие руки; развивали местную сеть заводских железных дорог и имели полный цикл производства и передела чугуна, а также листопрокатное производство. Завод выпускал широкий ассортимент железной продукции: от проволоки до рельсов. «В общем завод производит хорошее впечатление в сравнении с многими Уральскими старыми заводами, которые нам пришлось видеть, хотя производство чугуна и стали обходится несколько дороже, чем на других заводах», – заметил в своих описаниях химик С.Вуколов.

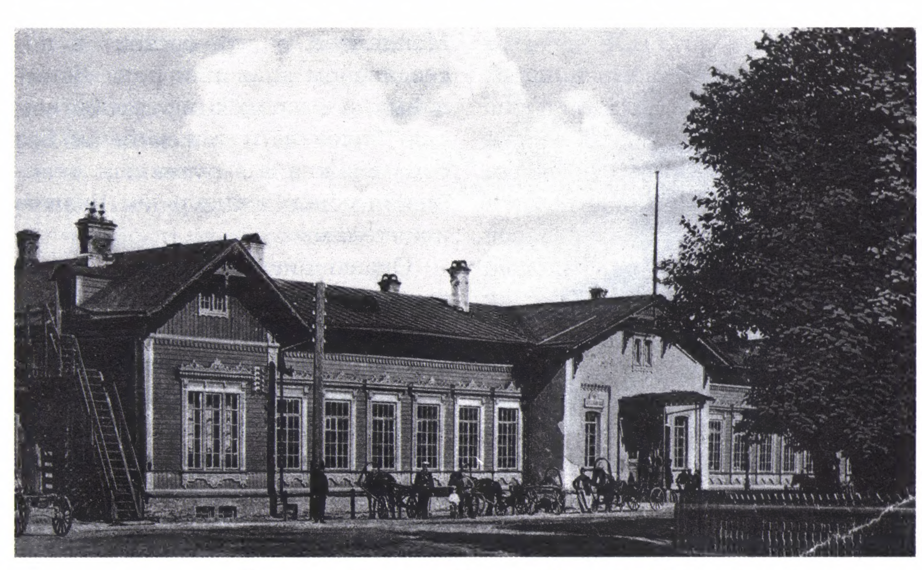
В ночь с 22 на 23 июня 1899 года поезд с почтенными учеными мужами перевалил через Уральский хребет, и под утро прибыл на станцию Кушва, расположенную уже в Азиатской части России. Здесь Менделеев и его спутники намеревались осмотреть Кушвинский завод и находящуюся вблизи него знаменитую гору Благодать. На знакомство с заводом экспедиция выделила пять дней, большую часть из которых Дмитрий Иванович провел в своей вагонной каюте из-за плохого самочувствия, случившегося по причине скверной холодной и дождливой погоды, когда столбик термометра ночью опускался до рекордных 2 градусов, а днем солнце едва прогревало воздух до 17 градусов. Поэтому основную работу по изучению состояния дел на Кушвинском заводе взяли на себя технолог К.Егоров и химик С.Вуколов.

Удачное месторасположение завода вблизи богатейшего рудного месторождения в виде горы Благодать; обширные лесные и торфяные угодья, дающие топливо; да еще под боком Горнозаводская железная дорога для транспортировки того же топлива и готовой продукции, все это могло превратить Кушвинский завод в один из самых успешно развивающихся на Урале. Однако, несмотря на все эти достоинства, дела на Кушвинском заводе производили печальное зрелище.

Из четырех устаревших доменных печей, одна была закрыта на ремонт, другие выплавляли чугун, и то невысокого качества. Мартеновскую печь начали строить еще в 1892 году, но, заложив лишь фундамент, строительство было заморожено «по несвоевременности», как объясняло руководство завода. Руда к домнам подвозилась лошадьми по плохим помостам. Несмотря на то, что на заводе имелись сараи для руды и угля, уголь лежал в кучах на дворе под дождем. Лаборатория на заводе отсутствовала, а химические анализы плавки в домнах велись не специалистами, а помощником управляющего заводом, у которого и так своих хозяйственных работ было в избытке. Даже внешний вид Кушвинского завода выглядел удручающим: «Улицы заводского селения не благоустроены, а при въезде на завод, он поразил своим заброшенным и неопрятным видом», – писал Менделеев.

То, что увидели участники экспедиции на казенном Кушвинском заводе, резко отличалось от частновладельческих заводов Урала, с которыми они уже познакомились ранее и которые предстояло еще увидеть. Одним из таких заводов был Нижнетагильский, состоящий в собственности у горнозаводчиков Демидовых.

Нижний Тагил, в котором Менделеев «непременно желал побы-

Вокзал в Нижнем Тагиле. *Конец XIX в.*

вать», вызывал у него живой интерес по нескольким причинам.

Во-первых, Тагил с горой Высокой «составлял уже более столетия исторический центр уральской железной промышленности», – отмечал ученый; а во-вторых, Менделеев когда-то преподавал химию Павлу Павловичу Демидову, от которого «в подробностях узнавал ход всех тагильских дел». Кроме того, сам ученый на заре своей научной деятельности в 1862 году, в возрасте 28 лет, стал лауреатом Демидовской премии, учрежденной Павлом Николаевичем Демидовым – отцом своего ученика.

Демидовской премией, вручаемой Академией наук с 1832 по 1865 годы, удостаивались российские ученые, деятели искусств, государственные и общественные деятели, промышленники, внесшие значительный вклад в развитие отечественной и мировой науки и культуры.

Дмитрий Иванович Менделеев был удостоен этой премии за составление и написание оригинального учебного курса «Органическая химия», принесшего ему широкую известность в научных и образовательных кругах в России и в Европе.

Рано утром 27 июня Д.И.Менделеев сошел на перрон вокзала железнодорожной станции Нижний Тагил, где его уже ждали лошади, на которых ученого должны были доставить в «старинный и монументальный дом Демидовых, куда приглашал управляющий всех имений наследников Павла Павловича Демидова, князя Сан-Донато – высокоуважаемый Анатолий Октавович Жонес-Спонвиль».

П.И.Замятнин – управляющий Нижнетагильскими заводами.

Поскольку завод со зданием Главного заводоуправления («дом Демидовых») были отдалены от вокзала на расстояние трех верст, то у гостей была возможность проехать через все заводское селение и оценить его масштабы. «Нижне-Тагильск – целый город, – пишет Менделеев, – 32 тысячи жителей, с широкими улицами, с прекрасными церквами, с монументами на площадях, с пожарной каланчой на соседнем холме, как на многих заводах, а считается селом, хотя в нем одном три волости». Ему вторит его коллега по экспедиции технолог К.Н.Егоров: «Громадное заводское селение Нижнего Тагила, отвечающее губернскому городу по числу жителей, производит совершенно особое впечатление на человека, еще на освоившегося с типом того, что на Урале называют «заводом». Тагил раскинулся на нескольких холмах, у знаменитой «Высокой» горы. Среди обычного типа деревянных домов, окружающих каждый уральский завод, тут встречаются прекрасные каменные здания, магазины, гостиницы и, наконец, при проезде по площади обращает на себя внимание памятник работы итальянских мастеров, состоящий из целой группы лиц».

«Не сделан он городом, вероятно, по той причине, – замечает Менделеев, – что состоит в посессионном владении рода Демидовых, и с городским устройством еще более запутались бы и без того сложнейше-путанные отношения между владельцем, казною и жителями».

Оказавшись в «доме Демидовых» (здании Главного заводоуправления) Менделеев вспоминал: «Вхожу в богатые залы; по стенам старинные портреты предков Демидовых, и картины не нового покроя; такова же вся обстановка, даже терраса под окнами, даже вид в сад и на окрестности; все дышит чем-то почтенным, устоявшимся и не вчерашним. Дополняют картину своим хорошими взвешенными суждениями уже седой Анатолий Октавович и управляющий Нижнетагильскими заводами многоуважаемый Павел Иринархович Замятнин, и тут видишь во всем, от разговоров до жестов – положительность, спокойную уверенность и настойчивость, каких редко встретишь в нынешних людях дня и современной, спешливой суеты».

А.О.Жонес-Спонвиль, управляющий всех имений наследников П.П.Демидова – князя Сан-Донато.

Гости не только разговаривали с руководством Нижнетагильских заводов, но и многое осмотрели, хотя день был воскресный и многие работы не производились. Менделеев и его коллеги посетили «геологический музей», где «были показаны образцы различных уральских каменных углей; отделение золота и платины, которую давно добывают на землях Демидова; образцы «тагильских произведений», бывших на разных выставках, где с особой выпуклостью выясняется великая мягкость и вязкость изделий: из рельс навязаны узлы и наплетены чуть ли не кружева – без следов трещин, толстые в несколько дюймов листы железа согнуты не в два, а в четыре и более раза, как мягкая салфетка, и тоже нигде следа трещин. Известно, что листовое уральское железо в этом отношении еще и доныне пользуется всемирной славой и не превзойдено». П.И.Замятнин объяснил гостям,

что «наилучшее в этих отношениях уральское железо все производится из Высокогорской руды и что другие руды того не дают».

Кроме музея, Менделееву показали большую заводскую лабораторию, Нижнетагильский завод, гору Высокую, Меднорудянский рудник и Выйский медеплавильный завод.

Несмотря на выявленную тесноту, особенно на Выйском заводе, вызванную давностью существования самих заводов, где оборудование прибавлялось из года в год, Д.И.Менделеев отметил много положительных моментов в работе Нижнетагильского завода – его высокую производительность; отличное качество выпускаемого железа; постепенную модернизацию заводского оборудования, что характеризовало его как завод смешанного типа, где сочеталось прошлое и настоящее. Так, во время посещения Нижнетагильского завода Менделеев стал свидетелем работы по замене старого водяного ларя на новый с трубой в 12 футов диаметром. Отрадно было заметить, что многие заводские машины на заводе были построены собственными средствами, на своих заводах, руками своих же мастеров, действуя по старому демидовскому принципу «иметь все свое».

Этот принцип наглядно подтверждали собственные заводские

В.Е.Грум-Гржимайло – управляющий Верхне-Салдинским заводом.

железные дороги узкой и широкой колеи общей протяженностью в 145 верст (!). От Нижнетагильского завода они расходись в западном и восточном направлениях, объединяя всю тагильскую группу демидовских заводов в единую производственную сеть. Эти дороги соединялись с главной линией Уральской Горнозаводской железной дороги, что давало существенные выгоды в транспортировке заводской продукции, руды, леса и угля.

«Переезд на Нижне-Салдинский завод из Н.Тагила, – пишет по этому поводу технолог К.Н.Егоров, – теперь совершается по заводской железной дороге. Путь очень интересен; на его протяжении долго виден Нижний Тагил с разных сторон, со своим оригинальным видом: у подножия гор на берегу колоссального пруда; далее дорога идет лесом, пересекает Уральскую и в этом пункте прямо принимает и подает на нее груз. Немного заводов на Урале могут похвастаться своей железной дорогой, подобно Тагильским, не многим под силу построить свой рельсовый путь».

К сожалению Д.И.Менделееву не удалось проехаться по демидовской железной дороге до Салдинских заводов, входящих в «тагильскую группу», чтобы посмотреть ход бессемеровского производства, имеющегося на Урале только на демидовских и Катавских заводах. Экспедиция должна была срочно выезжать, чтобы успеть добраться до Тюмени к отходящему пароходу в Тобольск, иначе бы пришлось ждать целую неделю. Поэтому за время пребывания Менделеева в Тагиле только его коллега К.Н.Егоров успел посетить Салдинские заводы и собрать необходимые сведения об их состоянии.

В Нижне-Салдинском заводе Егоров повстречался с его замечательным управляющим Константином Павловичем Поленовым, «отцом русского бессемерования», который развернул на своем заводе громадное рельсопрокатное производство; поделился опытом уникального бессемеровского производства стали и продемонстрировал работу своего изобретения – «фотометра», прибора, предназначенного для резки рельсов.

К.П.Поленов – управляющий Нижне-Салдинским заводом.

К.П.Поленов охарактеризовал работу своего завода «вполне хорошо» и, с сожалением, сообщил Егорову, что «применение своего фотометра он случайно встретил на одном австрийском заводе, куда этот прибор, очевидно, попал не совсем законными путями».

На этот счет Д.И.Менделеев, говорил: «...мы, русские, в промышленных делах охотнее всего идем следом за «изобретениями» иностранцев, хотя, сколько мне приходилось узнать из долгого опыта жизни, практически важных предложений и даже начальных опытов у нас много, да настойчивости нет, и многое приходит к нам под чужим флагом».

Не менее интересной прошла встреча К.Н.Егорова с Верхне-Салдинским заводом, куда он прибыл по той же заводской железной дороге. Этот завод специализировался по производству листового и кровельного железа; кроме того, новый шведский прокатный стан выделывал полосовое и угловое железо; исправно работали две доменные печи после ремонта и новая мартеновская печь. Здесь, как и на Нижнетагильском заводе, сочеталось применение старой и новой техники, что говорило о постепенной и постоянной модернизации частных заводов.

С работой Верхне-Салдинского завода Егорова знакомил

Участники уральской экспедиции П.А.Замятченский, С.П.Вуколов, К.Н.Егоров и Д.И.Менделеев (с фотографии Мразовской).

его управляющий, талантливый металлург и новатор производства Владимир Ефимович Грум-Гржимайло. Имея за плечами большой опыт работы как на казенных, так и на частных заводах, в разговоре с гостем он ясно сформулировал ответ на главный вопрос о состоянии железного дела на Урале, который заставил Менделеева и его товарищей отправиться в путешествие по Уральской железной дороге.

Сложное состояние дел в Уральской горнозаводской промышленности объяснялось, с одной стороны, противоречиями между частными и казенными заводами, а с другой, – отношением государства к казенным и частным заводам, которое, собственно, и порождало эти противоречия.

«Казенные заводы потеряли всякий смысл на Урале, – говорил Грум-Гржимайло. – Как свои заводы казны они не имеют никакого значения – большая часть заказов идет помимо них, а те, которые попадают к ним в руки, исполняются плохо и дорого. В то время, как частные заводы, вроде Тагильских, Сысертских, Билимбаевских, образцово ведут свое лесное хозяйство, дачи казенных заводов представляют склады валежника, бурелома и эксплуатируются по типу чисто хищническому. Частный завод ведет борьбу на рынке и волей-неволей должен идти вперед, у казенного такой стимул отсутствует, так же, как отсутствует личная энергия и инициатива, не по недостатку людей, а по характеру всей системы управления казенными заводами». В результате оказывалось, что казна, распределяя заказы, стремилась раздать их своим заводам, нежели частным, тем самым, заставляя частные заводы идти на многочисленные уступки, снижать цены и работать себе в убыток, при том, что производили они продукцию более качественную.

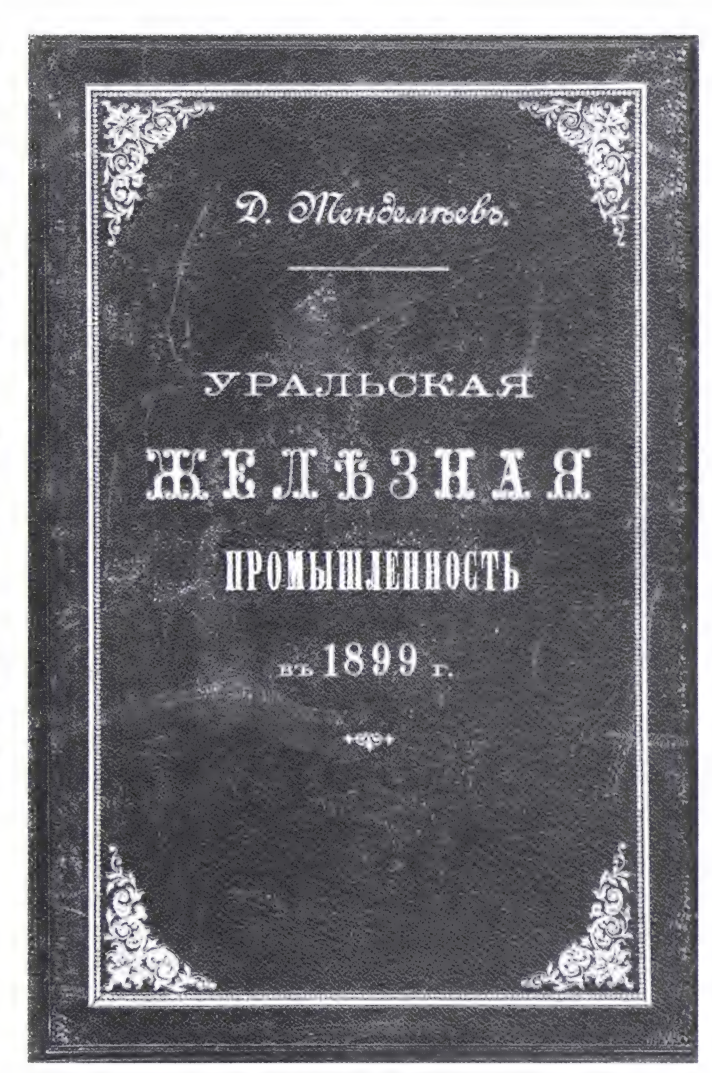
Ярким примером, подтверждающим слова Грум-Гржимайло, стала история, рассказанная Менделееву управляющим Нижнетагильским заводом П.И.Замятниным: «Дело касалось постройки железного моста в два 30-ти саженных пролета через реку Сылву на Уральской железной дороге, когда дешевейшую цену заявили заводы Демидовых, казенный же Воткинский завод назначил более высокую цену с пуда. Заводы Демидовых были уведомлены, что подряд оставлен за ними, и они начали заготовку, а потом все же постройка была сдана Министерством Воткинскому заводу – по цене, им испрошенной, вследствие сношений подлежащих ведомств».

Слушая эту историю, «я немного покачал головой, не от недоверия, а больше от сожаления, – вспоминал Менделеев, – на что Павел Иринархович вызвался подтвердить ее документами».

«День, проведенный мною в обществе глубокоуважаемых А.О.Жонеса и П.И.Замятнина, и множество предметов, на которые переходили разговоры, все оставило во мне эти впечатления, и я должен сознаться, – пишет в заключении Д.И.Менделеев, – что выехал из Тагила с очень увеличенным багажом мыслей, касающихся Урала, особенно по отношению между казенными и частными заводами. Всего не перескажешь и не запомнишь... Как ни приятна была мне остановка в Нижне-Тагильске, боясь расстройства здоровья, которое могло бы нарушить весь план поездки, усталый до крайности, я отправился ночевать в «свой» вагон, чтобы с раннего утра двинуться на Тюмень и оттуда в Тобольск...»

После возвращения из экспедиции Д.И.Менделеев составил подробный аналитический отчет министру внутренних дел С.Ю.Витте о состоянии дел на уральских горных заводах. Среди основных причин упадка уральской промышленности Менделеев выделил пережитки «помещичьих отношений, существовавших всюду на Урале в виде крестьян, приписанных к заводам» и отсутствие здоровой конкуренции между заводами, из-за засилья правительственных монополий. И несмотря на то, что его замечания были подвергнуты критике со стороны высших государственных инстанций, Менделеев считал необходимым передать Военному и Морскому министерствам казенные заводы, соответствующие интересам обороны, а остальные предприятия такого рода, государственные горные заводы отдать в частные руки с целью создания конкуренции для снижения цен.

Д.И.Менделеев нередко принимал участие в государственных проектах по социально-экономическому развитию России, участвовал в проектах модернизации российской промышленности, но после своей уральской экспедиции он проникновенно напишет: «Вера в будущее России, всегда жившая во мне, прибыла и окрепла от близкого знакомства с Уралом».

Обложка книги Д.И.Менделеева.

Нижний Тагил в конце XIX в.

МУЗЕЙ ИМ. В.Г.КОРОЛЕНКО В СВЕРДЛОВСКЕ

Петр ШЛЫКОВ

Инженер-строитель. Живет в Екатеринбурге.

Многих Екатеринбуржцев может удивить то, что в Свердловске был музей писателя Владимира Галактионовича Короленко и что его старшая дочь жила и трудилась в нашем городе три года. Сам писатель только предполагал побывать в Екатеринбурге, но своего намерения не воплотил[1]. В Советское время в Свердловске В.Г.Короленко не был забыт – в 1920-е годы семилетнюю школу на углу улиц Радищева и Московской назвали его именем, а в 1939 году улицу Березовскую переименовали в честь писателя.

Литературно-мемориальный музей Короленко был открыт в Полтаве в 1928 году к 75-летию со дня рождения писателя. Возглавила его старшая дочь – Софья Владимировна. В 1941 году немцы приближались к Полтаве, музею грозило уничтожение. В фондах Полтавского музея хранится удостоверение, выданное переселенческим отделом исполкома Полтавского областного совета депутатов трудящихся от 31.08.1941 года, где перечислены эвакуирующиеся сотрудники:

1. Короленко С.В. – 54 года (старшая дочь писателя – директор музея).
2. Ляхович Туся – 2 года (внучка писателя).
3. Кривинская Анна Леопольдовна – 65 лет (старейший «короленковед» в России и СССР).
4. Кривинская Любовь Леопольдовна – 54 года.
5. Рабинович Роза Александровна – 59 лет.
6. Александровская Татьяна Борисовна – 15 лет.
7. Имшинецкая Антонина Яковлевна – 52 года.
8. Имшинецкая Татьяна Александровна – 27 лет.
9. Имшинецкая Юлия Бенционовна – 3 года.
10. Имшинецкий Марк Бенционович – 1 год.
11. Короленко-Ляхович Наталья Владимировна – 52 года (младшая дочь писателя).

В длинном списке большинство – друзья семьи писателя, которые спасались от вероятной гибели. В Полтаве следить за домом осталась только верная домработница семьи и уборщица музея – Ирина Карповна Значенко. Личные вещи писателя были отправлены в Уфу, книги и архив – в Свердловск. Еще до отъезда И.К.Значенко договорилась со своим бывшим воспитанником Сергеем Ивановичем Мельником (родом из Нижних Млинов) о том, что он предоставит комнату для эвакуированных в порядке добровольного уплотнения. Жил инженер со старушкой матерью и маленькой дочкой в Свердловске по ул. Ленина в доме № 81 («Сталинец»*).

Библиотека им. Белинского, 1930-е годы (из фондов ГАСО).

До Свердловска доехали четверо: Софья Владимировна Короленко, Любовь Леопольдовна и Анна Леопольдовна Кривинские, Роза Александровна Рабинович. В комнате поставили три кровати и раскладушку вдоль стены, большой шкаф – посередине, небольшой книжный шкаф с посудой отделял угол Анны Леопольдовны, туалетный столик – ее рабочее место. Софья Владимировна не могла жить без комнатных растений, сразу по приезду был куплен цветок и водружен в тесную комнату. Роза Александровна, не имевшая образования, стала домохозяйкой – занималась доставкой обедов из столовой и «отовариванием» карточек. Л.Л.Кривинская, фельдшер по образованию, устроилась в городскую больницу. Анна Лепольдовна – инвалид и пенсионер, работала «на дому» – составляла аннотацию произведений писателя.

Исполком городского Совета решил разместить музей им. Короленко в музее Д.Н.Мамина-Сибиряка. Но музей Дмитрия Наркисовича не начал работу до войны, а в 1941 году его помещения занял трест «Текстильснабсбыт» (освободили здание музея только в октябре 1945 года)[2]. В годы войны директором музея Д.Н.Мамина-Сибиряка был Пьянков Андриан Афанасьевич[3] – руководитель краеведческой секции Горсовета, а с 1944 года – директор Областного историко-краеведческого музея. Примечательно, что Короленко и Мамин-Сибиряк были лично знакомы с конца 1880-х гг., в коллекции музея хранится книга с дарственной подписью от 10 октября 1888 года. Свердловский краеведческий музей стал хранилищем личных вещей Короленко, но и он в годы войны передал свои помещения под эвакуированные предприятия. Несмотря на трудности, музей им. Короленко работал – дома трудилась Анна Леопольдовна, Софья Владимировна читала лекции и проводила встречи с почитателями творчества отца. Исполком «прикрепил» музей к ГорОНО, где сотрудники получали зарплату, хлебные карточки и дрова[4]. Также для музея выделили маленькую узкую комнату («щель», как ее называла Софья Владимировна) в областной библиотеке им. Белинского** (ул. К.Либкнехта, 8). Музею дали возможность принять на работу на полставки профессора-литературоведа Марию Александровну Рыбникову и педагога Лидию Евлампиевну Случевскую, оказав-

Короленко с женой и дочерьми.

* В конце 1920-х годов Уралобком и Уралоблисполком на основании совместного постановления ЦИК и Совета народных комиссаров СССР от 19.08.1924 г. («Декрет о жилищной кооперации») принимают решение об организации для своих сотрудников жилтоварищества «Сталинец», которому поручили строительство комплекса жилых кооперативных домов в квартале улиц Ленина, Мичурина, Первомайской и Восточной. Архитекторами были назначены Владимир Ковалев и Илья Бланк. Планировалось строительство 4–5-этажных жилых домов на 500 квартир со встроенными помещениями соцкультбыта и магазинов – все в модном тогда конструктивистском стиле. Но собранных пайщиками денег на воплощение такого проекта не хватило. К 1935 году было построено только 7 блок-подъездов (пр. Ленина, 91). В число пайщиков дополнительно вошли сотрудники органов юстиции и прокуратуры, а «Сталинец» стал «головным» для всех жилищных кооперативов города. К работе по новому проекту дома были привлечены опытные архитекторы Алексей Дукельский и Вениамин Соколов, и в 1939 году строительство стоквартирного четырехэтажного дома было завершено, во дворе даже смонтировали фонтан. В квартирах было от трех до пяти комнат с полноценной кухней и санузлом. Незастроенная часть квартала № 3 была передана заводу «Станкострой», который до начал Великой Отечественной войны успел заложить только фундамент двух четырехэтажных жилых домов по 24 квартиры в каждом[8].

** 26 мая 1899 года состоялось торжественное открытие Екатеринбургской публичной общественной библиотеки имени В.Г.Белинского в доме Жукова на Колобовской улице. С 23 октября 1916 г. библиотека располагается в усадьбе № 8 по Вознесенскому проспекту. Первоначально это жилой дом городской усадьбы (1804 год), с 1875 года – городское училище им. Пушкина, в 1915 году городская дума передала его под публичную библиотеку. Городской архитектор А.А.Федоров выполнил проект перестройки здания, а техническую часть проекта разработал К.Т.Бабыкин. В настоящее время в здании располагается Свердловская областная библиотека для детей и молодежи им. В.П.Крапивина[9].

Из письма А. М. Горького—Е. С. Короленко, жене писателя (7 октября 1925 года).

Вырезки из газеты «Уральский рабочий» за декабрь 1941 года.

шихся в это время в Свердловске. Каждый день Софья Владимировна работала в библиотеке: составляя инвентарные книги. Именно в годы эвакуации она решила безвозмездно передать государству личные вещи отца и всю литературную коллекцию. Добровольно, в благодарность за спасение.

25 декабря 1941 года (в 20-летие со дня кончины В.Г.Короленко) был организован вечер памяти, председательствовал на нем Ф.В.Гладков. Были подготовлены два альбома о творчестве писателя: «Короленко об искусстве слова», «Короленко о любви к Родине».

Жизнь в «тыловом» Свердловске была трудная[3]. Как самая «молодая» Софья Владимировна ходила на железнодорожную насыпь Транссиба (в квартале от дома) собирать щепки для печурки, а весной – крапиву. В 1942 году в «жизни» эвакуированного музея появился Сергей Львович Вольмир[***], большой поклонник творчества В.Г.Короленко, он добился дополнительных талонов, пайка и вещей по линии американской гуманитарной помощи.

В 1942 году скончалась профессор Рыбникова, а в 1943 году вернулась в Москву Л.Е.Случевская. В музее появилась вакансия, ее «заняла» начинающая учительница немецкого языка из школы № 2 Свердловской железной дороги им. Кагановича (пер. Красный, д. 3) Любовь Константиновна Гейштор, выпускница Московского института истории, философии и литературы (с 1936 по 1941 год)[6]. Ей приходилось совмещать работу в школе и музее. Придя на работу в музей в октябре 1943 года в Свердловске, она уехала с ним в Полтаву, после смерти Софьи Владимировны возглавила музей и ушла из него на пенсию в январе 1976 года. Посвятила в общей сложности 33 года жизни творчеству писателя Короленко.

В 1944 году была задумана выставка «Жизнь и творчество В.Г.Короленко» в двух экземплярах[7]. Одну планировали увезти в Полтаву, другую оставить в Свердловске – в музее им. Д.Н.Мамина-Сибиряка в благодарность городу. Этой работой занимались втроем – Софья Владимировна, Анна Леопольдовна и Любовь Константиновна. Для этого надо было фотокопировать множество архивных документов. Деньги на фотографии были в смете. Нашелся хороший фотограф – Жан Берланд, ему Л.К.Гейштор относила оригиналы документов и на следующий день забирала их вместе с копиями. Параллельно шла подготовка текстов для альбомов и лекций на предприятиях.

Весной 1944 года, благодаря С.Л.Вольмару, получили огород, где смогли собрать урожай картошки, запаслись «на всякий случай» дровами. Софья Владимировна уехала в Москву «хлопотать» о восстановлении музея в Полтаве (фашисты уничтожили его при отступлении). В начале осени умерла А.Л.Кривинская. При помощи Сергея Львовича в тихий солнечный день похоронили Анну Леопольдовну на кладбище по Березовскому тракту под высокими соснами. На похоронах были только три человека: Л.К.Гейштор, Л.Л.Кривинская и С.Л.Вольмир. Он же помог с «выделением» вагона для реэвакуации музея из Свердловска через Москву в Полтаву. За огромную и бескорыстную помощь семье и музею Софья Владимировна подарила Сергею Львовичу большие карманные часы фирмы Павла Буре, принадлежавшие писателю. После смерти С.Л.Вольмира в 2000-х гг., его племянник Виталий Тихонович Баранов вернул часы в музей.

Источники:

1. Архив Полтавского литературно-мемориального музея имени Владимира Галактионовича Короленко.
2. Литературный квартал/В.П.Лукьянин, М.П.Никулина. Екатеринбург, 2008. – С. 31–33.
3. Андрей Андреевич Анфиногенов и его записные книжки / И.Пешкова // Уральская старина, вып. №№ 6, 7, 8.
4. Решения исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся №№ 464-551 за 1943 год // Государственный архив Свердловской области (ГАСО) Ф. р286, оп. 1, д. 1025, л. 282.
5. Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Том 1. Екатеринбург. Екатеринбург, 2007. – С. 197.
6. Вблизи Короленко / Л.Гейштор. – Полтава, 2001. – 264 с.
7. Решения исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся №№ 641-729 за 1944 год // ГАСО Ф. р286, оп. 1, д. 1047, л. 107.
8. Петербургский след в архитектуре конструктивизма Екатеринбурга: монография / Л.Н.Смирнов. – Екатеринбург, 2015. С. 81–87, 117–133.
9. Белинка: Первые страницы истории (1899–1916 гг.) / С.З.Гомельская – Екатеринбург, 2002. – 128 с.
10. Пространственные аспекты экономических исследований на Урале / В.Л.Берсенев, В.В.Литовских // Пространственная экономика. – 2011, № 2. – С. 127–136.

Портрет Л.К.Гейштор, работа художника Т.М.Кусайло[6].

[***] В августе-сентябре 1941 года в составе комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны начала работать группа технико-экономических исследований (ныне институт экономики УрО РАН). С 1943 по 1948 год руководителем группы был Сергей Львович Вольмир (в 1944 году группа была преобразована в сектор УФАН). С.Л.Вольмир в г. Харькове специализировался на экономике металлургии, а в эвакуации ему пришлось заниматься снабжением Уральских металлургических предприятий углем. Он предложил строительство железнодорожной ветки от станции Полуночное до верховьев реки Лозьвы, чтобы связать заводы Урала с Печерским угольным бассейном. В 1950 году правительство СССР, в целом, поддержало предложение С.Л.Вольмира[10].

ЧАЙКА ВЫСОКОГО ПОЛЕТА

Нина ЯКИМОВА

Член Союза журналистов России, Живет в Екатеринбурге.

В начале марта 2017 года меня на работе попросили заполнить необычную открытку. На лицевой стороне было написано: «Эй, небо! Сними шляпу!» Чуть ниже – «Первая в космосе». Я сразу поняла, что речь идет о моей любимице с детства Валентине Владимировне Терешковой. Именно эти слова, чуть измененную цитату из поэмы Маяковского «Облако в штанах», первая женщина-космонавт произнесла перед стартом. На обороте открытки указан адрес: Москва, Охотный ряд, 1. Даже заготовлено стандартное: «Уважаемая Валентина Владимировна!» А далее можно было писать в произвольной форме, кому что захочется.

Желающих в отделе, кроме меня, никого не оказалось. Молодежь! Для них Терешкова – прошлый век. А я, жутко волнуясь, написала: «Вы удивительная женщина! Женщина действительно высокого полета! Всегда вас любила, восторгалась. В детстве даже хотела стать космонавтом, но это под силу только таким сильным, как вы. Желаю вам и вашим близким крепкого-крепкого здоровья, счастья, радости жизни!»

Трудно представить, что знаменитая Чайка прочитает лавину открыток, обрушившуюся на нее со всех концов нашей необъятной страны, но я все равно была счастлива оттого, что неожиданно удалось поздравить своего кумира с юбилеем – 6 марта Валентине Владимировне исполнилось 80!

Первый раз я услышала про Валентину Терешкову в июне 1963 года. Мне было десять лет. Я проводила летние школьные каникулы у родственников в деревне. Однажды из районного центра вернулась почтальонка – рыжая конопатая тетя Маруся. Обычно она спокойно объезжала все дома, через окно передавая письма и периодику, а тут галопом мчалась на лошади по деревне и, размахивая газетой, кричала: «Женщина в космосе! Черешкова в космосе!»

Так я узнала фамилию первой советской женщины-космонавта – Черешкова. А почему иногда говорили «Чайка», понять не могла. Когда вернулась домой, в город, вдруг оказалось, что фамилия у нее совсем другая – Терешкова, и это меня сильно расстроило. С трудом привыкла. А «Чайка» – не птица, а позывной.

Про Валентину Владимировну тогда много писали, показывали по телевизору, и я так влюбилась в эту смелую красивую женщину, что сама захотела стать космонавтом. Уговорила родителей выписать журнал «Авиация и космонавтика», откуда узнала очень много интересного о первых космонавтах и кораблях, на которых они летали. До сих пор помню, что Терешкова находилась на орбите почти трое суток и сделала на корабле «Восток» 48 витков вокруг Земли. Но увидев однажды в киножурнале испытания на центрифуге, поняла, что при моем хилом вестибулярном аппарате я на первом же круге скончаюсь. А Терешкова выдержала все нагрузки, что вызывало еще большее восхищение.

Как же я расстроилась, когда она неожиданно вышла замуж за космонавта Андриана Николаева. Помню, по радио шла трансляция свадьбы. Слушали всей семьей. Сам Никита Сергеевич Хрущев, первый секретарь ЦК КПСС, поздравлял! Я рыдала от горя. Мой детский мозг недоумевал, почему умница и красавица Валентина

Валентина Владимировна Терешкова.

вышла за «страшного дядьку», а не за Гагарина, которого она любила (я так считала). К тому же, я была уверена, что первая женщина-космонавт может быть женой только первого мужчины-космонавта, и никак иначе! А соседские девчонки тем временем горевали, что такой завидный жених уплыл из-под носа.

Потом были многочисленные газеты, журналы с цветными фотографиями Валентины Николаевой-Терешковой с дочкой и мужем, различные выступления знаменитой женщины на форумах самого высокого уровня. Ведь она была председателем Комитета советских женщин, председателем президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, занимала множество почетных должностей. Легендарная Терешкова, словно визитная карточка СССР, была непременной участницей всех государственных церемоний и приемов иностранных гостей. При этом она не просто выполняла представительские функции, а была «голубем мира», устанавливала дружеские контакты, перенимала опыт иностранцев.

Выросшая в простой рабочей семье, Валентина знала нужды людей и при малейшей возможности стремилась сделать их жизнь лучше, заимствуя самое ценное, что довелось увидеть во время зарубежных визитов. Это она в 1988 году настояла на принятии закона о семье и браке, по которому в Советском Союзе был установлен для женщин оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до полутора лет и дополнительный отпуск без оплаты, но с сохранением трудового стажа до трех лет. До этого в СССР мамы отдыхали после родов – представить страшно – всего два месяца... Я осознала, какой бесценный подарок сделала В.Н.Терешкова нашим женщинам, когда сама стала мамой. Если бы сегодня кому-то из политиков удалось предложить для россиян хоть что-нибудь подобное, о нем бы тысячу раз рассказали во всех средствах массовой информации. Добрые инициативы Валентины Владимировны особо не афишировались, лишь женщины старшего поколения помнят и бесконечно благодарны ей за заботу.

Став журналистом, я мечтала когда-нибудь встретиться с Терешковой и взять у нее интервью. Шансов, конечно, было мало. Но однажды мне все-таки довелось ее увидеть.

Я была свидетелем на свадьбе, и по сложившейся традиции мы поехали к обелиску Европа-Азия. Не успели открыть шампанское, как подъехал кортеж черных правительственных машин. Среди десятка представительных мужчин была всего одна женщина. Мы, конечно, узнали в ней знаменитую Чайку. Валентина Владимировна встала одной ногой в Европу, другой – в Азию. Она искренне удивлялась возможности стоять на границе двух частей света. Столичная гостья охотно откликнулась на просьбу сфотографироваться с молодоженами, многим пожала руку, пожелала счастья, здоровья, взаимопонимания. Уже сев в машину, Терешкова приоткрыла дверцу и крикнула: «Побольше ребятишек!» Кортеж исчез так же неожиданно, как появился...

Вряд ли ошибусь, если скажу, что Валентина Владимировна – самая титулованная на планете женщина. Список ее званий и наград занимает несколько страниц. Герой Советского Союза, депутат Государственной Думы, первая и пока единственная в истории Российской армии женщина-генерал, единственная женщина планеты, слетавшая в космос в одиночку, единственная россиянка, признанная величайшей женщиной XX столетия. Ее именем названы звезды, планеты, улицы, школы, гостиницы и теплоходы, ей при жизни воздвигнуты памятники на Аллее космонавтов в Москве и в Алтайском крае на месте приземления корабля «Восток», выпущена монета с ее портретом – единственный случай в советской истории. А она, настоящая Мисс Вселенная, все такая же обаятельная, деятельная, скромная. И любимая миллионами.

Мне пока так и не удалось лично познакомиться с Терешковой. Но разве это имеет значение, когда детский восторг и восхищение этой необыкновенной легендарной женщиной до сих пор живут в моем сердце?

СЕРДЦЕ ДРАКОНА

Александр БОЛЬНЫХ

Член Союза писателей России с 1993 года. Лауреат литературной премии им. Александра Беляева. Родился 1 февраля 1954 года в Таллине. Живет в Екатеринбурге.

Никто не знает всех тайн Невьянской башни, злохищный дракон Акинфий отлично умел хранить и хоронить свои секреты, подчас вместе с людьми. И сегодня мы можем только гадать, что именно таится в мрачных подземельях, где уже сотни лет не ступала нога человека. Да и стоит ли туда ходить? Иным тайнам лучше оставаться погребенными навечно.

Драконий век долог, однакож и он не бесконечен, настало время уходить старому дракону. Мрачный и злой сидел Акинфий в своем кабинете, запершись от всех, мрачны и злы были его мысли. Что случится после его смерти с «Ведомством Акинфия Демидова»? Кому отойдет железная империя? Не видел он в своих детях потребной силы, потребного таланта, чтобы продолжить дело родителя. Неужели дело всей его жизни обратится в прах, расточится бесследно?

Он разглядывал свою рудную горку и видел, что ослабела красная ящерка, жившая в горне медного плавильщика, потускнела она, из ярко-красной превратилась в малиновую. Когда-то ослепительно белые сверкающие глазенки стали мутно-желтыми и едва светились в темноте – Акинфий не зажег ни единой свечи в разлапистом шандале, не то настроение было. Да и не требовался ему свет, он отлично видел в самой кромешной темноте. Сама же ящерка едва шевелилась, потеряв былую резвость, и когда Акинфий протянул руку, чтобы тронуть ее, она едва дернулась. Попыталась было пыхнуть огнем, как в прежние времена, но только шевельнула головенкой и выплюнула жидкую струйку белого дыма. Рудная горка умирала вместе с ним.

Обманул его проклятый Полоз, поманил несбыточным и пропал. В горле заклокотало, провел горный владыка пальцами по столу, но лишь царапины остались на полированном дереве. По-прежнему остры когти драконьи, хотя нет уже былой мощи в его лапах.

– Проклятый! – зарычал дракон.

– Это ты мне? – холодно прозвучало в ответ.

Из темноты бесшумно выплыла фигура в красном кафтане, засветились зеленые немигающие глаза. Акинфию бы испугаться, только пришел час, когда ему не был страшен ни Бог, ни черт, ни Полоз.

– Обманщик, – прошипел Демидов.

Полоз подошел к столу, сел напротив хозяина, тяжелый стул мореного дуба жалобно скрипнул под ним.

– В чем же я тебя обманул?

Акинфий задумался. И действительно: в чем? Вроде все, что обещано было, исполнил, нарушенными наказами не попрекал. Акинфий сам виноват был, когда серебром соблазнился, но обошлось.

– Дело мое погибнуть может, – угрюмо произнес он. – Ты всегда говорил, что дело превыше всего стоит. Не щадил я ни себя, ни других, но сейчас вижу, что некому передать мое «Ведомство».

– И кто в том виноват? Кто своих сыновей воспитал непотребно? – зло блеснули колючие искры в глазах Полоза.

– Некогда было, все силы забирало «Ведомство», – попытался отговориться Акинфий.

– Разве воспитание преемников дело менее важное, чем строительство новых домен, закладка новых шахт?

– Теперь я это вижу, – поник головой Демидов.

– Значит, и винить тебе только самого себя. Тем более, что рудную горку, которую я тебе передал, ты не сохранил в исправности. Значит, само дело дальше делаться уже не будет.

– Но ведь наверняка есть способ исправить это, передать детям мои умения, мою силу. Я ведь свое «Ведомство» без твоей помощи построил, ты лишь помог мне окрепнуть.

Невьянский завод.

Полоз откинулся на спинку стула, его тяжелый взгляд буквально чугунной плитой лег на плечи Акинфия, на что был силен старый дракон, но эта тяжесть оказалась ему неподъемна. Рухнула голова на скрещенные руки, и только стон-рыдание вырвался из его уст:

– Неужели все погибло? Неужели нельзя как-то исправить сделанное? Я готов отдать все и даже больше, только чтобы продолжилось мое дело, чтобы не развеялось по ветру созданное мной.

– Совершенно все?

Акинфий уловил в словах Полоза смутное обещание и встрепенулся, резко выпрямился.

– Абсолютно все! Бессмертную душу готов прозакладывать, лишь бы «Ведомство» осталось в веках!

Полоз рассмеялся тихим шипящим смехом.

– Не нужна мне твоя душа, что мне с ней делать? Что в ней вообще осталось? Ты в свое «Ведомство» вложил все силы, весь талант свой и всю злость, совершенно все, что крылось у тебя в сердце. Передать их наследникам можно, только высокой будет цена этого. Не золото, не камни дорогие, – Полоз взмахнул рукой, останавливая Акинфия. – Чтобы передать то, что у тебя в сердце таится, придется тебе свое сердце отдать. Согласен ты на такую цену?

– Отдать и умереть тотчас? – скривился Акинфий.

– Конечно нет. Ведь ты в трудах своих сам не заметил, как человеком быть перестал, злобу и жестокость железные в себе вырастил.

– Я не мог иначе, – огрызнулся заводчик. – Только жестокостью своей мог я опрокинуть врагов, усмирить народ мастеровой. Что мне, с тем же Татищевым кофий должно было распивать?! Рукой железной вел я дело свое!

– И я о том же, – покладисто согласился Полоз. – Так зачем такому, как ты, сердце? Ты прекрасно проживешь и без него, тем более, что тебе все одно недолго осталось. Ты ведь и сам это понимаешь.

– Что же мне делать?

– Завещай потомкам свое сердце со всем, что в нем накопилось, хорошего и плохого. Сумеют они подчинить твое сердце – значит и дальше будет жить, трудиться и расти твое «Ведомство». Только ведь не всякий сумеет это сделать, не всякий решится даже попробовать. А кто сумеет, так будет и дальше копить силу, талант, злобу в сердце, чтобы передать его потом твоим внукам и правнукам. Коли все пойдет, как должно, дело твое может набрать силу невиданную.

– А если нет? – тихо проговорил Акинфий. – Прокофий и Григорий бестолковы, Никита умен, но слаб.

– Ну, здесь уж я бессилен, – совсем по-человечески развел руками Полоз. – Это твои дети.

Акинфий задумался надолго, Полоз терпеливо ждал его ответа. Наконец владелец «Ведомства» поднял голову и расправил плечи.

– Делай, что задумал, – жестко сказал он Полозу, и глаза его блеснули красным. – Только объясни, что потом от меня потребуется, а там пусть будет, чему суждено случиться. Я отдал делу так много, что сердце мое лишь небольшой довесок к этому.

– Ты решил, – кивнул Полоз. – Только знай: огонь сам выбирать будет, что и кому дать, какой кому талант потребен, какая сила нужна, какая злость... Или что еще.

Акинфий собрался было возразить, однако поздно было, в груди вдруг полыхнула резкая боль, точно ему туда засунули горсть горячих углей. Горло перехватило, а огненный комок становился все больше и больше, в глазах почернело. Акинфий понял, что сейчас умрет, когда угли полыхнули настоящим огнем, и пламя вырвалось наружу.

Он почувствовал, как ледяной вихрь несет его куда-то в бесконечность, в безвидную бездну вне времени и пространства, где он был один, и не оставалось никакой надежды на избавление от этого одиночества, даже сама смерть не могла явиться сюда. Акинфий попытался было закричать, но из раззявленного рта не вылетело ни звука. И когда он уже совершенно отчаялся, решив, что ждет его лишь черное безумие, навстречу поплыл сияющий золотистый шарик. Его свет расколол серое ничто, и Демидов с удивлением заметил внутри шарика знакомые очертания зданий и плавильных печей. «Выйский медный завод!» – внезапно узнал он. Шарик коснулся его груди и проник внутрь, в тот же миг ледяной вихрь на каплю ослабел.

Акинфий судорожно задышал, ощущая, как по лбу ползут капли пота. А навстречу ему уже плыл следующий золотистый шар. Заводчик обрадовался, потому что узнал в нем свое любимое детище – Нижнетагильский завод. И стужа отступила еще на один шаг. Следующий шарик полыхал ярко-алым пламенем, серое ничто отдалилось еще немного. По поверхности шарика пробежали угольно-черные письмена: «По рассуждению помянутых Демидовых детей написать в жалованной грамоте во дворяне наследником и потомству мужеска и женска полу в вечные времена, в честь и достоинство». Красный шар растаял в груди, как и оба золотых. Он ощутил невероятный прилив сил и был готов буквально руками рвать серое ничто.

Но следующим оказался грязный черный шар, который плыл, пульсируя, с неприятным шипением и бульканьем. «Нет!» – попытался было крикнул Акинфий, од-

нако из горла снова не вылетело ни звука. Он попытался зажмуриться, но веки тоже не повиновались хозяину. И внутри шара бурлила мутная вода, из которой торчали худые руки утопленников. Никогда заводчик не сознавался даже самому себе, не его это грех. Не его!!! Только черный шар с тихим хлюпаньем ударился о его грудь, а серое ничто радостно нахлынуло вновь. Он взглянул на руки и обмер – из скрюченных пальцев вдруг проступили кривые черные когти, а кисти рук покрылись темно-красной чешуей.

И снова был красный шар силы и гордости, титул действительного статского советника, генеральский чин, между прочим. Опять золотой шар – железо «Старый соболь», прогремевшее на весь мир. Еще один черный – доносы на Татищева. Акинфий устал считать их и бороться, а просто висел, обмякнув, и ждал, когда все это закончится.

Очнувшись, он понял, что сидит в кресле без сил, точно из тела выдернули все кости. Полоз стоял перед ним, откровенно усмехаясь, но почудилась Акинфию в его усмешке какая-то затаенная злоба. Или только злорадство?

– Очнулся?

– Да, – с трудом прохрипел заводчик.

– Смотри! – приказал Полоз и махнул рукой.

На столе возник ларец вороненой стали, украшенный изящной гравировкой – красные и золотые драконы переплетались, скалили пасти, точно пытались задушить и разорвать друг друга. Что внутри ларца было, Акинфий не знал и опасался узнать, хотя в жизни никогда ничего не боялся. А тут заробел неожиданно, однако любопытство все-таки превозмогло.

Он уже хотел привстать и заглянуть в ларец, но Полоз небрежно щелкнул пальцами, и в то же мгновение из ларца плавно поднялся в воздух огненный клубок. Ничего подобного Акинфию ранее видеть не приводилось – шар живого огня размером со здоровый кулак медленно пульсировал, то расширяясь, то чуть сжимаясь. Сначала он показался заводчику именно сгустком пламени, но, приглядевшись, он различил в красном сиянии отчетливые золотые полосы, которые переплетались с красным точно так же, как драконы на стенках ларца. И сразу видно было, что они не просто сплелись, а борются друг с другом отчаянно, красный огонь пытался задушить золотой, но золотой точно так же старался поглотить красный, и никто не может победить в этой схватке.

Присмотревшись же еще внимательнее, Акинфий увидел, что изнутри клубка временами прорываются наверх черные не то щупальца, не то острые иглы, которые тоже участвуют в борьбе огней, только сами по себе. Они с равной яростью жалили и красный, и золотой, и попавшая под укол огненная полоска тускнела и блекла. Но и эти два огня не были склонны прощать нападения исподтишка, лепестки цветных огней вытягивались, утончались, превращаясь в маленькие светящиеся лезвия. И эти лезвия беспощадно резали черные щупальца, которые тут же развеивались прозрачным дымком.

– Что это? – слабым голосом спросил Акинфий.

– Это ты сам, – усмехнулся Полоз. – Твой талант, твоя сила, твоя злоба сплетенные воедино, все то, что образует душу Акинфия Демидова. Ты ведь хотел передать что-то сыновьям? Вот и передай это. Только учти, что справиться с таким наследством сможет лишь человек, не уступающий тебе ни в чем. Если будет он слаб, злоба его сожрет, если бездарен – бессмысленная сила унесет неведомо куда. Если кто-то подчинит себе твое наследство, то сможет достичь высот невиданных, оставив память о себе навечно. Но злоба питает твою силу, и без нее тоже не прожить.

– А как же я после этого жить буду, отдав душу-то? Что будет

А.Н.Демидов.

потом? – тупо поинтересовался Демидов.

– Никак. Не будет у тебя никакого после и никакого потом.

* * *

Владыка уральский холодно смотрел на сидящего перед ним сына. После встречи с Полозом он некоторое время болел, но быстро оправился и чувствовал себя нормально. Напрасно Демидов тогда испугался смерти, старуха с косой его еще подождет. Однако он заметил за собой странную черту – теперь он совершенно равнодушно начал относиться к людям, и даже дела его «Ведомства» почему-то перестали волновать, как было прежде. Похоже, обманул-таки его Полоз, украл огненный кусок души, оставив только канцелярские счеты. И новый Акинфий, который теперь всегда поступал абсолютно правильно и совершенно бесстрастно, пугал людей еще больше, чем прежний, вспыльчивый и буйный. Вот и сейчас сидел перед ним сын, как кролик перед аспидом хищным, пискнуть не смел. Особенно горько это было Акинфию, потому что как ни был суров его родитель Никита Антуфьев, однакож норов сына давал себя знать, несмотря на отеческие вразумления. А этот...

Наслушавшись про порядки европейские, просвещенные, загорелся вдруг Акинфий Никитич поступить, как там заведено, майорат учредить, старшему сыну приказал «заводскую экономию править», а после того и дела все принять. Надеялся, что если не рудная горка поможет, так дар Полоза на выручку придет. Хотя, сказать честно, сам Акинфий его тронуть так и не решился, хотя соблазн был великий.

Приказал заводчик своему старшему сыну Прокофию приехать и заперся вместе с ним в своем кабинете башни. Поставил заветную горку на край стола, чтобы сам мог окошко видеть и огненную ящерку в нем, но сын ни о чем не подозревал. И бесстрастно подумал, что слабеет ящерка чем дальше, тем сильнее. Едва светится малиновым, искорки золотые по шкурке пробегают и тут же гаснут. Но не огорчился старый дракон, а лишь кивнул понимающе, знать, пришла пора новое колдовство испробовать.

Как только Прокофий подошел к столу, остановился и замер столбом, оробев, настолько страшным ему показался отец. Глаза

холодные, словно два бездонных провала, за спиной развернулись черные крылья, ровно у коршуна. Акинфий на него и не смотрел вовсе, за ящеркой внимательно следил. А та заметалась, задергалась, подернулась серым пеплом и вовсе погасла. Помстилось заводчику, что вместо мастерового у горна стоит кривоногий человечек в немецком кафтанчике. Кончилось волшебство горки! Акинфий, не мигая, посмотрел на сына, тот попятился невольно, и ведь ожила немного саламандра вдали от него! Старший Демидов сухо произнес:

– Желаю я, чтобы ты прекратил время в праздности и пустых безумствах проводить и задумался о деле отцовском и дедовском. Потому должно тебе в заводские дела вникнуть, для начала разобраться в бумагах заводов невьянских, дабы какие недочеты или даже воровство выявить. За приказчиками и управителями всегда нужен глаз да глаз. Без присмотра хозяйского они совсем забалуются и в свой карман таскать начнут. Того ради я отдам тебе заводы на полгода если не в управление, то под присмотр. А там, глядишь, и управлять дозволю, коли себя покажешь.

– Помилуй, батюшка, неспособен я к заводской работе, да и не нужна она мне. Я вообще полагаю, что лучше всего деньги в рост давать под строгие заклады. Тогда никто от долга скрыться не сумеет, а дело это повыгоднее домен да шахт. Ежели рубль с рубля не получишь, так считай в убытке остался.

Старый дракон ответил сурово:

– Ты воле моей противиться не смей! Приказано тебе заняться заводскими бумагами, значит, займешься.

– Как повелите, батюшка, – покорно поклонился Прокофий.

– Подай мне тот ларец, что в углу стоит! – махнул рукой Акинфий.

Прокофий если и удивился приказу, то вида не подал. Он с усилием поднял ларец – до сих пор ничего тяжелее ложки ему в руки не попадало – принес и бухнул, так что стол заскрипел. Акинфий помедлил недолго и бросил:

– Открывай!

Прокофий протянул руку и тут же отдернул ее, испугавшись неведомо чего.

– Открывай, – зло прошипел Акинфий.

Прокофий перекрестился дрожащей рукой и дотронулся до крышки ларца, та с резким лязгом, точно две сабли крестились, откинулась. В воздух поднялся тот самый огненный клубок – золотой, красный и черный одновременно. Прокофий шарахнулся назад, продолжая лихорадочно креститься. Губы Акинфия презрительно скривились при виде такой трусости.

Старший Демидов завороженно следил за колдовским клубком, стараясь понять, какой же цвет выйдет победителем из этой борьбы всех против всех. Он уже понял, что означает колдовское многоцветье, но не торопился делиться своей догадкой с сыном. Какое ему, в конце концов, дело до того, что станется с Прокофием?

Огненный клубок поплыл к Акинфию, но остановился в локте от него. Казалось бы, жар должен был опалить лицо дракона, ведь пламя было самым настоящим, но тот ничего не почувствовал и опять криво усмехнулся. Не стоит все это волнений, никак не стоит. Тусклые свинцовые глаза нашли сына.

– Возьми его, – качнул головой Акинфий.

– Но батюшка...

– Я решил! – рыкнул дракон повелительно.

Сжавшийся Прокофий протянул руку, и огонь поплыл к нему. Но тут произошло то, что Акинфий совершенно не ожидал. По мере приближения к ладони Прокофия, пламя начало менять свой цвет. Красного становилось все больше, зато золотой таял буквально на глазах, да и черный стал каким-то слабым и робким. Когда огненный шар опустился на руку Прокофия, у того аж челюсть отпала, стало понятно, что огонь ничуть его не обжег.

– Прими его!

– Как? – не понял Прокофий.

– Прижми к груди, – зло прошипел Акинфий.

Прокофий послушался, и шар быстро впитался ему в грудь, растаяв бесследно. Однако Акинфий успел заметить, что золотой цвет исчез окончательно, шар стал полностью красным с тонкими черными ниточками по поверхности. Прокофий так и остался стоять, выпучив глаза и не в силах произнести ни слова. Акинфий же резко поднялся и стремительно вышел из кабинета, уже в дверях бросив через плечо:

– Завтра же ступай в контору знакомиться с книгами. – И уже выйдя в коридор, прошептал разочарованно: – Дурная сила без ума и злости... Ничего хорошего не выйдет. Но ведь и другие не лучше...

П.А.Демидов.

Прав оказался старый дракон, не вышло из Прокофия ничего путного, прославился он только гульбой безудержной да совершенно дикими выходками. Сила без ума на иное не способна.

Апогеем безумств, достойных Калигулы и Нерона, стала выходка, учиненная Прокофием в Санкт-Петербурге. Как-то раз закатил он пышный пир, пригласив не то сто человек, не то больше. Один из гостей в самый последний момент отказался прибыть, он прислал курьера с сообщением, что вызвал его к себе сам градоначальник. Противиться воле генерал-аншефа, генерал-адъютанта графа Василия Салтыкова он-де не смеет, а потому покорнейше просит его извинить. Прокофий едва не лопнул от злости, так как мнил себя ничуть не ниже всяких генералов. Потому приказал он притащить самого откормленного борова, какого сыщут, и усадить за стол. Хозяин потчевал визжащую свинью отборными кушаньями, да при этом приговаривал:

– Кушайте, ваше сиятельство, на здоровье, не брезгайте моим хлебом и солью: век не забуду вашего одолжения!

Как донесли об этом Акинфию Никитичу, так его чуть удар не хватил, даже тусклые прежде глаза снова красным огнем полыхнули. Золотой кубок с мальвазией когти насквозь пробили, и зарычал он:

– Я решил!

Мелькнула в воздухе тень крылатая, только кто ее видел? И в этот самый миг в самом дальнем отнорке подземелий Невьянской башни, где уже много лет никто не бывал, ниоткуда появился стальной ларец. Засветился радужными цветами, заполыхал и притих, дожидаясь нового хозяина. Только даже Акинфий Демидов о том не знал, а сын его Прокофий, войдя в наследство, продал заводы Невьянские московскому купчишке Савве Сабакину...

* * *

Для Саввы Сабакина, фамилие ему такое, Акинфий Демидов всю жизнь был смертельным врагом, тем более страшным, что давно умер старый дракон, и никак ему отомстить не удастся. Ну, перекупил Савва у никчемного Прокофия Невьянские заводы, и что из того? Все равно везде и всюду только и слышишь: «Демидов, Демидовы, Никита, Акинфий...» Когда, наконец, заговорят о нем, Сабакине, тьфу, Яковлеве? Дозволил покойный император Петр Третий поменять фамилию, в дворяне произвел, тщетно, в спину все одно летит ядовитый шепоток: «Сабакин...» Дворянство за водочные деньги купил, такое не прощают.

А тут еще Державин, пиит проклятый, сочинил стишок, который сейчас гуляет по столичным домам. При виде Саввы все делают постное лицо, словно бы и не догадываются, про кого сей стих сочинен, а жалят строчки сильнее гадюки болотной.

Не блещет серебро, в скупой
Земле лежаще сокровенным.
Скопихин! Враг ему ты злой.
...
Престань и ты жить в погребах,
Как крот в ущельях подземельных.
И на чугунных там цепях
Стеречь при блеске искр елейных,
Висящи бочки серебра
Иль лаять псом вокруг двора!

Уничтожить бы сочинителя проклятого, но не получится. Обласкан императрицей, которая самому Савве изволила пожаловать медаль чугунную весом в пуд и повелела на шее носить. Тоже ведь не забудут никогда. А Державин в академики произведен, при дворе обретается, в сенаторы прочат. Ну да ничего, придет еще время, поквитаемся! Савва чуть не захлебнулся злой слюной.

Зверем лютым Савву невесть за что почитают. Вон, как расписали: «Когда смотришь на работников, стоящих у кричных печей, ужас объемлет душу. Несчастным приходится целый день трудиться у пылающей печи, в облаке раскаленных ядовитых газов. Поистине, пребывание в кричном цеху можно сравнить лишь с адом Данте». Можно подумать, у Акинфия както иначе было. Только Демидова славят, а его проклинают, за что такая несправедливость?!

Он вскочил и забегал по просторной зале, которую гордо называл кабинетом. Не чета его дворцу жалкий домик Акинфия в Невьянске, почитай весь Петербург говорит про особняк Яковлева у Обухова моста. Остановился. Посмотрел на стоящий в углу черный ларец, доставшийся ему вместе со всем Невьянском, говорят, что в этом ларце сокрыто самое главное сокровище Акинфия, которое и дало ему вечную славу. Никто не мог сказать, откуда сей ларец взялся в кабинете башни. Вроде бы его ни один человек не приносил, все клялись, что не знают. Хоть и опасался Сабакин, но захватил с собой в Петербург, уж очень хороша показалась вещица.

Савва несколько раз порывался открыть ларец, но каждый раз рука невольно останавливалась, так и не осмелившись прикоснуться к крышке, на которой извивались красные и золотые драконы. Мало ли, какое колдовство туда прятал ненавистный старик? Савва несколько раз носил ларец в церковь, понятно, не сам, на то слуги есть, их не жалко, освящали его, кропили святой водой. Однакож все равно, веяло от ларца непонятой, неодолимой жутью, никак избыть ее не получалось. Гореть тебе в аду, проклятый Акинфий!

С.Я.Яковлев.

«А ты попробуй все-таки открыть», – прошептал вдруг тихий ласковый голос.

Савва подскочил, точно ужаленный, испуганно завертел головой. Нет, никого рядом не видно, но кто тогда шепчет? Неужто сам ларец?

«Догадался».

Миллионщик задрожал, не иначе дьявольские козни, перекрестил дрожащей рукой взмокший от холодного пота лоб.

«Смешной какой».

Савва подскочил к столу, схватил штоф и по-простому, прямо из горла, отхлебнул. Показалось мало, сделал еще три больших глотка, перед глазами поплыло, он даже пошатнулся чуть, зато храбрости прибавилось.

– Кто ты?

«Демидовское счастье», – прошипел тот же голос.

– Врешь! – крикнул Сабакин.

«Открой. И сам увидишь».

Савва поставил штоф обратно на стол, нетвердым шагом подошел к ларцу, остановился, протянул было руку, и в который раз отдернул, так и не решившись.

«Смотри, так ты до самой смерти останешься Сабакиным. Трус никогда и ничего не добьется, фортуна сопутствует только смелым», – съехидничал невидимка.

Савва нерешительно прикоснулся к крышке, от вороненой стали веяло холодом, хотя летом в зале было куда как жарко.

«Лавочник водочный».

У Саввы потемнело в глазах, и он решительно ударил кулаком по крышке, чтобы заставить замолчать ненавистный голос, не заметив, что за спиной мелькнула черная пелена, точно крылья огромные распахнулись. Крышка тихо звякнула и неожиданно открылась. Савва ожидал увидеть все, что угодно, только не клубок огня размером с кулак какого-нибудь кузнеца, медленно поднимающиеся над ларцом.

– Дьявольское творение, – прошептал он, судорожно крестясь.

Красно-золотое пламя с черными прожилками издевательски медленно поплыло к нему, он попятился, однако огонь последовал за ним. Савва зацепился за что-то каблуком и упал навзничь, огненный клубок повис над самым его лицом. Но теперь он увидел, что цвет пламени поменялся, в нем стало гораздо больше черных языков. Это было страшно – черное

пламя, он помыслить не мог, что такое существует.

«Ну что, готов ты принять демидовское наследие?» – с откровенной насмешкой спросил невидимка.

Черная злоба захлестнула Сабакина, и он прорычал, лязгнув зубами:

– Готов!

«Ты решил».

Огненный клубок завертелся, разбрасывая в стороны золотые и красные искры, однако постепенно золотой пропал из его цветов, и на грудь Савве опустился уже черно-красный огонь, хотя даже красный стал заметно тускнее. Это уже был черный шар, который изнутри кое-как светился красным, золотого же не осталось и следа. Резкая боль заставила Савву замереть, он не мог вздохнуть, но потом огонь исчез, и миллионщик судорожно задышал, обливаясь потом. Поднялся на слабых ногах, пошатнулся, оперся о стол и ощутил прилив сил. Он злобно осклабился, схватил золотой колокольчик и затряс, призывая секретаря. Когда тот появился, Сабакин уже сидел в кресле за столом, нервно потирая руки.

– До нас дошло, что работники на уральских заводах наших проявляют мало усердия, – скривившись, проговорил Савва. – Потому повелеваю отправить им новый указ. Пиши. Тебе задание будет, инструкцию составить смотрителям нашим, дабы соблюдаемы были благочиние, порядок и тишина, народ не смел бы шататься по кабакам и улицам, песен не пел и смеяться не дерзал. Десятские каждое утро должны свой десяток обойти и досмотреть, все ли души находятся в домах своих, за отсутствующих спрашивать строжайше. Десятские должны докладывать сотским, сотские – смотрителям, те – полиции. Все, пришедшие на заводы, повинны оставаться при таковых заводах вечно и числиться вечноотданными. За исполнением оной инструкции следить должно полиции и наказывать нарушителей, не глядя на их звания.

Секретарь послушно записал все, низко поклонился и поспешно вылетел из зала. Савва громко расхохотался, но тут острая боль снова ударила его под сердце, он выпучил глаза и обмяк в кресле, безвольно свесив руки.

– Сгинь, Акинфий, – пролепетал он и умолк.

Струйка слюны потекла из уголка рта. Ему еще почудилось, что над ним пролетела крылатая тень неведомого чудища. Или не почудилось?

Миллионщика нашли только вечером, спешно вызванный врач определил удар, пустил кровь и посоветовал соблюдать сугубый покой. Сначала Савва только и мог, что бешено крутить глазами, но произнести хотя бы слово у него не получалось. Все были уверены, что возомнил он себя равным государю, за то и покарал Господь, помнили, как он начал величать себя. Родные потеряли было надежду, однако к удивлению всеобщему Сабакин выздоровел. Прислуга шепталась, что не иначе, как сам черт ему пособил, другие говорили, что лишь одна злоба черная спасла миллионщика. Так или иначе, но оправился он. Впрочем, теперь Савва ходил медленно, приволакивал ногу, руки тряслись. Только злость его не уменьшилась, а как бы не увеличилась против прежнего. Лютые приказания вылетали из-под его пера одино за другим. Однажды в исступлении своем приказал он работным людям трудиться много и тяжко, а если кто о почитании воскресных дней помянуть дерзнет, того писать бунтовщиком и отправлять к исправнику для наистрогого наказания.

А через несколько дней нашли его в кабинете бездыханного, второго удара Савва не пережил. На столе перед ним стоял ларец вороненой стали, который следующей ночью пропал неведомо куда. Розыск ничего не дал, впрочем, искали пропажу не особенно усердно, потому что злая слава демидовского наследства лишь окрепла после смерти Саввы. Злости у него было больше, чем достаточно, силы, пожалуй, тоже хватало, хоть и невелика она была, а вот таланта было ровно на торговлю водочную.

* * *

Обер-бергмейстер Илья Петрович Чайковский разумно и рачительно управлял Камско-Воткинским горным заводом, за что был отмечен и обласкан государем императором. Под его руководством впервые в России было введено пудлинговое производство железа, чем страна наша утерла нос надменным англичанам. Он же начал постройку первых пароходов на Каме, после чего за многие заслуги свои был произведен в полковники. Но не только император следил за талантливым и умелым начальником. Бездарные отпрыски надорвавшегося Саввы Сабакина, фамилие ему такое, сознавая свою немочь, искали человека, потребного для управления доставшимся им наследием Акинфия Демидова. Сами они не были способны ни на что, однако, похоже, встретили человека, который указал им на Чайковского. Неизвестно, кому и сколько они отвалили денег, только по выходу в отставку Чайковский был произведен в генерал-майоры и приглашен Яковлевыми (читай – Сабакиными) управлять Алапаевским и Невьянскими заводами. Соблазнили миллионщики его деньгами, но паче того перспективой больших дел. Понемногу хирели заводы, оставшиеся «Ведомства», и должно было их к прежнему порядку и процветанию привести. И согласился Илья Петрович.

Сейчас он сидел в кабинете Акинфия Демидова и размышлял, не зря ли польстился на заманчивое предложение. Как известно, у семи нянек дитя без глаза, а у заводов Невьянских теперь хозяев было не семь и даже не семнадцать. Впору было за голову хвататься. Каждый из хозяев и хозяйчиков требовал свой кусок, не думая ни единой минуты об исправности и развитии заводов. Деньги, деньги, деньги... Как с ними справиться? Может, лучше бросить все? Но жить на одну пенсию, пусть даже генеральскую, страшновато было, вот и мучился Илья Петрович.

Вдруг ему показалось, что в темном углу кабинета мелькнула какая-то тень, воздух колыхнулся, и по комнате словно слабый ветерок пролетел. Он вскочил и сжал в руке перо, так что оно хрупнуло, но потом опомнился. Не дело генерал-майору, пусть даже в отставке, бояться неведомо чего. Да, поговаривают, что в Невьянской башне запросто можно призрака встретить, только не верил Чайковский в привидения.

Он увидел, как мрак в углу кабинета, зашевелился, заструился длинными полосами, и в стене открылась щель. В ней мигнул багровый огонек, мигнул раз, другой, третий, будто приглашал следом за собой. Илья Петрович поколебался немного, а потом решительно шагнул в зияющую черноту, потому что тянуло его неведомое. Огонек радостно заплясал перед ним и медленно поплыл вглубь непонятно как образовавшегося прохода. В лицо пахнуло сырым затхлым запахом, как из только что разрытой могилы, и генерал

нервно передернул плечами. В ушах зашептал тихий голос, однако нельзя было разобрать ни единого слова.

– Нет, не испугаете! – решительно сказал Чайковский.

Откликом ему стало невнятное шелестящее эхо. В памяти сразу всплыли давние сказки о древних могильниках и спрятанных в них сокровищах, только какой могильник может таиться в башне, построенной чуть более века назад? Хотя, кто его знает, этого Акинфия, недаром ведь его звали драконом. Огонек согласно мигнул и нетерпеливо запрыгал, требуя идти дальше.

Стены прохода были выложены неровно обтесанными камнями, как понял Чайковский, ощупав их. Темно было, и он опасался споткнуться и упасть. Однако, словно прочитав его мысли, на стенах загорелись блеклые синеватые огни, такие же, как пляшут на болотах. Как ни храбр был генерал, но по спине прополз холодок, впрочем, упрямство пересилило, и он пошел за путеводным огоньком.

Прямо перед ним появилась череда ступеней, круто уходящих вниз, откуда веяло ужасом. Генерал понял, что все это сделано не человеческими руками, а какими-то другими, неведомыми силами. Однако он решительно шагнул в холодную тьму, читая про себя на всякий случай молитву. Хуже точно не станет. Огонек уверенно вел его за собой, не останавливаясь ни на мгновение, не давая времени передумать и заколебаться.

Внезапно синеватые светильники мигнули и погасли. Илья Петрович оказался в полной тьме, в ту же секунду погас и путеводный огонек. Вот теперь страх действительно закрался в сердце, однако

И.П.Чайковский.

он не поддался панике и вытянул руки, чтобы нащупать стены. Стены тоже пропали!

Чайковский не успел сделать даже одного шага, как вдруг совсем рядом вспыхнули четыре багровых костра. Нет, не костра, приглядевшись, он увидел четыре огромные чаши, в которых плясало пламя, его языки поднимались вверх, извивались и приплясывали. Свет этих костров немного рассеял тьму, и Чайковский увидел, что попал в огромную пещеру, точнее в огромный зал. Гладкий каменный пол покрывал толстый слой пыли, высокий потолок подпирали каменные деревья, похожие на пальмы, между ними стояли причудливые малахитовые вазы, напоминающие цветы. Только в дальнем конце зала клубилась тьма, и оттуда несло гнилой вонью.

– Вот ты каков, – раздался громкий голос, перешедший в злое шипение.

У генерала зашевелились волосы, потому что не было в этом голосе ничего человеческого. Похоже, он попал в какую-то злую сказку, потому что на пещеру Аладдина все это совершенно не походило.

– Да, не ждал я такого визитера, однако сердце не может ошибаться, – прошипел невидимый хозяин пещеры. – Подойди сюда!

Вспыхнули еще две чаши в самом дальнем конце зала, и Чайковский увидел самый настоящий каменный трон, высеченный, похоже из того же малахита, что и каменные цветы. Чему тут удивляться? Ведь именно с Урала были привезены колонны для Малахитовой гостиной Зимнего дворца, в них сочетались могучие силы Плутона и Луны. Однако увидев, кто восседает на троне, Илья Петрович все-таки испугался. Можно верить, можно не верить, но когда перед тобой появляется дракон, из пасти которого струится легкий дымок, невольно оробеешь. Теперь пожалел генерал, что поддался любопытству и полез в непонятную щель, сидел бы себе спокойно в кабинете. Нет, попался, как мальчишка, хоть и разменял шестой десяток лет.

Дракон, кстати, не слишком большой, потому что прекрасно уместился на троне, хотя хвост непристойно свисал с подлокотника, усеянного сверкающими изумрудами. Из зубастой пасти пыхнул недлинный язык пламени, и огни в чашах загорелись ярче, окончательно разогнав тьму в пещере.

Теперь Илья Петрович окончательно разглядел хозяина, который будто пришел из сказок. Лапы с кривыми когтями, покрытое темно-красной чешуей туловище, кожистые крылья, длинные белые клыки, что-то вроде короны на голове, только странной короны. Вроде бы и золотая, но даже полированное золото не может так сиять, а к золотому сиянию примешиваются кроваво-красные отблески, и все это перевито черными нитями.

Дракон уставился на генерала, и тот понял, что его затягивает в эти багровые глаза с вертикальными зрачками, словно в бездонный холодный омут.

– Не бойся, – прошипел дракон. – Ничего с тобой не случится, наоборот, я хочу предложить тебе подарок.

– П-подарок? – оторопело переспросил Чайковский.

– Именно. Вот он.

Дракон взмахнул лапой, и рядом с троном появился ларец вороненой стали, глаз опытного инженера угадал это сразу, под толстым слоем пыли и паутины.

– Мне не нужны золото или камни, – Илья Петрович постарался, чтобы его голос звучал твердо.

– Глупец! Разве стану я предлагать кому-то подобную ерунду?! – рассмеялся дракон. – Смотри!

Он взмахнул лапой, и ларец открылся сам. Чайковский сделал осторожный шаг поближе, и увидел, что внутри ларца лежит, нет, плавает в воздухе клубок огня. Точно такого же огня, какой плясал над короной дракона. Яркое золотое сияние, окутанное красным ореолом и временами выбрасывающее острые черные лезвия. Илья Петрович недоуменно посмотрел на дракона.

– Что это?

– Это дар, дар человеку, который осмелится его принять и сумеет с ним справиться. Путь к бессмертию, если хочешь.

– Дар Божий или дьявольский? – насторожился Чайковский.

Дракон откровенно расхохотался, выплевывая огонь пополам с удушливым дымом.

– Каких только глупостей не напридумывают люди! Нет, господин генерал, не божеский, не дьявольский, нет! Это дар человеческий! Наследие одного... – он не договорил. – Только вы на такое способны, ни на небесах, ни под землей этого нет.

– Так что это? – растерялся Илья Петрович.

– Талант, – коротко ответил дракон.

– Какой талант?

– А это определит уже сам человек, принявший его. Может, он станет великим художником, или превзойдет Наполеона на полях сражений, или воздвигнет башню, которая затмит Вавилонскую. Откуда мне знать? Вы сами хозяева своей судьбы.

Чайковский облегченно вздохнул

– Но мне ничего этого не нужно. Я старый человек, и вполне доволен тем, чего добился.

– А для своих сыновей ты чего желаешь? – коварно поинтересовался дракон. – Такого же золоченого ничтожества?

– Н-нет.

– Тогда бери! Но только знай, что это дар для одного, на всех разделить не получится, не бывает трети гения.

Крышка ларца захлопнулась, он сам поднялся в воздух и поплыл прямо в руки генералу.

– Но я не хочу, – в последний момент попытался отговориться он.

– Да кто тебя спрашивает?! – полыхнул огнем дракон. – Ты сам пришел сюда, значит, теперь ты повинен передать мой дар своему сыну.

В красных глазах чудовища закрутились золотые и черные спирали, и генерал понял, что не может сам шевельнуть даже пальцем. Руки отказались повиноваться ему, они сами схватили ларец и плотно прижали к груди. В уши откуда-то издалека, как сквозь толстый слой ткани, долетали слова:

– Ты никому ничего не расскажешь... Выйдешь отсюда и все забудешь... Передашь...

С трудом переставляя окостеневшие ноги, Илья Петрович направился к выходу из пещеры. Уже входя в тоннель, он оглянулся. Дракон исчез. На троне сидел грузный мужчина в старинном кафтане, украшенном кружевами, завитом парике. Злое лицо с крючковатым носом, неуловимо напоминающее хищного коршуна, и глаза его так же поблескивали красным...

Как Илья Петрович снова оказался в демидовском кабинете, он сказать не мог, начисто память отшибло, и откуда взялся на столе ларец вороненой стали, тоже не помнил, в голове крутилась лишь одна мысль: надо передать сыновьям то, что в этой шкатулке находится. Только вот которому из троих? Как в сказке ведь получается: были у царя три сына...

Все они малы пока, старшему, Николаю, только-только одиннадцать лет исполнилось. Среднему, Петеньке, едва девять стукнуло, а уж про младшего Ипполита вообще говорить странно. Какое там будущее у шестилетнего малыша, никому этого видеть не дано. Но в ушах змеиным шипением отдает: «Передашь... Передашь...» Правильно говорят, что нельзя змею в глаза смотреть, заворожит, подчинит, воли лишит, и генеральские эполеты не спасут. Однако Илья Петрович для себя решил, что как бы то ни было, хотя бы младшенького он избавит от странного и страшного подарка. Так ничего и не придумав, он отправился домой, прихватив с собой ларец. Не знал еще генерал, какой сюрприз ему готовит судьба. Или это коварный дракон распорядился так?

Когда утром он вышел из спальни в большую залу, то увидел стоящий на столе ларец. Теперь Илья Петрович смог рассмотреть его повнимательней. Черная сталь смотрелась внушительно, он ранее не видел столь искусного и надежного воронения, да и гравировка была скорее прилична ювелирному украшению. Красные и золотые драконы извивались на мрачном черном фоне. Хуже было другое, ларец оказался открытым, и рядом с ним стоял его средний сын Петенька. На ладонях у него медленно крутился огненный шар. Илья Петрович на мгновение испугался, что сын обожжет себе руки, но почти сразу понял, что это какой-то особый огонь, жаркий с виду, но безвредный.

– Как ты посмел открыть ларчик? – он попытался придать голосу строгость, но вопрос прозвучал скорее испуганно.

– Папенька, он сам меня позвал и попросил, – ответил сын.

Генерал понял, что и Петеньку заворожил проклятый дракон, вчера отца к себе приманил, а сегодня сына. Если уж он, взрослый человек, устоять не сумел, что говорить про несмышленого ребенка?

– Брось немедленно. Это может быть опасно.

– Да никак не может, смотри, какая красота! – радостно воскликнул Петенька.

И действительно, красно-золотой шар с тонкими черными прожилками завораживал, приковывал к себе взор. Но Илью Петровича уколола мысль – точно так же, как драконьи глаза.

Петенька поднял правую руку над головой, шар завертелся быстрее, увеличился немного, и золотой цвет полностью вытеснил красный и черный. А затем произошло и вовсе невероятное – шар полыхнул ярко, так что на мгновение пришлось зажмуриться, а когда он открыл глаза, то увидел на ладони сына маленького золотого лебедя. Грустная мелодия скрипки заставила его забыть обо всем. Когда же Илья Петрович опомнился и подбежал к сыну, тот стоял, тяжело опершись на край стола.

– Что с тобой? – срывающимся голосом спросил Илья Петрович.

– Н-не знаю, папенька. Огонек превратился в лебедя, и он улетел куда-то, а я так хотел подержать его еще, – ответил сын. – А еще меня укололо вот здесь, – он ткнул пальчиком в грудь. – И мне стало немного дурно, но так светло. И я все еще слышу волшебную музыку.

Генерал чуть не схватился за голову. Опоздал! Он опоздал! Проклятый дракон-коршун сумел-таки заколдовать его сына, и что из этого получится, никто сейчас не скажет. Из разговора с драконом он сделал вывод: чтобы справиться с его подарком, нужно быть очень сильным человеком, а ведь Петенька не таков. Он добрый и мягкий, как бы подарок не подчинил его себе, потому что Илья Петрович по размеру золотого шара сразу понял – его сын будущий гений. Но как это страшно!

И все-таки генерал решил не отступать. Он решил отправить сына подальше от Урала с его непонятными и зловещими тайнами. В Санкт-Петербурге ни про какое демидовское наследство слыхать не слыхивали, и драконы там не водятся, хотя, правду сказать, столичное светское общество – настоящий гадюшник, который любому дракону сто очков вперед дать может. Отдавать среднего сына следом за старшим в Институт горных инженеров Илья Петрович не хотел, пусть держится подальше от гор и горных промыслов. Береженого Бог бережет. А вот отдать учиться правоведению – почему бы и нет. Таланты они самые разные бывают, имена Цицерона и Гуго Гроция известны всем.

Вот только не подозревал Илья Петрович, что буквально в первый же год Петенька побывает в театре, да не каком-нибудь балагане, а увидит знаменитый балет «Жизель». Увидит, и вспыхнут с

новой силой воспоминания о золотом лебеде. Талант не спрашивает дозволения ни у кого, вырвавшись на свободу, он живет собственной жизнью и ведет хозяина за собой, подчиняя себе его душу.

Да, закончил Петр училище правоведения и получил классный чин титулярного советника, даже прослужил два года, но после этого лебедь как-то потускнел, из золотого превратился в медного. И постоянно мерещилось Петру, что над лебедем упрямо реет черная тень, не то дракон какой, не то коршун сыроядец. Самое же плохое, что тонкие ниточки красного огня, переплетавшие золотые лебединые перья, таяли одна за другой. И так их немного было, а тут почти совсем пропали, не находил он в себе должных сил, черное подползало со всех сторон.

* * *

Петр сидел, запершись в своей комнате, и не зажигал свечей. Настроение было отвратительным, жизнь казалась законченной бессмысленно и бесславно. Напиться что ли? Так ведь не принесет облегчения ни казенная, ни коньяк французский, не защитят от неприятностей, не спрячут. Нет правды на земле...

– Но правды нет и выше, – послышался присвистывающий голос.

Петр вскинулся, напротив него стоял странный человек в старинном камзоле, обильно шитом золотом по темно-красному бархату. Крючковатый нос старика неприятно напоминал клюв большой хищной птицы.

– Кто вы? – испуганно пробормотал Петр.

– Это неважно, – мотнул головой незнакомец. – Главное другое, неужели и ты мое наследство расточишь бессмысленно?

– Какое наследство? – не понял молодой человек.

– Забыл уже золотого лебедя, которого поднял из заветного ларца?

– В казенном присутствии только о золотых лебедях и мечтать, – скривился Чайковский. – Титулярному советнику не о чудесах думать положено, а о следующем классном чине.

– Да, прав был Полоз, куда как прав, – пробормотал старик, не глядя на Петра. – Только в гармонии ключ, один цвет без двух других не справится, не выдержит. А силы я здесь не вижу, талант есть, но черное... Уныние. Слабость. Где же кипящая злоба?!

– Грех это, смертный грех, злобиться.

– А закопать талант от бессилия не грех? Талант есть поручение, которое должно выполнить, невзирая на препятствия.

– Тоже грех.

– Видишь, сам согласился. Забудь про столы присутственные, крытые зеленым сукном!

– Искушаешь?

– Я не враг рода человеческого. Где у меня рога и копыта? – усмехнулся старик в красном камзоле. – Я первый владелец ларца, владелец огня сердечного, который ты погасить пытаешься.

Петр вскочил резко, и в тот же миг померещилось ему, что перья лебедя снова засияли золотом, даже красные искорки по ним побежали.

– Нет, не пытаюсь. Я справлюсь.

– Бог в помощь, только помни, что за все платить приходится. Ты ведь уже платишь несчастьем своим, не так ли? – Петр уныло кивнул. – Так лучше платить за успех и славу, чем за чиновное прозябание, дорасти ты даже до тайного советника.

Что-то сверкнуло ярко, Петр ошеломленно протер глаза, но в комнате никого не было. Приснилось? Померещилось? Он сказать не мог. А в 1866 году Петр Ильич Чайковский Советом Консерватории был утвержден в звании свободнаго художника. Лебедь вырвался на свободу.

Он чувствовал, что в груди все ярче и ярче разгорается золотой огонь, растворяя в себе слабые отсветы красного, и из этого горения рождается волшебство. Но буквально по пятам за ним шла черная тень хищных крыльев, постоянно обдающая его ледяным холодом.

Серебряные трубы подхватывали и несли лебедя, а скрипки обещали встречу с прекрасным и тревожным. Предвкушение? Предчувствие? Обещание? Грустное пение скрипок напоминало, что не бывает любви без горя, золотой и черный переплелись, слились воедино. Резкие отрывистые ноты превращали обещание в обман. Это было сильнее него, музыка рождалась сама, не спрашивая творца, черный коршун злобно клекотал, разевая хищный клюв. Лишь огромным усилием Петру удалось отогнать его, завершить партитуру на светлой ноте, но что-то сломалось в душе. Первая постановка балета оказалась неудачной, коршун все-таки победил. Скоропалительная женитьба не принесла счастья, брак распался через несколько недель.

Тень черных крыл становилась гуще с каждым днем, и Петр чувствовал, как она обволакивает его, лишает сил и воли. И где-то вдали слышится злорадный клекот-хохот коршуна. Он решил, во что бы то ни стало, вырваться из колдовского плена, освободиться от проклятия, ведь у него в руках волшебный меч – его музыка. Он рассечет липкие путы, рассеет тьму. С лихорадочной решимостью он приступает к работе над Четвертой симфонией, которая «должна выражать всего, для чего нет слов, но что просится из души и хочет быть высказано».

Однако выразить идею не получилось, неумолимая судьба снова оказалась сильнее. Симфонию начинали валторны, им вторили фаготы, гремели пронзительные резкие вопли, слабо напоминающие музыку, больше всего это походило на кавалерийский сигнал: «Марш-марш, рысью!» И вот уже скачут, грохоча подковами, огромные лошади, несущие на себе всадников, закованных в сверкающие латы. Они сомнут и растопчут любого, кто окажется у них на пути. Петр просто физически ощущал, как внутри него вздымается волна алого пламени с золотыми, и под его напором отступает, съеживается черная тень. Сила, концентрированная сила рвется вперед.

Но постепенно мелодия меняется, Петр и сам не заметил, как это произошло. Появляются басовые ноты, медленными шагами шествует неотвратимый Фатум. Фанфары пытаются прорваться, сломать неизбежное, разогнать вновь окрепшую черную тень, и смолкают бессильно. Трубы бросают вдаль грозный клич, исполненный тревоги и ужаса. Где те блестящие рыцари? Их нет уже, пали в сражении с неумолимой злой судьбой. Блекнет и тает красное пламя под ударами черных крыльев.

Петр дрожащей рукой вытер холодный пот со лба. В который раз талант обманул его, сам повел за собой, не позволил творцу вырваться на свободу. В памяти всплыли знакомые строки:

Предчувствует душа моя,
Что волей звезд, туманных и далеких,
Началом несказанных бедствий будет
Ночное это празднество. Оно
Конец ускорит ненавистной жизни,

Что теплится в душе моей, послав
Мне страшную, безвременную смерть.
Но тот, кто держит руль моей судьбы,
Уж поднял парус.

– Проклятый, ты обманул меня! – в отчаянии крикнул он.

– Разве? – неожиданно прозвучало в ответ.

Петр вскинулся и лихорадочно задрожал, а перед ним появился старик в красном бархатном кафтане.

– Конечно! Ты обещал мне свободу творчества и солгал.

– Нет, – покачал головой старик. – Я не обещал тебе свободы, я лишь дал тебе талант, талант невероятной силы, которую ты сам еще не вполне осознаешь. И не я виноват, что ты оказался слишком слаб, чтобы совладать с ним. Забыл уже? Я ведь говорил о гармонии трех цветов. Золотой у тебя столь ярок, что нет ему равных во всем мире, но красного в тебе, ровно у ребенка трехлетнего. А черный всегда готов сам заползти тебе в душу, ведь каждый гений огненным метеором летит в кромешной ледяной мгле. Ты не научился различать оттенки черного, а потому злость в тебе сменяется унынием и слабостью.

– Сатана, истинный сатана! – простонал Петр. – Забери назад свои дары.

– Нет! Я дал тебе то, что стало твоим благословением и твоим проклятьем. У любого таланта имеются эти две стороны, и каждый человек решает: стать ему хозяином своего гения или подчиниться ему. Но тогда не следует пенять на судьбу. И никто не сумеет отринуть дарованное ему, если уж однажды открыл дорогу своему дару. Отказываться следовало в самом начале, сейчас это просто невозможно. Ты будешь следовать начертанной дорогой, против воли своей, нести свой крест. Только от тебя зависит, станет ли этот крест сияющей путеводной звездой или тяжким грузом на плечах твоих.

– Хотя бы помоги мне на этом крестном пути...

– Помочь? – старик коварно улыбнулся. – Отчего же? Помогу, только потом не жалуйся, и больше мы с тобой не увидимся. Не проси и не зови.

Старик исчез, и снова Петру привиделась черная крылатая тень.

Чудесным образом Петр действительно становится свободным художником. Он живет только своим творчеством, путешествуя по Европе. Он посещает Италию, Францию, Австрию, Швейцарию, проводит время в роскошном имении Браилов на Украине. Как? Откуда? Почему? Все объяснялось просто – нашелся щедрый меценат, точнее меценатка, оплатившая все долги Петра, ни много ни мало три тысячи рублей! – колоссальные деньги по тем временам. Более того, она взяла его на содержание, выплачивая ежегодно по шесть тысяч рублей – оклад генерал-лейтенанта Российской Императорской армии.

«Я не только живу, – но работаю, без чего жизнь не имеет для меня смысла. Я знаю, что Вы совсем не нуждаетесь, чтобы я при каждом случае рассыпался в выражениях благодарности. Но сказал ли я Вам хоть раз, что я Вам обязан всем, всем?»

Никто не знает, чего стоило Петру новое усилие, больше десяти лет прошло, прежде, чем лебедь вернулся. Для кого-то сочинения этого периода стали бы предметом гордости, но не для него. Как он сумел очнуться от волшебного сна, насланного черным коршуном? Да и очнулся ли? Сам Петр никогда и никому об этом не говорил. Снова перья лебедя засияли золотом, да таким, что смотреть было больно, однако сам он видел, что почти пропали красные жилки. Зато черных нитей стало много больше, временами ему казалось, что это черный лебедь прилетел за ним и ждет своего часа, только пока еще его перья оторочены золотом. Жить на деньги женщины... Он не понимал, что это унизительно, не видел, как сгорают «петры» и «катеньки», обращаясь в черный удушливый дым, вплетающийся в кромешный мрак, клубящийся уже совсем рядом. А где-то опять глухо слышится клекот коршуна.

Или это лишь злой морок? Ведь «Пиковую даму» называют лучшей русской оперой, а балет «Спящая красавица» ждет оглушительный успех. Американские гастроли приносят новую порцию славы, но за все надо платить... Ему едва исполнилось пятьдесят, а бестактные репортеры пишут, что встретили чуть не семидесятилетнего старика. Петр не сдается, рождается балет «Щелкунчик» и волшебный «Вальс цветов», при звуках которого замирает сердце. Казалось бы, еще немного, и золотой лебедь воспарит в небо... тем более, что он лично дирижирует исполнением знаменитой Шестой симфонии. Но в этот момент черный коршун молнией падает с неба.

Страшная болезнь поражает его, когда он только-только снова начал подниматься. Горячка, бред, страшные боли. Он видит, что лебедь распластался бессильно, раскинул крылья, и черная тень ползет по ним, смывая остатки золота. Потом на него внезапно нашло успокоение, смешанное со страшной тоской. Он погрузился в мутную серую бездну, слезы бежали по щекам, широко разинутый рот судорожно хватал воздух, однако Петр все равно задыхался.

Внезапно он вскинулся, хотя сил почти никаких не оставалось. Он не имеет права унести с собой огненный клубок, превратившийся в лебедя, искру таланта. Она должна остаться людям. Но кому? Кто окажется достаточно сме́л и си́лен, чтобы принять прокля́тый и про́клятый дар?! У него самого не хватило сил совладать с этим наследством, оно его сожгло. Не холера, нет, талант оказался сильнее хозяина.

Перед мысленным взором возникает чье-то незнакомое лицо. Человек в белом халате с аккуратно подстриженной бородкой, в которой пробивается рыжина. Врач? Холодные серые глаза бесстрастно глядят сквозь небольшие овальные очки в золотой оправе. «Exitus mortis»*, – шепчут тонкие губы, но на лице врача не отражаются никакие эмоции. Он каждый день встречается со смертью, не боится ее и не уважает. Невозмутимый, методичный, настойчивый... Сильный?

Петр последним усилием бросает огненный клубок врачу, и успокоено падает на подушку. Он уже не видит, как врач вздрагивает, будто у него внезапно кольнуло в сердце. Отец бактериологии, Нобелевский лауреат, доктор Роберт Кох, открыватель холерного вибриона, еще не знает, чем его одарила судьба. Гениальный ученый, которого впереди ждут громкие триумфы и страшные падения, жестокая борьба черного и золотого пламени, и нельзя сказать, которое из них победило. Однако он также навсегда останется в истории человечества.

* * *

Где сейчас ларец вороненой стали с заключенным в нем огнем? Кто следующий осмелится взять его?.. ❑

* «Смертельный исход», лат.

БЫВАЛЫЙ

«...Он в семье – ровно огонек в лесу: кого развеселит, кого обогреет, кого на думки наведет...»
П.Бажов «Хрупкая веточка».

Владлен КОЗИНЕЦ

Работа: слесарь на заводе, бетонщик на стройке, телевидение Воркута-Свердловск – корреспондент, комментатор, заместитель главного редактора, главный редактор. Образование-специальность: факультет журналистики Уральского госуниверситета – журналист, Свердловский социально-политический институт – политолог. Премии: Союза журналистов СССР, ЦК ВЛКСМ, ЦК ДОСААФ, Министерства обороны СССР. Живет в Екатеринбурге.

Красная, будто от натуги, «Жига», ревя как подстреленная, нахально одолела свеженький кювет-новодел (саперы, видать, успели-расстарались) и радостно рванулась по прямой к их ангароподобной армейской палатке, в недрах коей можно было бы при желании упрятать целый взвод. Хоть и расположено там было сегодня всего-навсего шесть офицеров-«партизан». Иван облегченно вздохнул. Получилось!..

Начиналось-то все вполне прикольно. Очередные военные сборы офицеров запаса штаб округа решил провести с размахом, подверстав их к плановым осенним маневрам. Обычно это делалось локально, без особого шума – через райвоенкоматы: размещали временный контингент где удастся, чаще всего – на территории какой-нибудь части местной дивизии, «гоняли» запасников без особого усердия, ради галочки – много ли с них возьмешь? Но в этот раз! Сборный пункт разбили в осеннем лесу, народу насобирали! И в качестве вишенки на торт решено было выпустить в полевых условиях разовый номер армейской газеты! Уж тут-то облвоенкомат преуспел! Чего там, рядовых журналюг-писателей призовем! Это будет такая газета – пальчики оближешь! Номер из рук рвать будут!

Так и оказались в одном месте в одно и то же время тяжеленные фигуры печатного мира областного (он же военно-окружной) центра. Известнейший детский писатель Травкин – его книгами зачитывалась вся страна, Ялтинская киностудия неустанно снимала фильм за фильмом по его сценариям. Зимин – собственный корреспондент крупной центральной газеты, тоже выпустивший не одну книгу. Ревзин – заместитель главного редактора журнала «Испытатель», популярный поэт-песенник. Степанов – известнейший публицист ведущей областной газеты, чьи публикации широко шагали по просторам полос не только местного, но и ряда столичных изданий. Одно качество этих «фигур» вызывало определенное сомнение – этим далеко не спортивным людям уже крепко перевалило за сороковник, да и в армии никто из них не служил: выдержат ли корифеи пера полевой режим в непривычных для них условиях? Поэтому дополнили этот, без сомнения, звездный состав парочкой попроще, зато носившими форму в своей прошлой жизни не ради красоты. Замдиректора издательства Рыжов отслужил срочную и в свои христовы тридцать три был по-прежнему поджар, как и положено лыжнику, гоняющему на ветеранских стартах с интересом хоть что-нибудь завоевать из призов. И по профессиональному профилю очень мог пригодиться – вдруг в полевой типографии чего-то не так?! А вот Иван Кикилык не ведал, не чаял оказаться в этом окружении. Армейскую службу он оттянул офицером-двухгодичником в мотострелковых войсках в Прибалтике, его взвод даже завоевал звание отличного по итогам комплексной проверки – как раз к получению самим Иваном заветной «колодки»* по борьбе самбо. А то, что никакой он не журналист, облвоенкомат никак не смущало: если дизайнер промышленного оборудования завоевывает класс-

* «Колодка» – сленговое название значка «Мастер спорта СССР» (здесь и далее – примечания автора).

ные места на Всесоюзных конкурсах – он что, красивую газету не нарисует? К тому же из всех, кто обрядится на этот раз в солдатскую форму с погонами офицеров, как раз этот запасник и знает, как эту самую одежку подогнать под стандарт – заодно и обучит «классиков» портянки накручивать, подворотнички подшивать и прочей армейской премудрости – с солдатиками, поди, много повозиться пришлось на взводном веку?! Вот и годочками в самый раз вышел: только-только тридцать два стукнуло – в самый раз к защите кандидатской подгадал.

«На войну» запасники отправились, ясное дело, как на пикник – и по части выпить, и насчет закусить взяли все как положено. Начальство не зверствовало – чай, не с бору по сосенке люди, вести себя знают как, да и адаптироваться им будет легче, если сразу гайки не закручивать. Творческий народ – с ним поаккуратней нужно!

Переодевание тоже было воспринято как приключение: в полутемной армейской палатке на сборном пункте напяливали кому что подойдет – форма от предыдущих сборов валялась так и неразобранной. А когда вышли на свет божий... Хохоту было до небес! Длинный и тощий, как жердь, Борис Степанов выбрал себе впотьмах ХБ** со старшими офицерскими погонами, но – без звездочек: ни дать, ни взять полковник царской армии! Иосиф Зимин натягивал, что на пузо налезет, и превратился в капитана-перестарка интендантского пошиба. Давид Ревзин вообще смотрелся как ополченец отступающего войска – «пузыри» что спереди, что сзади, да еще эти его очки с толстенными диоптриями... Владислав Травкин старался держаться молодцом – все же командор всесоюзноизвестной детской парусной экспедиции «Стелла», да только вот ремень все время предательски сползал с округлившегося 48-летнего животика. Пока «тридцатники» Иван Кикилык и Анатолий Рыжов споро подгоняли обмундирование и себе, и товарищам, никто особенно не обращал внимания на звезды на их погонах. А вот потом! Если Рыжов облачился в старлея, что вполне соответствовало его реальному званию в запасе, то Иван оказался... целым подполковником! Вот уж тут грохнули дружно во все глотки с новой силой!

Покуда съестное и выпивка не закончились, никто и не интересовался – а зачем нас сюда привезли? Даже радовались, что армейскому начальству не до журналистов-писателей: понадобимся – знают где найти. Да и походной типографии что-то не было видно – наверняка еще не добралась до места дислокации, хотя обычно это делалось одномоментно: печатники и журналисты должны были организоваться в газету на случай войны на правах временной воинской части – ну, чтоб все честь по чести. Игра так игра!

А вот на второй день...

– Нам что, совсем тут не хрен делать? – первым озвучил недоумение Травкин. – Мне через три дня в Ялту лететь. Без авторского надзора такого наснимают!

– Да и я, вроде как, что-то должен в редакцию слать, – поддержал его нытье Зимин. – Конечно, газета и без меня выйдет... Но во всем должен присутствовать смысл!

Степанов кивком отозвал в сторону Ивана.

– Слышь, бывалый... Если писатели заревут всерьез... В общем, план такой. Я их сейчас уведу в лес – грибы на жареху собирать. А ты где хочешь, но – раздобудь водки. А то нам всем кирдык придет!

Рыжов сам напросился сопровождать Ивана – ему явно неуютно было в компании, где все друг друга знали много лет. В нестандартной ситуации у него нет-нет проявлялся гадский «блошинг синдром» – способность краснеть из-за пустяков. И пока не освоился – надо заняться чем-то конкретным... Вдвоем они составили вполне «правильную» пару – ну не дело же подполковнику, такому большому начальнику, одному по лесу разгуливать с портфелем, а тут – старший лейтенант в сопровождении, вроде как все при деле. Не сговариваясь, двинулись к шоссе – шум проезжающих машин был в лесу слышен далеко. А где дорога – там и магазин найдется.

Только спустились с пригорочка на асфальт, как тут же, словно по заказу, нарисовался мотоцикл с коляской. Водитель был в простом нитяном тренике, но с явно военной выправкой.

– Товарищ подполковник, вам куда? Я – прапорщик с ракетной части, вот аппаратик прикупил, обкатываю.

– Куда ж «партизану» нужно? Сам понимаешь!

– Сельпо тут рядом. Прошу!

Когда с полным портфелем водки они меньше чем через час вернулись в расположение, маститые только-только развели костер и смотрели на эту пару как на волшебников!

– Ну вы даете, парни!

– Как из-под земли добыли! Вот что значит служивые!

– А в реалиях – с такими погонами, Ваня, вы кем и чем могли бы командовать? – поинтересовался Ревзин.

– От комбата до комдива. В зависимости от обстоятельств.

– «Большие батальоны всегда правы», – процитировал высказывание Наполеона Зимин. – Круто!

Так был спасен второй день. Но – только день. К вечеру опять пошло-поехало...

– Я точно простужусь! – запричитал Ревзин. – Сыро-то как! Надо было кальсоны взять! Кто ж знал...

– Да хрен с ними, с кальсонами! – вторил ему Зимин. – Я таблетки впопыхах забыл! И от давления, и от диабета. Хоть понять бы, сколько еще в этом лесу куковать! Главное, зачем? Они явно не понимают, на кой хрен нас сюда затащили – ведь не делаем же ни черта!

– Что-то у вояк не срослось! – уверенно заявил Степанов. – Я не на первых сборах. Обычно печатники уже бы давно расконсервировали походную типографию, шрифты бы от пыли драили. А нас бы по подразделениям отправили – материал собирать. Строк по сто с носа. Что-то явно не то!

– А попробуй спроси! – ухмыльнулся Травкин. – У них же все – военная тайна! Козлы...

** Хлопчатобумажная общевойсковая военно-полевая форма (армейский сленг).

Иван понимал: если не добиться перелома в настроениях – это черт те чем кончится. И судьба ему подфартила. Полог палатки внезапно откинулся, вошли два солдатика – один держал в руках телефонный аппарат-вертушку, у другого в руках была бухта кабеля. Первый скользнул взглядом по погонам и обратился, как и положено, к старшему по званию.

– Товарищ подполковник, разрешите установить телефонный аппарат?

Иван сделал строгое лицо.

– Разрешаю.

Дело заняло три минуты. Солдатик крутанул ручку и громко назвал пароль:

– «Кипарис», я – «Сосна». Как слышите? Прием!

Удовлетворившись ответом, вытянулся в струнку.

– Разрешите идти?

– Молодец, – похвалил Кикилык. – Благодарю за службу!

Едва полог с хлюпанием закрылся, Иван громко скомандовал:

– Слушать меня! Телефон нам не положен, это явная лажа. Рядом – палатка штаба связи, солдат все перепутал. Зато у нас есть шанс – один разговор я попробую с городом организовать. Быстро: кому звоним? Что нужно привезти?!

Через пару минут он снял трубку и покровительственно-барским тоном пророкотал:

– «Кипарис»! Красавица! Полковник Иванов! Дай-ка мне «Север»! «Север»? Набери-ка мне...

Телефон Ревзиных ответил моментально.

– У вас на разговор с мужем – две минуты. Строго по делу!

Только-только кинул трубку на рычаги – в палатке вновь обозначились те же самые солдатики.

– Товарищ подполковник, разрешите забрать аппарат! – виновато задал вопрос старший. – Ошибочка вышла!

– Забирай, сынок! – в голосе Ивана с удовлетворением рокотали те же покровительственные нотки. – Нам он ни к чему.

А рано утром прибыл спасительный «Жигуль» – с женами Ревзина и Зимина, за рулем машины был Сашка – сын Ревзина; с кальсонами-таблетками-кефиром, домашними пирожками и прочими атрибутами спокойной мирной жизни. Которые в повседневной суете остаются незамеченными, пока их не лишишься! Только сейчас Кикилык заметил, что Давид пришепетывает – оказывается, совсем недавно вырвали клык бедолаге. Только сейчас стало явственно видно, какой Иосиф приземистый рядом с высокой женой-блондинкой и как он ее робеет. В мгновение ока офицеры-запасники стали обычными гражданскими журналистами со всеми своими слабостями...

Вечер вновь нагнал уныние. Ревзин, раскачиваясь на кровати во всей форме, даже не снимая сапог, вдруг стал читать вслух:

«Открыв мой взор, огнем пылавший,
Я вновь лачугу различил,
И, снова сам собою ставши,
Шипы забот я ощутил.
Часы со звоном погребальным
Пробили полдень грубо так!
Над миром косным и печальным
Ты, небо, проливало мрак!»

– Ладно, мужики! – проронил, отхлебывая из фляжки остатки водки, Степанов – успел «заначить» от «банкета», – только Бодлера нам на ночь глядя не хватало!

По закону парных случаев уже на третье утро Ивану вновь пришлось продемонстрировать воинскую смекалку – хоть тресни, но нельзя было терять волну оптимизма. И Ревзин с Зиминым, и все остальные, скинувшие напряжение за двухчасовым застольем с домашними, какое-то время продолжали шутить, сыпать анекдотами и после отъезда гостей. То, что веселье исчезнет сразу после последнего глотка кефира – от солдатской гречневой каши с тушенкой практически у всех поперла изжога – ясно было как божий день. Так и произошло!

Кикилык предполагал, и вскоре убедился в своей правоте, что раз учения крупные, значит и генералы будут присутствовать. А где генералы, да хоть бы и один-разъединственный – там и салон-буфет. Побродив по территории, он этот салончик заприметил сразу. И с утреца затихарился в кустиках, ожидая, когда крупнозвездные отзавтракают. Это произошло часикам к десяти – палатка «партизан» еще благополучно дрыхла без задних ног.

Буфетчица поначалу округлила глаза на мужика в солдатском ХБ, но, вглядевшись в звезды, помягчала.

– Красавица! – с места в карьер, пока не застукали, сразу к делу приступил Иван. – У меня там полна палатка писателей, им бы чего молочненького. Животами маются! Кто ж эту солдатскую шрапнель с непривычки переварит в их-то солидном возрасте! Авось не убудет в твоем хозяйстве?! – и он хитро просверлил полненькую «сорокапятку» гусарским взглядом – та аж зарделась!

– Да хоть все забирайте, товарищ командир! Сегодня учениям конец, я жду на подмогу солдатиков – грузиться. Очень вовремя вы зашли!

И пошла закидывать в портфель Кикилыку с витрины все подряд – сметану, йогурты, молоко, овощи, фрукты, конфеты...

– Сколько с меня? – удовлетворенно крякнул Иван. – Не стесняйся! Писатели бедными не бывают!

– Да о чем вы, командир? Все уже сактировано! Не магазин же...

– Все равно – десяточка не повредит. За солидарность!

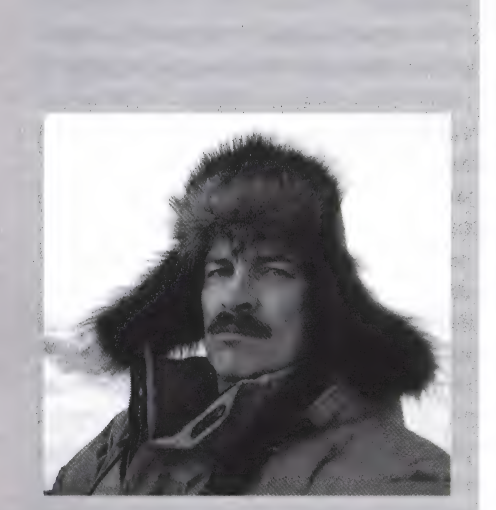
– Вы, право, меня смущаете... Разве что за эту... взаимоподдержку... или как ее там... Да у меня у самой муж – прапорщик Советской армии! Мне ли не знать, как оно бывает?!..

Когда на большом столе в палатке Иван развернул во всю ширь притараненное богатство, кое-кто недоуменно взялся протирать глаза.

– С носа по два рэ – и поторапливайтесь! Скоро взад всех переоденут! И – до дому!

– То есть... Откуда данные? – за всех поинтересовался Степанов.

– Из Генерального штаба! Я эти учения похерил к чертям собачьим как хреново подготовленные. Никому на фиг не сдалась наша газетка. Война отменяется! За мир во всем мире!

Вячеслав ПЕТУХОВ

Окончил ВГИК, операторский факультет. С 1980 года работал на Свердловской киностудии: оператор-постановщик художественного и документального кино, автор сценариев и режиссер документального кино. Новеллы, рассказы и сказки печатались в сборниках и журнале «Урал». Живет в Екатеринбурге.

ЛУНА И СТАРАЯ ВОЛШЕБНАЯ РЫБА

Давным-давно, когда Земля только родилась, среди скал и могучих кедров плескалось прекрасное синее озеро. Чистая прохладная вода отражала солнечные лучи, ее хрустальный блеск виден был издалека, он звал и манил жарким днем в тень и прохладу. Но тогда еще некому было услышать зов доброго озера.

В один прекрасный день, из-за гор прилетел белый гусь. Он родился в стране богов и волшебников, но и этот гусь никогда не видел такого прекрасного озера. Он плыл по водной зеркальной глади и любовался своим отражением.

«Ах, если бы здесь были золотые рыбы, как у меня дома! Это озеро не выглядело бы таким одиноким и пустынным», – подумал гусь.

Еще немного отдохнул и взмахнул крыльями. Он должен был лететь дальше, чтобы, вернувшись, рассказать богам своей страны, что происходит на Земле.

То ли гусь был волшебный, то ли к его лапам прилипли икринки из родных прудов, рек и ручьев, но в озере очень скоро появились золотые веселые рыбки с зелеными глазами – радость счастливого озера. Рыбки заполнили чистую чашу воды и, хотя они считаются безмолвными, казалось, все зазвенело смехом и радостными голосами. Так шла жизнь долгие счастливые века и тысячелетия. Наверное, золотые рыбки тоже умирали, но вместо умерших откуда-то из подводных скал приплывали новые, и продолжалась жизнь. Природа вокруг озера тоже старилась, даже скалы крошились, превращались в замшелые валуны. Кедры жили дольше – по тысяче лет, но и они сменялись, уступая место молодой поросли. Берега озера, старея, становились болотом, камыш прорастал из воды, шумел на осеннем ветру, будто бы удивляясь частой смене времен года.

Однажды к озеру волшебных рыбок пришел человек. Он пришел очень издалека, откуда-то из страны злых и жестоких царей, убивающих своих собственных людей. Человек больше не мог идти, он упал на берегу, решив, что умрет здесь. В отчаянии он просил богов о пощаде и помощи, не понимая своей судьбы. Те, кого он молил, жили очень высоко – не слышали больного бродягу. Волшебные рыбки вдруг вспомнили, откуда они родом, что боги кормили их предков с рук пищей бессмертных и учили делать маленькие чудеса.

Добрые рыбки подумали:

«Если боги не слышат, то вместо них мы должны помочь бедняге, умирающему у воды. Они приплыли и посмотрели на него круглыми глазами, шепча беззвучные заклинания. Человек уснул, во сне его покинули болезни и горе. Ему стало легко, в груди возникла надежда».

Проснувшись, пришелец занялся строительством дома для себя. Нашел у озера среди кедров поляну, чуть приподнятую над остальным берегом. Отсюда была видна вся водная гладь и скалы на другой стороне, где встает солнце. Человек работал очень долго, неделя за неделей, и построил жилище из камней и упавших деревьев. В нем было мало красоты, но зато дождь, ветер и холод не проникали внутрь, дикие звери не могли угрожать смертью, можно было думать и мечтать.

Да, мечтать! Одинокий хозяин жилища представлял, что однажды встретит таких же, как сам, беглецов, ищущих свободы в новых землях, и поможет им, если они захотят поселиться на диких берегах. Земля могла подарить добрым трудолюбивым людям безбедную жизнь без хозяев, войны, без зла. Потому что у озера еще никогда не жили люди, и все можно было начать сначала. Ведь лес вокруг, простирающийся бесконечно во все стороны света, мог прокормить тысячи человек – так богат он плодами и дичью. Не нужно иметь ни стрел, ни пороха – только старание и скромность не брать больше, чем нужно.

Годы плыли, как облака в небе, менялись зимы и весны. Жилище человека, спасенного рыбами, занесло листвой, на крыше сначала выросла трава, потом проросли деревья, а хозяин прекратил стареть, только стал похож на сказочного лешего – лесного духа. Волшебство золотых рыбок преобразило его, те сделали слишком много – подарили бессмертие. Он простил их, ведь они наивны и добродушны, и колдовали первый раз в жизни. Рыбки приплывали к нему только в ночь новолуния, когда острый желтый серп сиял на небе и в озере. Рыбки подплывали к самому берегу и выглядывали из теплой воды. Тогда он опускался на песок, протянув им ладони. И они тыкались своими смешными мордашками в человеческие руки, улыбались и радовались, что спасли его когда-то от болезней и смерти. Он понимал их. Тот, кто прислушивается, слышит больше, понимает лес, ветер, тучи, грозу, даже немых рыб может понять человек, если добр.

Они болтали ночь напролет, вместе встречая рассвет. Рыбки приплывали даже в плохую дождливую погоду, даже зимой. Зимой человек очищал лед от снега, зажигал свечу, на огонь которой приплывали рыбки, глядя из-под толстого кристально-прозрачного ледяного стекла на своего друга. Их чешуя смутно поблескивала золотым в глубине темной воды. Рыбок было много, все, что жили в озере, приплывали поболтать. Надо было только не проспать ночь новолуния. Волшебницы изпод воды спрашивали, нужна ли ему какая-нибудь помощь.

Но человек всегда отвечал:

– Спасибо. У меня все есть.

Видимо, золотые рыбки понимали больше, чем он произносил вслух, делали многое, не советуясь.

Как-то летним жарким днем человек услышал далекий шум. Поднявшись на свой холм, за камышовым болотом он увидел лошадей, тянущих телеги, мужчин и даже женщин, что направлялись к озеру. Скоро люди, о встрече с которыми он мечтал, добрались до берега.

Тогда человек вышел им навстречу:

– Здравствуйте, добрые люди!

Те испугались – он так был похож на страшное чудище.

– Леший! – завизжали бабы.

– Кто ты такой?! – грозно крикнул вожак и направил на страшилище свое ружье. – Стой, если хочешь жить!

– Почему? – удивился человек, но остановился. – Я так хотел, чтобы пришли люди в мой лес!

– Нам никто не нужен, даже леший! Мы сами будем здесь жить без всякой власти. Скажи только правду, и мы тебя не тронем. Есть здесь золото?

– Не знаю. Мне не было нужно.

Золотодобытчики громко засмеялись.

– Дурак! Золото не нужно! Смотри-ка ты! Ну, и живи здесь, мы пойдем на другой берег, где, видно, впадает река. Если золото есть – она приносит золотой песок.

Обоз двинулся дальше, вожак на прощание сказал:

– Давай договоримся. Мы тебя не будем убивать – живи здесь у своего болота, леший. Но только не вздумай ходить на нашу сторону.

Так озеро поделили на две половинки. Пришлые нашли золото, много золота в реке на другой стороне. Глупые рыбы услышали их мысли в новолуние и выполнили злую мечту жадных людей. Откуда им, рыбам, знать, что делает золото.

Скоро на той стороне поднялись деревянные избушки из вековых кедров. Новые поселенцы рыли шурфы и промывали грунт, отделяли золотой песок, плавили металл. То и дело с разных сторон гремела ружейная стрельба – добывали зверя. Покой навсегда ушел с берегов волшебного озера.

Однажды ночью тучи разошлись, открыв узкий серп молодой луны. Холодный ветер нагнал волны на берег, где стоял человек, похожий на лесного духа. Он смотрел в волны, он ждал своих веселых друзей. Наконец, рыбы приплыли. Они смотрели из воды, но глаза их были грустны.

– Почему вы не смеетесь? И почему вас так мало? – удивился человек.

– Мы не знали, что нас можно есть, – ответили рыбы. – Люди на другом берегу ловят нас сетями. Мы больше не будем слушать их мысли. Нельзя делать, что они просят – нам страшно.

Человек заплакал, опустил руки в холодную воду, гладил и ласкал рыб:

– Простите, мои добрые друзья! С вами я забыл, что зло живет в мире. Вы спасли меня от смерти, дали столько чудесных подарков. Теперь я должен защитить вас.

Человек и рыбы снова проговорили всю ночь – вспоминали безмятежное счастливое прошлое. Утром пошел снег.

– Скоро зима, – сказал человек на прощание. – Я сделаю прорубь, когда придет время, чтобы слышать вас.

Он отправился в деревню, как только рассвело. Бабы полоскали белье в озере. Увидев его, они закричали и разбежались, побросав корзины с тряпьем.

– Стой, дьявол! – услышал он крик – мужчины с ружьями выбежали из домов и преградили ему путь.

– Зачем пришел? Я говорил: не приходи! – это вожак вышел вперед.

– Люди добрые! – человек прижал руки к груди, словно каялся. – Никогда бы я не нарушил вашего приказа, но друзья мои просили спасти их.

– Какие друзья? – не поняли люди.

– Вы живете, как хотите. Рубите деревья, убиваете зверей, распахиваете землю, рвете и топчите травы в лесу. Вас так много – скоро вы все уничтожите вокруг озера. Разве не жалко вам красоты? Еще вы ловите чудесных волшебных рыб, живущих в глубине. Их нельзя убивать – они душа и сердце этой страны. Без них все померкнет и превратится в тень и прах...

– Ты сдурел, леший? Рыба живет, чтобы ее ели люди. Мы – люди, мы – хозяева всего, что есть на Земле, – перебил человека вожак. – Мы не слушаем никого. Скоро здесь будет город. Лужа нам твоя не нужна. У нас есть золото – мы, что хотим, купим. Нам все равно, если даже рыб здесь совсем не останется.

– Тогда я убью вас всех! – рассердился бедный человек, похожий на духа леса.

– Убьешь?! – вожак поднял ружье и выстрелил в него без жалости.

Пуля пролетела насквозь, не причинив никакого вреда. Все мужчины подняли ружья и выстрелили, но человек стоял перед ними совершенно невредимый. Ведь рыбы сделали его бессмертным.

– Ах, ты! Дьявол! – закричал вожак. – Пуля не берет. Хватай его, ребята!

Мужики повалили человека наземь и связали крепкой веревкой, к ногам привязали тяжелый валун.

– Зря грозился. Что ты можешь нам сделать, жалкое чудище? – смеялся вожак.

На лодке он и трое подручных отвезли человека к глубокой подводной яме у скалы.

– Вы сами себя погубите. Вы не различаете добра и зла. Поэтому, всегда выбираете худшее, – спокойно сказал им человек.

– Ты, значит, лучше выбрал? Иди к своим рыбам – их учи.

И сбросил его с лодки. Камень быстро утянул человека на дно, куда даже свет не проникал. Мужчина не мог умереть, он словно уснул, лишенный воздуха и света, бессильный избавиться от веревок. Так он остался стоять на дне, привязанный к камню, долго, многие годы. Рыбы приплывали к нему, не в силах помочь разорвать путы. Они беззвучно плакали и тыкались носами в его лицо и руки, но он не чувствовал их горя – он спал и даже не видел снов.

Скоро и рыбы перестали приплывать. Люди, которых стало больше, опустошили все озеро, ставшее почти болотом. Наверное, прошло немало лет. Веревки, державшие человека, сгнили, и он медленно всплыл на поверхность весь покрытый тиной, водной травой, маленькими подводными тварями, поселившимся на нем. Открыв глаза, человек в высоте неба увидел белые облака. Долго он следил за ними, лежа на воде. Медленно приходя в себя, искал кончик нити в клубке своей памяти, чтобы потянуть за него и узнать, кто он был. Камыши шумели на легком ветерке, сбивая с мысли своим сухим шорохом, закрывая стеной даль.

Крохотная птичка прилетела, уселась на мохнатую камышинную голову, прочирикала:

– Ты кто?

Он понял птичку:

– Не знаю...

– Плыви к берегу.

– Где он?

– Там, где твои ноги. Близко.

Птичка улетела. И правда, раздва – и доплыл он до узкого болотного берега. Встал на слабые ноги, плохо помнящие, как ходить. Огляделся, не увидел нигде ни деревни, ни высоких кедров, ни старых скал. Кругом только камыши да чуть-чуть редких кочек, покрытых кустами. Лишь вдалеке возвышался холм с несколькими поломанными сухими стволами умерших давно деревьев.

«Я там жил!» – догадался человек.

Долго пробирался он в свое жилище, обходя топи, пузырящиеся газом из недр болота. Змеи и ящерицы разбегались и расползались из-под ног – он не боялся, он еще не вспомнил, что есть страх. Места этого человек не узнавал, удивляясь самому себе.

Наконец, пришел к холму под мертвыми деревьями. Память подсказала, где искать вход в жилище внутри земли среди бурьяна. Отвалив старую дверь, человек нашел оплывшую половину сальной свечи и огниво. С горящим огоньком шагнул внутрь своей пещеры, отвалил камень, закрывавший единственное окошко, смотревшее на юг. Сразу стало светло. Он увидел свой топчан, стол и стену, на которой когда-то желтой глиной и черным углем нарисовал себя и золотых рыб в водах озера. Память вспыхнула яркой молнией, возвращая все на свои места в его больной голове.

«О, Господи! – ужаснулся человек. – Где же теперь рыбки и озеро?! Где убийцы – золотоискатели с ружьями, где их город?»

Он нашел старую тряпку, служившую прежде одеялом, вышел наружу. Узкая полоска чистой воды осталась от озера. Как речка, она текла в болото, пропадала в камышах. Мелкая, лишь по колено, вода журчала, словно радовалась человеку. Он смыл с себя все, что наросло на теле, накинул одеяло, обвязался веревкой и отправился вокруг озера искать что-нибудь, что знал прежде.

Никаких человеческих следов не было видно. Только звериные тропы вели к водопою. Он видел следы медведей и лис, и еще каких-то мелких зверюшек, снующих в густых зарослях по топкой грязи.

«Никого не осталось», – понял человек, дойдя до развалин каменных домов.

Даже мощеная когда-то улица заросла травой. Он шел по жестким булыжникам, нагретым солнцем, пытался представить, как жили здесь люди, пока он стоял на дне омута, почему они исчезли. Трудно представить что-то, о чем не знал и не слышал, только по руинам. Стая тощих собак выскочила неожиданно из-за каменной стены. Увидев человека, собаки застыли в оцепенении, не решаясь подойти.

Он крикнул им:

– Пошли прочь!

Собаки убежали, а он дошел до площади, где когда-то была церковь – теперь лишь черные стены. На площади остался целым бронзовый памятник бородатому человеку с ружьем.

«Вожак, – узнал человек своего убийцу. – Никто не помнит тебя, только я».

В заброшенных садах густо разрослась смородина и малина – самые живучие кусты в мире. Ягоды густо покрывали их. Человек почувствовал голод.

«Я же не ел, наверное, добрую сотню лет!» – обрадовался человек ягодам.

Утолив голод, он еще побродил среди домов, находя непонятные вещи – следы чужой жизни. В некоторых домах на стенах остались картины – портреты хозяев в важных позах, строго глядящих перед собой. Он нашел хороший кожаный мешок, котелок, большую медную флягу для воды, много всяких нужных вещиц для хозяйства. Что вошло в мешок, человек унес к себе в пещеру. Среди мертвых домов не надо оставаться, зло старых хозяев никуда не исчезло.

По дороге домой человек набрал съедобных кореньев, трав и грибов. Уже затемно разжег на берегу костер и сварил похлебку в найденном котелке, радуясь, какой он удобный. Из-за холма взошла луна, круглая и оранжевая.

«Дней десять до новолуния, – прикинул человек величину луны. – Как долго! Годы в подводном мертвом сне прошли мимо, я не заметил. А так долго до новолуния! Как дожить?» – вздохнул он.

Ночами он видел безмятежные сны. Память дразнила, оживляя счастливые картины давно прошедшего, канувшего без следа. Утром улыбка, не сходившая с лица во сне, исчезала, лишь он видел болото вместо озерной шири. Тогда оставалось только одно: бродить по звериным тропам, собирать хворост для костра, искать пищу, варить похлебку и смотреть на Луну. Никогда он так не ждал.

Наконец, наступило новолуние. С самого заката человек стоял на берегу узкой протоки, оставшейся от озера. Тучи набежали, закрыли красное заходящее солнце. Человек заплакал, умоляя ветер помочь и разогнать тучи. Ветер услышал мольбу, зашумел где-то в вышине – солнце блеснуло в последний раз, прощаясь до утра. И сразу за спиной из-за холма появился узкий золотой серп. Человек, не отрываясь, смотрел на переливы света на темной воде, сердце билось, отдаваясь частыми ударами молотка в голове. Долго ничего не происходило. Наконец, зашевелились камыши – что-то двигалось из глубины болота. Скоро он увидел красный плавник над полосой чистой воды. Медленно ворочаясь, плавник приблизился к кромке воды, и два глаза выглянули на поверхность.

– Ты одна?! – воскликнул в отчаянии человек. Без сил он опустился на берег и протянул враз ослабевшие руки серой от старости большой рыбе.

Из круглых глаз ее выкатились две слезы, рыбка слабо ткнулась носом в ладонь.

– Я дождалась... – прошептала она. – Какое счастье! Так тяжело жить, так страшно не дождаться...

Потом они долго молчали, не в силах справиться с волнением, ощущая бездонную пропасть, отделявшую их от прошлого.

– Ты не оставишь меня? – наконец, смог произнести человек. – Как я буду существовать один?

– Теперь я могу жить, – ответила рыба. – Вдвоем у нас хватит сил.

– Почему вы не смогли справиться, почему безропотно приняли гибель?

– Разве ты сам не знаешь ответ? Мы никогда не видели зла и учились добру. А люди, что пришли, ничего не хотели знать о счастье, им нужно было только золото. Когда ты исчез, мы поняли – нельзя слушать их мысли, перестали выполнять человеческие желания. Золото сразу исчезло, ушло глубоко, где его не достать. Люди стали жить, убивая лес. Не осталось деревьев, принялись делить, что захватили прежде, убивать друг друга. Но, перед тем, как исчезнуть, они выловили всех нас. Осталась только я. Ты уже видел, что теперь с нашим миром?

– Видел. Я бы ушел отсюда – нельзя жить на кладбище.

– Если бы я могла летать или хотя бы ходить... Я знаю, где искать нашу древнюю Родину, – рыба горестно вздохнула.

– Я понесу тебя! Я нашел большую флягу. Наберем в нее воды, ты будешь жить в ней, пока мы не дойдем.

– Идти очень далеко. Годы. Ты сможешь?

– Лишь бы ты вытерпела. Я буду выпускать тебя поплавать во всех речках и озерах по пути, что бы ты не чувствовала себя, как в тюрьме, – пообещал человек. – А время – неважно. Лишь бы была надежда! Мы ведь все равно дойдем, хоть через сто лет.

– Дойдем, – улыбнулась рыбка. – Как хорошо! Я снова хочу жить.

Утром, собрав дорожный скарб, приделав лямки к фляге, человек набрал в нее воды. Рыбка заплыла внутрь.

– Места не так уж много. Не закрывай крышку – пусть будет светло.

– Хорошо, – ответил человек.

Он оглядел последний раз место, где прожил такую долгую жизнь и, взвалив флягу на плечи, пошел, стараясь не трясти рыбку.

– Я научусь ходить плавно.

Их больше не видели там ни собаки, ни вороны, ни муравьи. Кедры выросли снова через триста лет, болото покрылось густым кустарником, развалины домов стерло время. Кажется, мир восстановился, стал, как прежде. Только в нем уже никогда не увидят чудес. Лишь в новолуние будет плакать острый серп молодой Луны и горевать сирота – камыш...

Лилия САФИНА

Окончила Томский государственный университет, факультет иностранных языков. С 2006 г. работала в Москве журналистом-корреспондентом в российских и зарубежных СМИ. В настоящее время работает в пресс-службе госорганов. В 2017 году в Доме-музее им. М.С.Щепкина состоялся первый авторский вечер «Сокровенное. Зимнее. Раннее». Стихи печатаются в региональных и федеральных периодических изданиях, литературных сборниках. В апреле 2018 года вышел авторский сборник стихов «Вовремя». Живет в Москве.

СНЕЖНЫЕ РОЗЫ

СНЕЖНЫЕ РОЗЫ

Когда за окном оживают морозы
И белая стынет на небе звезда,
На землю спускаются снежные розы —
Блеснут и простятся и будет вода.
В тот миг свои песни затянут метели
И съежится в месяц ночная звезда,
Все снежные розы весенней капелью
Напомнят, что с нами их свет. Навсегда.

БУДЬТЕ ИСКРЕННИ!

Будьте искренни!
Об одном прошу —
Я воистину
Лишь тогда дышу.

Будьте искренни,
Не желайте зла.
Я воистину
Только так жива.

Будьте искренни —
Я не верю льду.
Я воистину
На тепло иду.

Будьте искренни —
Не хочу игру!
Я по истине
Вас, узнав, приму.

Будьте искренни...
Не кормите ложь!
В свете истины
От корней растешь.

Будьте искренни —
Не сгущайте тьму.
Я — за истину,
За нее... уйду!

Я воистину
Об одном молю.
Я так искренне
Вас люблю.

Будьте!

ПАМЯТИ МАНДЕЛЬШТАМА

Белая повязка
И Храм.
Жив ли кто без маски,
Мандельштам?
Серебрятся в небе
Лучи
Где-то есть подсказки,
Ключи.
Окружен деревьев
Кольцом
Больно горд и замкнут
Лицом.
Облачат в апреле
В шелка.
Каждому по вере,
Ведь так?
По весне воздастся —
Кричи.
Чтоб зиме не сдаться —
Молчи.
Белая повязка.
Где ж Храм? —
Без посмертной маски
Мандельштам.

ЛИПЫ

В час воды, из небес
Пролитой,
Колокольная бьет
Череда.
В этот миг
Просыпаются липы,
Их звучание в нас —
Навсегда.
Знать из вечности
Листья их сшиты,
В них медовая память —
Свежа.
В каждом сердце
Зашиты липы —
Незажившей души
Имена.
Вновь горчат их
Душистые брызги —
Дождевая живила
Вода.
Мы из лип,
Как из детства вышли.
Их дыханием дышит
Весна.

ВО ИМЯ

Однажды все превратится в тлен.
Все мои чувства к тебе —
Не в последнюю очередь.
Оставить бы частичку себя взамен —
И речь не только о будущей дочери.

Один построит своим родным дом —
Древесный ли, каменный —
Не в этом суть.
Другой — подарит читателю том
Или махонький томик... чего-нибудь.

Третий растратит себя на власть,
Завещав всем живым
Карточную империю.
Четвертый отлюбит-изрубит всласть,
И к концу авантюры
Придет потерянным.

Пятый спецэффектным разразится кино:
Будет ступать до конца
Гордо поднятым.
Шестой — проращивать из себя пейзажи
— Не про то, чтобы посмертно
Остаться непонятым.

Седьмой сможет мудро отмерить жизнь,
Приценится к ней так и эдак.
Ты только крепче за такого держись —
Ювелирно отрежет
— Без швов и меток.

Знаешь, а ведь все перемелется в тлен —
Мысли, чувства, глаза —
Все по очереди.
Ты только будь добр,
Оставь после себя взамен
Свое честное имя.
Во имя Отца. Сына. Дочери.

ГРОЗА

Идем в бреду,
Живем в плену
У ожидания.
Ладонь — в песок,
Волна у ног —
Одно желание.
Скучаем врозь,
Вставая в позу,
При расставании.
Читаем вкось —
Все больше прозу
И... ноль внимания.
Сейчас обнять,
Тебя б объять,
Чтоб не покинули...
Оковы снять,
Себя распять —
И воскресили бы...
Застывший стон,
Забытый сон —
Судьбы пророчество.
Заклятый друг,
Замкнутый круг
У одиночества.
Небесный треск,
По венам — всплеск!
Грозится молния.
Молитва. Дрожь.
Под кожу дождь.
Огонь — агония.

КРАСНАЯ ПОМАДА

Я примеряю тебя реже:
Работа, дом —
С тобой не дружат.
Королевна,
Твой час — потом.
Оттенки вишни
И граната,
Рубинов жар.
Красива? Да!
И приказала:
Пойдем на бал!
Танцуют все.
Ты в центре зала —
Сверлящий взгляд.
Улыбка в красном
Приковала —
Ты бриллиант.
Закончен бал?
Свеча дымится?
Не все ль равно...
Когда на донышке
Искрится
Твое бордо.
Блеснешь кораллами —
Слезами —
И в добрый путь.
Мосты горят,
Москва за нами,
Стереть. Уснуть.

***

Причудливы деревьев образа
В часы весны,
Однако нецветения.
Сплошь оголенные
Бросаются в глаза,
Разнообразные в своем
Древотворении,
Все тянут руки... —
То ли Утешения с нас требуют
Иль молятся они
В святом молчании.
Чуть выше стынут звезды,
А хлопотливые грачи и воробьи
Уж свили гнезда.

***

Ей было до Бога чуть-чуть —
До вытянутой руки.
Любовь — самый долгий путь —
Длиннее любой реки.

Достигнув терпенья дна,
Измерила чаши глубь...
И стала красней цена,
Любовь — самый красный путь.

До Бога ей было чуть-чуть...
Призревши, в руках несла
Любовь... И открыт был путь,
И сердце Река приняла.

ПРИЗНАНИЕ

Я была совсем рядом, близко,
Вы ж смотрели опять свысока,
Все пред вами и мелко, и низко —
Только тянется выше рука.
Я хотела обнять вас украдкой.
Необъятное как мне объять?
Да, пред вами нельзя быть сладкой
Только честной... и то, как сказать...
...Все равно вам... мои надежды,
Мои страхи, томленья, мечты —
Я останусь для вас невеждой,
Не постигшей небес красоты.
А хотелось и в радость, и в горе...
Ровней быть — равно жизнь проживать.
Только вы это Вы — вы горы!
Вам положено выше стоять.

РОЖДАЮСЬ ЗАНОВО

Рождаюсь заново.
Все мягче,
Не больней
Прозрения игла
Сшивает душу.
Легко смотреть
В глаза.
Других людей,
Все легче понимать
И сердцем слушать.

Рождаюсь заново.
В объятиях зимы
Дыхание весны
Имело силу.
Под покрывалом
Здешней тишины
Средь суеты
Я нежность
Прорастила.

Рождаюсь заново.
В награду мне Покой
Над колыбелью
Поцелует
Песней,
А в снах расскажет
Ласковый прибой,
Что я река
И буду с морем
Вместе.

Рождаюсь заново.
Гудящей тетивой
Натянута
Шагреневая кожа,
Серебряной —
Как Молния —
Стрелой
Вонзаюсь
В Вечность —

Быть дождю,
Похоже.

Рождаюсь заново.
В сиреневом дыму
Луна из звезд
Венец
Плетет
С моей Судьбою.
Я новая вот-вот
Взойду...
Я стану, наконец,
Собою.

СИРЕНЕВАЯ ЛЮБОВЬ

Тебе будет со мной интересно.
Непростой. Экзотичный я фрукт.
Это яблок навалом полезных,
А меня можно лишь по чуть-чуть.

Ты меня разгадаешь не сразу...
Терпким зернышком по языку
Уколю — но не больно ни разу.
Позже мякотью обволоку.

Наслажденье узнаешь в малом.
По нектару отыщешь мой мед.
Ты получишь меня не даром —
Мою цену другой не возьмет.

Я кормить тебя буду не пресно,
Пусть загадкой останется плод...
Тебе будет со мной интересно.
А с другими — наоборот.

РАЗНЫЕ МНЕНИЯ

Не обижайся, не суди:
Она извилиста, дорога.
И тварь, рожденную от Бога,
В поспешной мысли не кляни.
Длиннее ночь — короче день.
Все реже солнце проникает.
Его лучи протянут тень —
От нас от всех она спадает.
Разочарованно не пой,
Ища в обидах упоенья,
Меняется у точек зрение,
Меняемся и мы с тобой.
За миражами пустоты
Не требуй объяснений пытку:
Ведь поливать пуста попытка,
Когда искусственны цветы.
Не расщепляя на куски
Свои догадки и сомненья,
Принять попробуй и прости
Ее, мое, его, их мнения.

НЕ ЗРЯ

Сбились кучею тучи плакучие,
Крылья белые меряю зря...
Оживились и гады ползучие —
И кусают, и жалят меня!
Пауки да жуки приставучие,
Комаров беспощадна петля,
Неужели настолько пахучая —
Окружили и точат зазря!..
Не беда, кровь моя кипучая,
Я ж ее закаляла, друзья!
Всю не высосут — вездесущие.
Я не всякая бледная тля!
Поднималась заря горючая, —
Вдруг застыла в слезах янтаря...
Все же гадко, что вы меня мучили.
Но, как видно, не зря... Не зря!

МЕЧТА

Мечта! —
Счастливая страдалица:
То ей неволится,
То ей печалится,
Сейчас смеется,
Чрез миг расплачется,
Наружу рвется,
Под сердце прячется...
Мечта! —

Безмолвная пророчица,
О чем печалится?
Чего ей хочется?
В ночи пронзаема
Копьем бессонницы,
Чуть свет спасаема
Крылатой конницей...
Мечта! —

Безудержная странница,
Во всем безгрешница,
Сама красавица.
Какой исполнится?
Пред кем появится?
Звенит стозвонницей —
Нельзя отчаяться.

***

Смех — массаж моей души.
Очень нужен! Срочно!
Вот волна его спешит
По душевным точкам.

Хорошо, легко пошла
И щебечет птицей,
Вновь улыбками душа
Рассмешила лица.

Так себя, других смешит,
Как не все умеют —
По-другому ей не жить —
Или заболеет.

Среди всяких «шу-шу-шу»
Зычно флаг мой рдеет!
И смеюсь я — как дышу,
Как другой не смеет.

ПОЖАЛУЙСТА, УСПЕЙ

Пожалуйста, успей коснуться,
Пока не осень, тебя прошу.
Еще желанья не погасло солнце
И доверяю грусть карандашу.
Пожалуйста, успей коснуться...
Еще влажны весенние цветы —
Я так боюсь нечаянно проснуться,
Когда *во сне* любимые черты.

Пожалуйста, успей коснуться,
Пока по кругу не закончен вальс,
Когда от танца трезвой не очнуться, —
Последний раз звенит как первый раз!..

Пожалуйста, успей коснуться,
Пока охрипший не окликнет гром.
Тогда уже никак не обернуться,
Каким бы милым не казался дом.

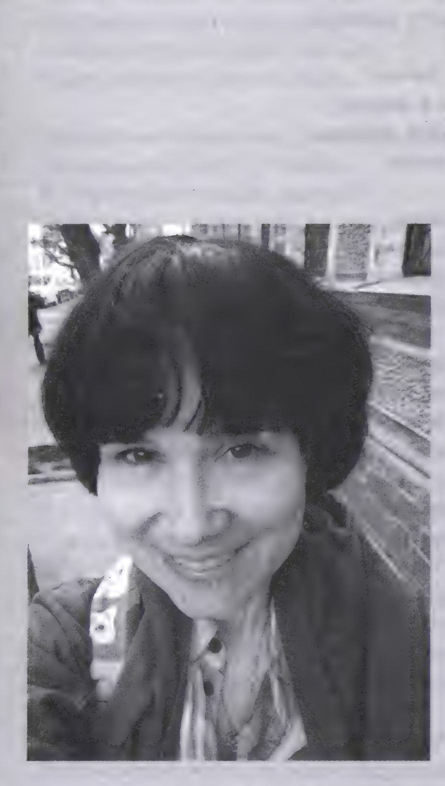
Когда последнее окно погаснет
Под сенью тертого ночного фонаря,
Не говори, что нет весны прекрасней, —
Уже другой сезон календаря.

***

Зевают сытые дома
Эх, пряный вечер, что готовишь?
Хмелеет сытая луна
Ты ж счастья ищешь и... находишь!

Желтеет окон теплый лик,
Их свет сулит покой и только,
А ты закатный ловишь блик —
Как счастья жаждешь солнца дольку.

Вновь не во сне, а наяву
Внимаешь чудную картину —
И ненасытен... Почему?! —
Ты счастлив лишь наполовину!

Елена ФРОЛОВА

Каждое лето проводила на Украине в селе Днепряны и в уездном маленьком городе Венев под Тулой, там же в деревне Березово. Воспитание бабушек и дедушек двух этих малых родин оставили во мне след на всю жизнь. Долго жила в Сибири – Томск, Новосибирск, Красноярск. Сибирская земля и люди во многом повлияли на то, кем я стала. Много печаталась в Сибири до 1998 года. В 1997 году выиграла поэтический конкурс в Красноярске, организованный фондом В.П.Астафьева. Как победителю – фонд Астафьева издал сборник стихотворений «Старый синий зонт» под девичьей фамилией – Елена Ермакова. В Красноярске посещала литстудию Аиды Федоровой. Стихи публикуются в Российских и зарубежных журналах, работаю в музее-квартире А.Н.Толстого. Живу в Москве.

«У СЧАСТЬЯ ТАКИЕ ПРОСТЫЕ ПРИМЕТЫ...»

* * *

У счастья такие простые приметы:
Вот утро, крыльцо, деревенское лето.

Вот мама смеется в цветном сарафане.
Вот пенка парная в граненом стакане.

Вон там умывальник прибит у забора.
Вот бабушка вышла во двор с разговором,

Что делать на завтрак — блины или гречку?
Вот дедушка наш возвращается с речки.

И синие рыбы лежат у порога,
И грустно немножко, но счастливо — много.

Вот просятся братья с сестрою на ручки,
А я не прошусь, я ведь старшая внучка.

Мне — шесть, и я чувствую эти приметы
Про утро, про счастье, про маму и лето.

ПРЯНИК

Вот и новым забором обнесен старый сад,
И дорожки проложены серою плиткой.
А я вижу штакетничек и палисад,
И косынку прабабушки над калиткой.

И мой прадед суровый в кирзачсапогах,
Опираясь на палку, стоит у порога.
Липкий маленький пряник сжимаю в руках,
Мне украдкою сунутый на дорогу.

Ни подарков не помню, ни похвалы,
Ни какого-то доброго нежного слова,
Но вот эти вот прянички из-под полы
Старый прадед совал мне,
стесняясь сурово.

И чего бы не ела я после, потом,
Где б меня не носило по белому свету,
Эти пряники, сад и прадедовый дом —
Вкус бездумного счастья и вечного лета.

И скамейка, где прадед, и дед, и отец
Все чего-то решают и спорят упрямо.
И братишка к ним на руки лезет, птенец,
И к обеду зовет нас красивая мама...

И теперь за забором, почти вековой,
Этот старенький сад бережем, не тревожа.
И плывут облака над моей головой,
Облака, на косыночку чью-то похожи.

* * *

Скучала осень у дороги,
Старела рыжею листвой.
Стучала веткой на пороге
В твой дом, холодный и пустой.

Смотрела в окна и молчала,
Ждала ответа в тишине.
И ничего не означало
Число в твоем календаре.

А осень тихо у порога
Качала ветками листву.
И лик ее, худой и строгий,
Ложился тенью на траву.

* * *

Привычно прокурена сигаретой
Квартира. Книги. Кот.
Но вот появляется женщина-лето
И за собой зовет.

Нежностью голоса, рук и взгляда
Ты оглушен в ночи.
Надо тебе это или не надо?
Сердце твое молчит.

Сердце твое давно закрыто
На тысячи долгих зим.
Женщина пахнет чем-то забытым,
Запах непостижим.

Ночь перевернута во Вселенной.
Смыслы разбиты в прах.
Женщина спит у тебя на коленях
С горечью на губах.

А утром в ее ожиданье посмотришь
Серым седым дождем.
Женщина выпьет холодный кофе
И растворится в нем.

* * *

Я преодолеваю грусть: ищу каштаны
в парках,
Осеннюю листву кладу между страниц.
И представляю, как листве темно и жарко
В переплетенье строк, в переплетенье лиц.

Я преодолеваю грусть. Стираю пыль с открыток.
Не открывая их, читаю наизусть.
Все, что воплощено, и тут же позабыто,
Преодолеть берусь, преодолеть берусь.

Я преодолеваю грусть, я кутаюсь в туманы,
Осенний лист сухой в гербарии пришит.
И ветер в тишине, зализывая раны,
В окно мое стучит, в окно мое стучит.

Я преодолеваю жизнь! Вплетаю в сны ромашки,
И встречи наугад, и прошлые слова!
И прорастает там, где все давно не важно,
Зеленая трава, зеленая трава....

* * *

Фиолетовыми сливами
Тучи сизые сгущаются.
Были мы с тобой красивыми!
Но на свете все кончается.

Мы давно зарыли косточку,
Ожидая чуда нового.
Но из чуда сделал тросточку
Сторож тонкую, сливовую.

* * *

Любовь не одерживает побед.
Любовь ничего не просит.
Идет человек в суету одет,
Несет за плечами осень.

Идет, не оглядываясь, вперед,
Упорством своим просужен.
А то, что случилось наоборот —
Осталось как льдинка в луже.

Как паутинка неясным днем
На веточке клена голой...
Как имя мое под твоим языком
Таблеточкой валидола.

* * *

Весна, весна...Откуда ты пришла?
Живое наклоняется к живому.
И нет забот, и мыслей нет, и сна...
И тень весны слоняется по дому.

В почтовый ящик брошенный конверт
Я вытащу и сделаю кораблик.
А, может, из листочков, например,
Получится задумчивый журавлик?

Куда потом он сможет долететь?
К кому он сядет в теплую ладошку?
Весна, весна, как хочется успеть
Влюбиться навсегда, не понарошку...

Протянется полосочка реки,
Все ожиданья смоет незаметно.
Весна, весна... Шаги твои легки,
И все твои приметы — неприметны...

* * *

Поговори со мной про белый свет.
Про тихий день. Про розовость улыбки.
Про то, что, может, через тыщу лет,
Мы перестанем совершать ошибки.

Поговори про радость бытия
С помытыми окошками в апреле,
Где все не повзрослевшие друзья
Раскачивают старые качели.

Поговори со мною о тоске,
Которую приносит белый аист,
Где крошечная жизнь на волоске,
Но больше ничего не означает...

Поговори о маме и отце,
Которые становятся, как дети.
Я знаю, что случается в конце
На этой грустной маленькой планете.

Поговори... Но если одинок
Ты, как и прежде, в эру Водолея,
Иди ко мне, уставший тихий Бог.
Я слушаю тебя.
Люблю.
Жалею.

* * *

Испив земную печаль, от мук
Укрыться былью.
В тоске, ломающей жесты рук,
Оплакать крылья.
Оплакать сонмы тончайших слов
И тайны знаков.
Все, что казалось сладчайшим сном,
Скорей оплакать.
Сев у камина, лицом к огню,
Осутулив плечи,
Молясь горящему алтарю —
Оплакать Вечность.

* * *

Звук рождается просто, на исходе зари.
Может, это ребенок во сне вздохнул?
Может, гаснут уставшие фонари,
Может, кто-то в окно мое заглянул.

Или это бабочка между рам,
Или вишни падают на порог.
Или тихо ангел смеется там,
Где осталась жизнь, между трех дорог.

* * *

Айвовый сад на Киловой горе.
Калиточка. Балкон. Полночный дождь.
Холодные рассветы в сентябре
Не обогреешь, не переживешь.

Все призрачно, как тающие сны,
Как в небе карадагская луна,
Как лист саган-даляй, твоей травы,
Заваренной в стакане у окна.

* * *

Озимые снега идут над миром,
И мы идем одетые в снега.
Я снова сотворю себе кумира
Из моего заклятого врага.

Как учит недочитанная книга,
Подставлю свою щеку и ладонь.
Смиренье, неизбежное, как иго,
Берет любого Каина в полон.

Прощенные становятся сильнее.
Прощающие канут в тишине.
И неприметно горько заалеет
Раздавленная клюковка в вине.

И к сердцу, как к забытому зимовью,
Протянется тропинка на снегу.
И враг мой, заклинаемый любовью,
Устанет ждать меня на берегу.

* * *

Иссык-Куль обмелеет. И время уйдет в глубину.
Ты однажды придешь и присядешь на белый песок.
И у рук твоих сильных тяжелые камни уснут.
И волна поцелует украдкой твой нежный висок.

Распаленное солнце уйдет за Тянь-Шанский хребет.
И вечерние сумерки верностью лягут к ногам.
И покажется мне, будто ты через тысячу лет
Возвратился на Землю, подобно печальным Богам...

* * *

Февральские вьюги засыпят задумчивый город.
Все станет неважным, как будто и не было вовсе.
В углу засыпает звереныш — любовный мой голод.
Он спит, обессилев, свернулся и крошки не просит...

Из старой корзины достану я нежность и ласку,
У солнца февральского выпрошу солнечных нитей,
Свяжу я тебе, мой звереныш, чудесную сказку,
О море безбрежных, прекрасных дивных событий.

О таинстве ночи и сладости прикосновений,
Об океане безумных украдких желаний,
О скоротечности самых прекрасных мгновений,
Об ускользающей горечи воспоминаний...

И пусть убаюкают город февральские вьюги,
И в каждой снежинке застынет случайное слово.
Мой дикий звереныш ко мне заберется на руки,
И снова поверит. И снова доверится. Снова...

* * *

Старые хиппи поют у метро в переходе.
В шляпу ковбойскую падают пятирублевки.
Ты понимаешь, что жизнь потихоньку уходит,
А ты еще даже не начал свою стометровку.

Еще не задумывал самую главную книгу,
Еще не замешивал краски для главной картины,
Не видел Венецию, старую Вену и Ригу,
Мира не видел, даже его половины.

Старые хиппи поют не очень красиво,
Но улыбаются искренне, так же, как дети.
Ты понимаешь, что жизнь была, в общем, счастливой,
Даже на этой уставшей и грустной планете.

Даже средь этих неверных, но лучших любимых,
Среди запутанных напрочь дорог и желаний,
Даже средь этих немыслимых, невыносимых,
Но самых нежных и горестных воспоминаний.

Старые хиппи за полночь выйдут наружу.
Двери в метро закрывает охранник небритый.
Ты вспоминаешь, кому был отчаянно нужен,
И набираешь тот номер, давно позабытый...

* * *

Мое детство кончилось лишь позавчера.
Шишкою еловою пало на траву,
Выкатилось обручем со двора,
Будто бы и не было наяву.

Пробежало лужами августовским днем,
Бабочкой-капустницей растворилось в сне,
Ну, а все, что помнилось мне о нем, —
Как от солнца жмурилось по весне.

Мое детство кончилось просто и легко:
Черною собакою, ласковым щенком
Выпило небесное молоко
И ушло за облаком....
Далеко.

* * *

Сидеть, молчать и думать в сентябре,
Подлущивать орехи во дворе,
На бабушку смотреть, качать ногой
И понимать, что жизнь была такой
И раньше, до меня, и до нее,
И так же сохло во дворе белье,
И так же падал первый желтый лист,
Картошку опускали в погреб вниз,
И попусту брехал соседский пес,
Белела паутинка у волос,
И кто-то поднимался от реки,
И нес со скользкой рыбою мешки...

И было близко-близко до порога,
И долго-долго до зимы и Бога.

* * *

Пока еще в сердце немного ушедшего лета,
Пока еще ветер и листья танцуют по кругу,
Пока еще осень в янтарные платья одета —
Мы ищем друг друга.

Сентябрь. Октябрь. Ноябрь. В его середине,
Когда от предчувствия снега становится зябко,
Нашедшие шарф и перчатки в прихожей в корзине —
Надеемся робко.

Мы ходим и ходим, и смотрим в случайные лица,
Касаясь ладонями и рукавами в вагонах,
Мы жмемся друг к другу, как серые тихие птицы —
И ждем на перронах.

Пока еще где-то зима запоздала немного,
Пока еще снег не засыпал дома и тропинки,
Пожалуйста, не будем друг к другу придирчиво-строги,
Отыщем свои половинки.

А дальше пусть будут холодные снежные вьюги,
А мы завернемся в пушистые теплые пледы,
И чашками чая, согревши замерзшие руки,
Начнем друг о друге беседы.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА. КАРТИНА М.БРУСИЛОВСКОГО «ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ БРИГАДЫ КУЗНЕЦОВ УЗТМ»

(Окончание. Начало на стр 1).

СУДЬБА КАРТИНЫ «ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ БРИГАДЫ КУЗНЕЦОВ УЗТМ»

Наше знакомство с картиной «Бригада кузнецов УЗТМ» произошло в Музее Уралмашзавода. Когда мы вошли в зал, где на полу в большом количестве стояли картины, то увидели прислоненный к колоннам портрет бригады Кордукова. Состояние картины производило удручающее впечатление. Полотно было повреждено, в нескольких местах зияли дыры разных размеров, кое-где осыпался красочный слой, имелись инородные пятна и подтеки (возможно известковые), на краях картины были остатки въевшейся грязи.

По сей день частично реставрированный портрет бригады Кордукова находится в музее истории Уралмаша. Научный сотрудник музея Сергей Степанович Агеев рассказал нам о судьбе полотна: «Картину я обнаружил в декабре 2011 года, когда был назначен директором музея и принимал дела у своего предшественника. На мой вопрос: «А что в этой кладовке?», коллега ответил: «Да, всякая малоценка!» Можете представить, как я был поражен, когда увидел знакомую по книгам картину Миши Брусиловского». Картина долгое время висела на лестничной площадке второго этажа здания, которое с 30-х по 50-е годы принадлежало НКВД, в нем располагался штаб полка охраны УЗТМ. После ухода штаба полка здание перешло в ведение завода, поэтому в конце 70-х туда и повесили портрет бригады Кордукова, видимо, с целью украсить интерьер.

Когда пришла пора приватизации, оказалось, что земля, на которой стояло здание, не была оформлена должным образом, и здание у завода забрали, а все имущество вывезли. Картина Брусиловского вместе с другими картинами, не представляющими художественной ценности, была складирована в одну из подсобок, где хранились никому не нужные старые планшеты, двери, доски.

В отделе кадров Уралмашзавода удалось установить, что бригада Кордукова в 70-е годы была знаменита, на заводе их знали все. Александр Иосифович Кордуков работал на УЗТМ до 2012 года, в последнее время – наставником молодежи. Там же, в отделе кадров Уралмашзавода нам дали адрес и номер телефона знаменитого бригадира. На следующий день мы уже были у него в гостях.

На вопрос, как состоялось первое знакомство с Мишей Шаевичем? – Александр Иосифович ответил: «Поначалу я думал, что ко мне в бригаду пришел новенький. Брусиловский стоял в старенькой кепочке и клетчатой рубашке. Я и спрашиваю у него: «Устраиваться на работу пришли?», на что он мне ответил: «Нет, я художник, там, около проходной, стоит автобус, берите бригаду – поехали со мной». У Брусиловского в мастерской мы позировали несколько раз в парадных костюмах, а фон картины он рисовал в цехе с натуры».

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАРТИНЫ «ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ БРИГАДЫ КУЗНЕЦОВ УЗТМ»

По определению искусствоведа Е.П.Алексеева, «Групповой портрет бригады кузнецов УЗТМ» кисти М.Брусиловского является показательным для портретного жанра 1970-х годов, в картине отсутствует трагизм и суровая романтика шестидесятых. Художник изображает своих героев не во время трудовых свершений, как это было принято в 1950–60-х годах, а в выходных костюмах и белых рубашках.

По словам бригадира Кордукова, Миша Шаевич первоначально задумывал изобразить кузнецов в процессе труда, так поступил его друг и художник Геннадий Мосин, изображая одновременно с Брусиловским бригаду формовщиков цеха уникального литья стали Уралмашзавода. Но выслушав желание Александра Иосифовича и его бригады, видеть себя на портрете не в рабочей одежде, которая им изрядно надоела, а нарядными, – согласился с ними.

Члены бригады позируют словно бы перед фотообъективом на фоне эффектных механизмов. Брусиловский осознанно подчеркивает в групповом портрете театральность фона и простоту поз, уделяя особое внимание лицам героев, в которых, несмотря на яркую индивидуальность, присутствуют и общие черты, именно через них становится ясно – перед нами люди, осознающие себя единым организмом и единой трудовой семьей.

В портрете кузнецов, как и во всем творчестве Миши Брусиловского, видна особенность живописного мышления художника – театральность и зрелищность композиций. На своем холсте мастер стремился сохранить свежесть восприятия впечатлившей его натуры.

Неоспорим тот факт, что творчество М.Брусиловского уже дав-

СУДЬБА ИЗОБРАЖЕННЫХ НА ПОРТРЕТЕ РАБОЧИХ

В ходе исследования нас заинтересовала судьба изображенных на портрете рабочих, членов бригады Александра Кордукова.

Первым слева стоит Борис Алексеевич Шулепов – старший подручный бригадира. Борис Шулепов, по словам Кордукова, очень толковый парень, он набрался опыта и сам возглавил бригаду на этом же прессе, проработав на заводе до ухода на пенсию.

Борис Шулепов.

Эти и последующие фото из архива Е.Ройзмана.

Константин Ле.

Алексей Москвин.

Между Кордуковым и Шулеповым стоит второй подручный Константин Ле, который до 2015 года работал машинистом манипулятора на заводе УЗТМ. У Константина Ле есть сын и дочь, внуки и правнуки. Живет на Уралмаше, занимается маленькими правнуками.

Владимир Ерер.

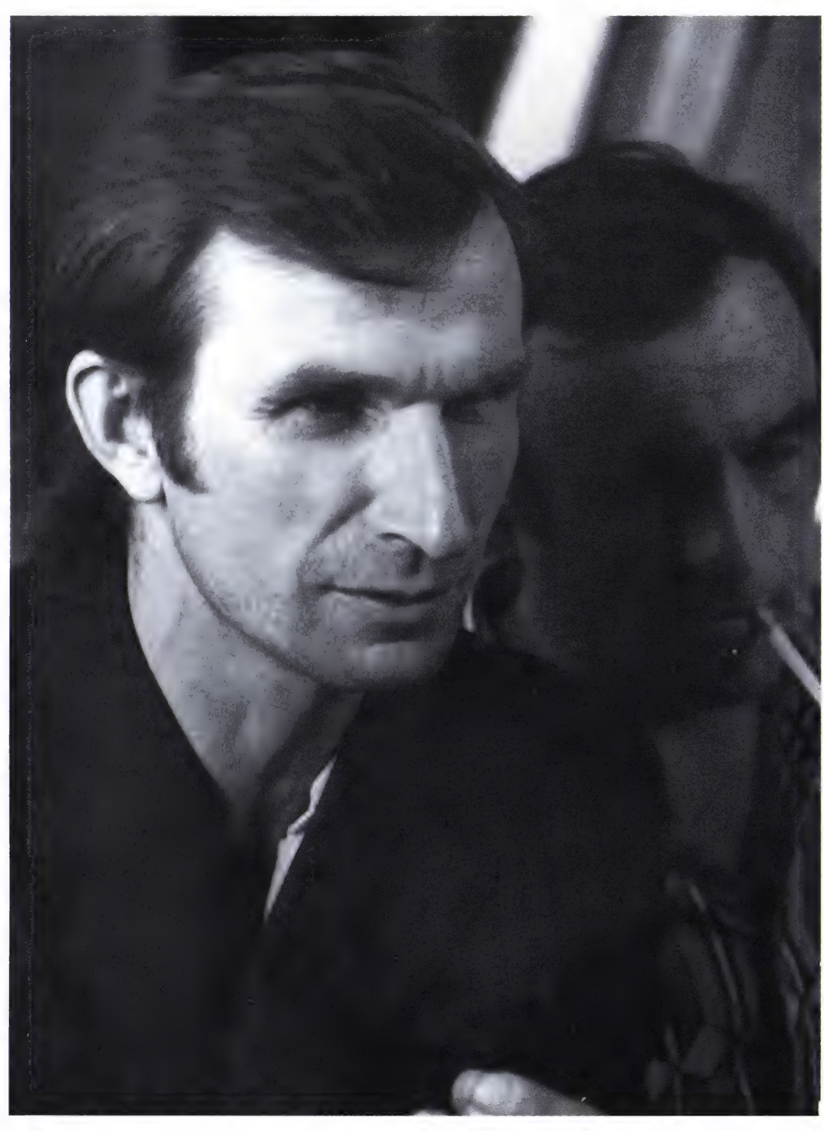

Владимир Ванчинов.

Вторую группу возглавляет машинист пресса, красавец-культурист и добряк Алексей Степанович Москвин. Таким его Миша Шаевич и представил на картине. Художник очень верно ухватил открытость характера этого человека. К сожалению, его судьба печальна, в сорок четыре года Алексей Москвин трагически ушел из жизни. На переднем плане группы представлен еще один подручный бригадира лыжник и рыбак Владимир Ванчинов. Изображенный на портрете Ванчинов создает впечатление очень подвижного и энергичного человека, и мы поинтересовались у Александра Иосифовича, так ли это? На что Кордуков ответил: «Да, он точно «живчик», а Миша Шаевич – молодец, смог это уловить!» Владимир Ерер – подручный четвертого разряда, стоит крайним с правой стороны группы, работал на заводе до выхода на пенсию.

Берсенёв Иван, которого художник изобразил за фигурой Ванчинова, был замкнутым и необщительным парнем, у Кордукова проработал недолго, перевелся в бригаду ремонтников.

Подчеркивая значимость бригадира, художник выдвигает высокую и худощавую фигуру Александра Кордукова на полшага вперед бригады. Его парадный голубой костюм, поза и выразительные черты лица притягивают к себе внимание зрителей, в улыбке и мимике бригадира угадывается не только скромность (порой даже застенчивость), но и его ироничность. Таким он и запомнился уралмашевцам: приветливый и веселый, бессменный «Дед Мороз» кузнечного цеха. Александр Иосифович умер весной 2013 года от воспаления легких.

Александр Кордуков.

летние дни солнце заливает все помещение, а это вредит сохранности живописного полотна. Картина М.Брусиловского «Групповой портрет бригады кузнецов УЗТМ» является ярким образцом портретной живописи 70-х годов XX века, а ее сохранение и восстановление – показатель нашего отношения к истории и культуре.

Здание штаба полка охраны УЗТМ.

но стало неотъемлемой частью культурного наследия нашего народа, оно самобытно и неповторимо, а «Групповой портрет бригады кузнецов УЗТМ» является ярким образцом портретной живописи 70-х лет XX века.

Участникам проекта на этапе сбора информации об объекте исследования особенно запомнились встречи и общение с интересными людьми: художником М.Ш.Брусиловским, бригадиром кузнецов УЗТМ А.И.Кордуковым, научным сотрудником музея Уралмашзавода С.С.Агеевым.

Наш проект будет продолжаться. В 2018 году совместно с Екатеринбургской академией современного искусства был создан видеофильма «История одного портрета», а 19 мая 2018 года на площадке ЕАСИ центром проекта «Ночи музеев» – выставка одной картины. Знаменитое полотно М.Брусиловского «Бригада» временно перевезли из музея Уралмашзавода на бульвар Культуры, 3. Выставка сопровождалась историческим экскурсом к истокам ее создания, фото и видео материалами, связанными с героями картины и ее создателем.

В настоящее время даже при визуальном знакомстве с картиной становится очевидным, что полотну требуется профессиональная реставрация, необходимо закрепление красочного слоя картины. Несмотря на то, что была проведена частичная реставрация, и картина сейчас находится в сухом и безопасном месте, благоприятными условиями это не назовешь. В зале музея окна расположены с двух сторон: с юга и севера, в

Литература:

1. Академик кузнечных наук, «За тяжелое машиностроение», 2009, 9–23 сентября, стр. 6.
2. Булавин В.С., Ионин Д.М., Павловский Б.В. Художники и Уралмаш, 1983, 160 стр., ил.
3. Геннадий Мосин. Живопись. Графика. М., 1995, 312 стр., ил.
4. Мир художника – Миша Брусиловский, М., 2002, 498 стр.
5. Образ Урала в изобразительном искусстве [сост. Е.П.Алексеев]. – Екатеринбург, 2008. – 372 стр. с ил.
6. Союз художников. Свердловск – Екатеринбург. 1932–2013, Екатеринбург, 2011, 375 стр.
7. Ягодовская А.Т. Автор и герой в картинах советских художников, М., 1987.
8. http://germanmetelyov.com/index.php/doc/73-road-full

Бригада УЗТМ и М.Брусиловский в мастерской художника.
Фото из архива А.Кордукова.

«ПОКУДА ПАДАЛ, ГЛЯДЕЛ НА НЕБО...»

Александр ЛОБАНОВ

Родился в городе Кишиневе. Стихи начал писать еще в школе, но постоянно стал этим заниматься, создав со своим другом группу «Кристобаль Хунта». До сих пор являюсь соавтором творчества группы и бас-гитаристом. Участвую в съемках авторского кино. Живу в Москве.

ПУСТЫНЯ

Не твоего я полета птица.
Да и не птица я вовсе. Как мне
С тобой у пропасти распроститься?
Ты — вольным ветром. Я — гулким камнем.

Но не разбился. Лишь обтесался.
Покуда падал, глядел на небо,
Где прошлой жизни танцуют сальсу
Телец и Овен, Стрелец и Дева.

С попутным чудом к другому краю
Поднялся, вечность спустив вчистую.
Но то, что раньше казалось раем,
Теперь — пустыня. Теперь — пустует.

ОТКРОЙ

Мертвый, потому что одинокий,
Одинокий, потому что Бог
В моих мыслях омывает ноги
Перед самой трудной из дорог.
Через дебри слов и их значений,
Сквозь удушливых сомнений смог
Ищет к сердцу путь, пока ничейный,
Беспризорный, одинокий Бог.
То ли сердца стук, а то ли кто-то
Просится снаружи на постой.
И рукой израненной в ворота
Все стучит: Открой. Открой. Открой.

ПРИШЕЛ КО МНЕ НОЧЬЮ ДРУГ

Пришел ко мне ночью друг.
Объясняет, мол, есть вопросы.
Вот так, понимаешь, вдруг.
«Ну, садись, — говорю, — напротив.
Вопросы какого рода?
Под водку или коньяк?»
Говорит: «Философской породы.
Под чаек лучше. В смысле — так».
Ну, закурили. Сидим
Какое-то время молча.
Каждый своей сродни
Тишине. Только тихо очень
Крадутся часы и чайник
Лопочет под нос себе
Что-то важное крайне
О жизни и о судьбе.
А за окном — космос.
И снова — открытый нам.
И, в общем, на все вопросы
Ответы в пределах окна.
Мы до утра шумели
О глупостях и пустяках.
Грустили, смеялись всем телом,
Боролись взахлеб на руках.
Напились, конечно, тоже,
Но не ожидая на дне
Увидеть ответы. Ведь может,
Ответов и вовсе нет.

МНЕ И «ПОСЛЕ» ПОКОЯ НЕ БУДЕТ

Врачи,
        заморозьте мне сердце.
Покройте его ледяной коркой.
Нет,
        я умереть не усердствую.
Что от того проку?!
Мне и «после» покоя не будет.
Начисто
        заменен любовью оный.
Впрочем,
        и айсберг самый стотонный
                мою любовь к тебе не остудит.

ВСЕГО ЛИШЬ ПЕСНЯ

Я не хочу казаться больше, чем я есть.
Мне от себя немногое осталось.
И эта восхитительная малость
                                почти не весит.
Не больше вести
        о том, что «мы из стали,
                и что старей не стали» —
                                всего лишь песня.

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА

Повозила меня жизнь, было,
По дорогам. Чаще — мордой.
Чтобы пыл мой не остыл, силой
Наполняла каждый орган.

Я ругал ее, клеймил сукой,
Отрекался. Все напрасно.
А вчера (случайно) взял руку...
Так банально... Жизнь прекрасна.

ЗДЕСЬ БЫЛ ВАСЯ

Мне казалось, кричу в голос.
Был уверен: глаза — книга.
То ли голос мой тоньше волоса,
То ли в книге — одна лишь фига.

Точно знал, есть и мне место.
Лично был на краю счастья.
Только холодно здесь и тесно.
До свидания, здесь был Вася.

Не вини ты меня в фальши.
Я любил и любить буду.
Только, вот, не тебя. Дальше:
Небо, кошек, весну, Будду.

Может статься, мои грезы
Где-то в сердце чужом плачут.
Курят нервно, не спят поздно.
Ждут кого-то. Меня, не иначе.

АРОМАТ СИРЕНИ

Абсолютную тишину нарушил аромат сирени.
Я услышал его еще до того, как ты появилась —
Сначала в чувствах, а затем и в поле моего зрения.
Будь как дома, сделай милость.

Радость паутинкой трещин по стеклу лобовому
Моего обычного восприятия реальности,
Заляпанной буднями, но еще не принятой таковою
По истечению срока давности.

Осколки, такие нелепые, ненастоящие у моих ног.
Свет, такой яркий и нежный, твоих глаз ясных.
От этого выстрела, захотел бы, увернуться б не смог.
Грош моему одиночеству — цена красная.

МОЯ НАДЕЖДА

Моя надежда болеет вместе со мною,
Ходит понурая, поет в си-миноре грустные песни.
Гоню на кухню, шумит посудой за стеною.
А под утро холодная под одеяло ко мне лезет.

По ту сторону сна отдыхаем друг от дружки.
Не по своей воле. Так уж сложилось веками.
Наверное, чтобы с утра снова ее песни слушать.
Но уже в ля-мажоре и искать солнце за облаками.

РАЗГОВОР С СУДЬБОЙ

Стихов, желаешь, прочту тебе правдой беременных?
Чтоб до мозга костей тебя стыд за меня ошпарил.
Потому что вилять и юлить более нет времени.
И таскать — нет свободной тары.

А хочешь, песен спою тебе нежных и ласковых?
Аж рвало чтоб тебя слезами мне на рубаху.
Чтобы с кожей содрал с себя ее я, долю потасканную.
И остался совсем распахнут.

А давай, я тебе танец свой лучший станцую. Последний.
Мужской. Одиночный. Безо всякой меры развратный.
Не стыдно. Ведь я со смертью уже «на ты» беседую.
И заказан мне путь обратно.

А ты, судьба, смотрю, до розыгрышей смелая.
Не проймешь тебя ночью темной жуткими сказками.
Ни во́лос, ни зуб не обронила, не обделалась.
Ну! Поживем еще, моя ласковая.

КАК ВСЕГДА

Лучше б я и не встречал тебя, смысл, вовсе.
Тут же позабыл и снова до боли нужен.
Что не день, меня мысли, как траву, косят.
Отрасту за ночь, и уж к стенке просят,
Да и ... изо всех ружей.

Это я ведь не своей смертью жив-то.
А мою-то тоже одинокую где-то гложет.
Не по мне еще, видно, этой жизни сито.
Все барахтаюсь в нем. А для чего же?
Да, как всегда — для чего-то...

ТВОИХ ГЛАЗ

Твоих глаз синева неба;
Я в плену у этой свободы.
Твое имя — мое кредо.
Мое сердце из мягкой породы.

Эта клетка небес шире.
Я не помню, откуда родом.
Словно странник в затерянном мире.
Тот, свой мир бы за этот прóдал.

Твоих глаз глубина бездны;
Погружаюсь безвольным камнем.
Мне спасаться не интересно.
Научиться бы здесь дышать мне.

Эта страсть — долговая яма.
В неоплатном перед судьбою.
Мне бы жизней побольше, я бы
Растранжирил за миг с тобою.

ИСТИНЫ ЭТИ ПРОСТЫЕ

Алексей СИТНИКОВ

Живет в Туринске.

Строфы Алексея Ситникова из «декабристского» городка Туринска просто интересно читать! Поэту, живущему жизнью, наполненной страстями, суетами и горестями нашего времени, есть что исповедать читателю, обнародовать, часто — опрометчиво, самое свое сокровенное, иногда ценой хождения по тонкому лезвию целесообразности. Поэт свободно живет в ойкумене силлабо-тонического стихосложения, владеет многими формами поэтического языка, хоть иногда и не без труда ворочается в рамках конкретно выбранного ритмического строя стиха. Он чувствует глубину, этимологическую многозначность слова, в котором перемена даже одной буковки может повести мысль читателя «в иную даль», но поэт бесшабашно балансирует на грани расширения и размывания смысла текста.

Эта первая журнальная публикация автора, переступающего порог поэтической зрелости, когда многое найдено, осмыслено, опробовано, а, значит, главное, неизведанное — еще впереди.

Валерий Ермолаев

ПРО ДЕДА СЕРГЕЯ

Мне сегодня — ничего не надо.
И сегодня просто я один...
Время: деда помянуть — солдата,
не сумевшего прийти с войны.

Обещал родне: «Вернусь до срока!»
Ну а сроков вышло — бесконечность...
Протрещали по весне сороки:
и в безвестности он — канул в вечность!

Как узнать, в которой из воронок,
где лежит — в чужой земле иль в нашей?..
Не досталось даже похоронки,
лишь бумажка: «Без вести пропавший».

Пожелтелый лист... как лист березки —
той, которую у дома холил...
Не у ней ли выпросил сережки,
что на память мне — от бабы Оли?..

Как она жила и как растила
семь детей почти «врага народа»,
видел только он, помочь не в силах —
с пожелтелой фотки над комодом.

Господи! Не помню: верю, нет ли?..
Только в храм идут и внука внуки,
милостыньку чтобы — в три конфеты —
всем убогим дать за деда в руки —
как меня учила баба Оля,
и за что меня ругали в школе...

***

Пусто. Холодно. Противно.
Всё решают за меня.
Из сегодня мне не видно
утро завтрашнего дня.

Времена скупых и нищих,
проституток и воров.
Кораблю с пробитым днищем
нет счастливых берегов.

Берег мой обетованный
позабывшейся страны!
Где ты, юноша упрямый,
с тихой Вятской стороны?

Кем ты стал? Какие беды
изметелили лицо?
В жизни кем ты только не был!
Только не был подлецом.

Стал ты скучен и застенчив.
Есть на это сто причин.
Время недуг твой не лечит —
недуг твой неизлечим.

Стал ты сам себе противен,
сер, как прожитые дни.
И под злым осенним ливнем
в никуда устал идти.

Ты мечтаешь о покое?
Сядь! Давай поговорим.
Я с тобой. И ты со мною —
с неухожено-седым.

Где дорога та, не знаю,
чтобы встретиться с тобой —
там, где мама молодая
и отец еще живой.

Пусто! Некуда мне деться,
все давно предрешено.
И в заоблачное детство
занавешено окно.

К сожаленью, во вчерашний
день уже не заглянуть:
что — не помню — было раньше,
в чем — не понял — жизни суть.

Мне уже не быть упрямым.
Утром завтрашнего дня
незнакомка-несмеяна
не добудится меня.

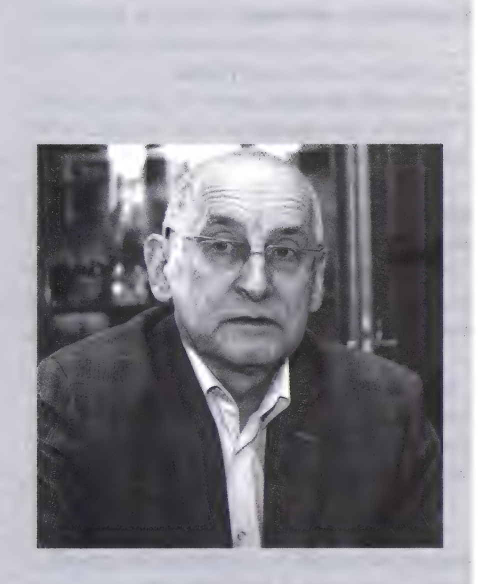
***

Прости, что было все не так,
как нам хотелось.
Не превращается в пустяк
тугая смелость.

Беду таили до утра, пока любили...
Невозвратимая пора высоких стилей.

❑

«РАССТАЮСЬ НАВСЕГДА И ВСТРЕЧАЮСЬ НАВЕКИ...»

Александр МОСУНОВ

Живет в Первоуральске.

Размышляя о творчестве Александра Мосунова, следует отметить не только образность, музыкальность, искусное сочетание лирического и сюжетного начал, но и характерные контрасты, обаятельную парадоксальность и свободу философского высказывания.

Стихотворения Александра Мосунова отличаются особой ненавязчивой и искренней интонацией, в которой четко прослеживается призыв к сохранению и преумножению добра в мире. Этот призыв лишен назидательности, морализаторства, давления на читателя. Поэтический голос автора – не громкий спич, а доверительный разговор. Главное для него – внимание к простым людям, удивительная способность к состраданию, акцент на подлинных ценностях. Вдумчивый читатель обнаружит в произведениях Александра Мосунова размышления о вере и неверии, о единстве природы и человека, о том, как важно ценить простые повседневные радости, из которых складывается наша жизнь.

В целом поэтика Александра Мосунова отличается эмоциональной сдержанностью. Здесь не найти ни эпатажа, ни броских лозунгов, зато есть сердечность и вдумчивость. Несколько точных художественных штрихов – и перед нами и событие, и пейзаж, и внутреннее состояние героя.

Говоря об особенностях метафор Александра Мосунова, стоит отметить, что он использует их умеренно, но метко. В стихах автора читатель не найдет вычурности – образы встроены в пространство стихотворения так, словно являются его органичной частью.

Метафоры и сравнения Мосунова всегда уместны и потому гармоничны, предельно точно передают настроение и атмосферу произведения. Достаточно перечислить лишь некоторые из них: «черемухи сугроб душистый», «гостиничная тишь в цветочках голубых», «чопорность – фиговый лист», «чувство – вешняя вода», «букет надежд из первоцвета», «капризный март, как первенец в семье».

Поэт мастерски владеет приемами звукописи, благодаря чему его стихи очень музыкальны.

Сам поэт о своей манере письма говорит так: «Если можно в целом охарактеризовать свое творчество, то я скорее лирический поэт-публицист. Меня влекут простые понятия, простые люди, вещи и явления. Но именно за этой простотой кроется глубокий, часто потаенный смысл нашей жизни на этой грешной земле».

«Чайка крыльями махнула на людскую суету, к вечной мудрости свернула по Уральскому хребту», – пишет Александр Мосунов в стихотворении «Чайка».

Подлинной мудростью пронизана проза автора. Образная, притчевая, сказочная – это, безусловно, проза поэта.

Несмотря на то, что лирический герой Александра Мосунова открыто говорит о собственной невоцерковленности, для него храм – это место, где пересекаются два мира: материальный и духовный, между которыми автор не делает отличий, не ставит границ, сообщая, что «нету света того, свет один для небесной оси». Таким образом, противоположные понятия веры и неверия словно сходятся в одной точке, имя которой – душа.

Жизнь души в пространстве лирики Александра Мосунова занимает центральное место. Именно душа человека способна воспринять привычную и вместе с тем новую и непостижимую красоту этого мира.

Анастасия Ермакова, член Союза писателей России,
заместитель главного редактора «Литературной газеты»

АСТРЫ

Печален мой осенний сад –
Нагая старость...
На ветке фиговый листок –
Все, что осталось...

И даже серебро луны
Накрыть не может
Пугающую чернь копны
И чернь дорожек...

Но у ограды, как стрельцы,
Стоят две астры,
Как стихотворные столбцы,
Как две пилястры...

И стрелы их устремлены
В родное небо...
И сестры им вокруг луны
Мигают слепо...

ДРУГАЯ СУТЬ

Сегодня ни к чему нам жаркий спор,
Игривый взор и дрожь прикосновений,
Все то, чем жили мы до этих пор.
Другая суть оставшихся мгновений.

Я должен знать, что ты здесь просто есть,
Как тень в саду, как солнце по утру,
Как перекат, журчащий что ни весть,
Иначе я без этого умру.

Умру, не насладившись тишиной,
Молчаньем ярче всяких лишних слов,
Когда нам свой в ночи рассказ смешной
Камин рассказывать готов.

И суть простая в этом бытия:
Не страсть, горящая как свечи,
А то, что нам осталось от огня,
Любовью ляжет на родные плечи.

ИЮНЬ ШАГНУЛ ОСЕННЕЮ ПОХОДКОЙ

Июнь шагнул осеннею походкой
По улицам уральских городов.
Вы как хотите, я пойду за водкой
Вдоль насыпи под грохот поездов.

Один свои вагоны тянет к югу,
Другой к востоку, где встает рассвет,
А я из магазина — сразу к другу,
Мне с ним не скучно, он — искусствовед.

Он даже осень первого июня
Способен оправдать вполне на раз
Картинами из фильмов Хин Ю Суня
Строкой Фирдоуси из города Шираз...

И так тепло — нет осени, нет лета...
Есть водка, разговор и добрый друг.
И гулко за окном летят приветы
От поездов — тук-тук-тук-тук-тук...

КАКАЯ ТИШИНА

Какая тишина... Ночь скрыла все окрест —
И ближнюю избу, и дальний зимний лес...
Бесшумно снегопад перину разложил.
И ветер не гулял, снежинок не кружил...

Как звонко, как легко разнесся юный смех...
И выпала из рук моя цигарка... эх!
Под душем снежным в свете фонаря
Чист первый поцелуй, как жертва алтаря.

И в дом зайдя, усевшись у печурки,
Где в танце огненные двигались фигурки,
Вернул себе уют, покой и тишину...
Вот только не вернуть мне девушку одну.

МАЙСКИЙ КЛЕН

«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»
Крутится пластинка средь метели белой
от черемух майских, от цветов сирени.
От чего мне грустно в этот день весенний?

«Или что увидел? Или что услышал?..»
Праздник со слезою в каждом доме вышел...
Мамка в кухне варит. Батя снял свой китель,
Вспоминая что-то... Я средь них, как зритель.

«И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу...»
— Сядь, сынок, со мною, посиди немного.
Так уже бывало... Ничего не скажет.
Лишь обнимет крепко, а потом... запляшет,

Запоет с пластинкой: «...чтой-то стал не стойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки...»
Я гляжу на китель, на грудь — три дырки —
«За отвагу», Прагу... полинял от стирки.

«Там вон встретил вербу, там сосну приметил...»
— Пап, а третья дырка?
Снова не ответил...
Только улыбнулся и схватил гармошку:
— Мать, пойдем, помянем нашего Сережку,

Как он пел про друга, про луну, про сени,
Как читал красиво, прямо, как Есенин!
И бежали кнопки — черным на зеленом:
«Сам себе казался я таким же кленом...»

Налили по стопке:
— Не грусти, заскребыш,
Нам на старость — радость, маленький зазнобыш!
Выпили беззвучно, не задев стекла,
И из глаз обоих капелька стекла...

Затянули вместе про опавший клен.
Я сидел и плакал, будто в чем винен...
«И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку...»

Вертится пластинка... шаркает иголка...
— Эх, он жил красиво! Жалко, что не долго...

КУРОРТНЫЙ РОМАН

Посвящается В.У. и всем женщинам, прошедшим Великую Отечественную войну

I

«Ну, здравствуй! Как ты? С сердцем все в порядке?
Я прилетела только вот вчера.
И знаешь, странно, лишь сняла перчатки,
Вновь навалилась мрачная хандра.

Ты улетел, и море изменилось.
Вдруг поняла, что осень на дворе,
Мне холодно, и как бы я ни злилась,
Теплей не становилось в октябре...

Ни там, ни тут мне без тебя не мило...
Неужто девочка из прошлого очнулась?
А мне казалось, что ее убило,
Хоть в 45-м я домой вернулась...

Мне было 20, а душе под 40...
Ее лохмотья много лет сшивала,
Чтобы понять, что вновь мне кто-то дорог...
Я не жила, я просто выживала!

Теперь не так... хоть на душе не ясно,
Как над водой предутренний туман...
Люблю, люблю... и верю — не напрасно
На юмальском песке написан наш роман».

II
«...Ты все молчишь, а я молчать не в силах.
Приду из школы и с тобой читаю
Тетрадки детские, смешные, все в чернилах...
И о тебе, любимый мой, мечтаю.

Мой капитан, я знаю, ты в походе.
Мои слова к тебе не долетают...
Ну, как тогда, на взморье на восходе,
Кричу «Люблю!», а ветер все съедает...

Но ты вернешься и прочтешь все строчки...
Ответишь... Нет, примчишься на карете!
Найдешь зимой неяркие цветочки
Для той, что «самая красивая на свете»!

А если нет, я буду ждать, любимый,
В осенней Юрмале, на Меллужи, у дюн,
Там берег в это время нелюдимый...
И ты весь в белом, и как нимб — галун...»

III
...Вечерний ресторан на Меллужи сверкает,
Играют джаз, смеются и грустят...
Швейцар кому-то двери открывает.
Закуривают, смотрят на закат...

— Скажи, любезный, я не первый вечер
На берегу седую вижу даму,
С платком, накинутым на плечи,
Ей каждый встречный бьет поклон, как храму...

— Да, здесь ее почти что всякий знает.
Она не местная, но вот уж много лет
По осени на Взморье прилетает...
Понять такое — нужен Экзегет.

Я не шучу. Библейская картина...
Хотя с курортного романа все случилось,
Ну, как обычно, женщина — мужчина,
Любовь, которая не долго длилась...

Нет, жизнь любимого не долго длилась,
А вот любовь... Любовь ее жива,
Она судьбе слепой не покорилась,
И знаете, она сто раз права!

Она писала — ей не отвечали...
Она страдала, но любовь спасала...
Над Балтикой ей чайки лишь кричали...
О чем? Она их крик не понимала...

И так уж много лет, хотя все знали,
Что в тот же год скончался капитан,
Его на берег до того списали
Лечиться от былых военных ран...

...Вечерний ресторан на Меллужи сверкает,
Молчит швейцар и кто-то из гостей...
Любовь над дюнами балтийскими витает,
Она сильней войны и всех смертей...

МАРТ

Снега просели, потемнели —
Слетел пушистый белый лоск...
А ель блистает от капели,
И мягким стал еловый воск...

Лес говорит совсем иначе —
Не шум ветвей, а гомон птиц
Летит навстречу мне из чащи —
Трель соловья и свист синиц...

Еще проталины не звонки
От переката вешних вод,
Лишь паутина льдинок тонких
Здесь водит тихий хоровод...

У речки бабы в жаркой бане
От счастья мелют о пустом...
В вечернем розовом тумане
Садится солнце за мостом...

НАКАНУНЕ РОЖДЕСТВА

Торопится народ к рождественскому чуду,
К рождественской игре в уюте и тепле,
К родному очагу... И я там скоро буду.
Вагон летит вперед, купаясь в снежной мгле.

Лишь только сбавит ход на редком полустанке,
Откроется пейзаж родимой стороны...
Бегу домой в пимах и выцветшей ушанке,
Подаренной отцом, когда пришел с войны.

Мой вырвался вагон из снежного бурана...
И гривна серебром блистает в небесах,
И мерный стук колес, как бубен у шамана,
Что скоро дни мои разложит на весах...

Вновь не видать ни зги, испорчен телевизор
Вагонного окна, но память уж летит
По прожитым годам, как нотная реприза,
И выставляет счет, как строгий аудит.

Ну, что ж, уже зима беснуется за дверью...
Но я спешу назад вернуться в Рождество,
Не веря никому, а лишь тому поверью,
Что хоть на краткий миг возможно волшебство!

И даже если мне все это только мнится —
Рождественский вагон и детство без забот,
Ведь в прошлое никто не в силах возвратиться...
Я счастлив лишь тому, что кто-то где-то ждет.

ОСЕНЬ ЖИЗНИ

Уже не жарко. Солнце еле греет.
И птицы, вроде, есть, но не поют,
Кричат тоскливо, гнезд, увы, не вьют.
Душа светла... но от предчувствий млеет...
Что было? Что же завтра будет?
Нет смысла ни мечтать, ни вспоминать,
Не хочется все снова начинать...
Особенно, когда тебя не будет...
Последний перекат... волна стихает,
Мерцают тускло дальние огни,
И песня не звенит, как ни тяни,

Лишь гулким эхом над землей витает.
Смеркается. Палитру листьев скроет
Чернеющая времени река...
Уходишь? Ну, давай, пока...
И кто-то где-то жалобно завоет:
«Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу...»
Печально. Но я дальше понесу
Свои на солнце яркие седины...
Уходит время. Хоть за что держись,
Хоть за кого держись — пустое:
И расставанье, кажется, простое
Уносит нас уже на веки ввысь...

ПО ДОРОГЕ ИЗ КОЛОМНЫ В МИХАЙЛОВСКОЕ

Я не знаю молитв, не умею стоять пред иконой,
На бескрайнем погосте средь могил и крестов холодею,
Но в тиши старой церкви, что взметнула свой купол чуть выше
Вековечных дубов, мне покойно до жути... я млею.

Млею я от того, что не страшно заглянуть в мир,
который не видно...
Я не знаю его, ну и что же... он, поверьте, не может не быть...
Вот свидетельства два — две прекрасные юные девы
Под церковной стеной... Двадцать лет... им бы жить да и жить...

Потускнел, покосился, покрылся морщинами мрамор
Небольшого дольмена с потухшей свечой на ветру...
Здесь простая крестьянка покоится... как это странно,
Двести лет всяк печалится здесь, словно, встретил сестру...

Чуть вдали постамент и скульптурная нимфа с крылами,
Мастер в камне раскрыл тонкий образ прелестной княжны...
И она двести лет, белый крест ко груди прижимая,
Всех влечет и дарует надежду — вы все прощены...

Задушевная белая грация церкви Предтеча
И такие же сестры ее, разлетевшись по телу Руси,
Сотни лет нам неслышно твердят о единстве душевном —
Нету света того, свет один для небесной оси...

Те, кто был, те, кто есть... вместе с теми, кто будет —
Это я! Этот мир не делим... хоть у каждого разный итог.
На церковной стене в старом парке луч света ликует,
И на камне слова некролога превращаются в светлый пролог...

ПРО ЛЮБОВЬ

В полуночное небо смотрю неотрывно,
Провожая тебя... Ты уже среди звезд,
Что мерцают так сладко, так нежно, так дивно,
Как глаза твои в ночи блаженства от слез...

Твоя звездочка тает — все меньше и меньше,
Свет слабеет и вот уже гаснет вдали...
Расстаюсь с самой лучшей и милой из женщин,
Чтобы встретиться вновь мы когда-то смогли.

Расстаюсь навсегда и встречаюсь навеки...
Но Всевышний решил, что для нас это рай.
На мгновенье сомкнутся и губы, и веки —
«Здравствуй, милый...»... «Мой милый, прощай...»

Может, вовсе с тобой мы не любим друг друга,
Только лебеди парой по жизни парят...
Как сорваться с порочного вечного круга,
Как исправить печальный любовный обряд?

В полуночное небо смотрю неотрывно,
Провожая тебя... Ты вернешься ли вновь?
Мы не дети давно, но все также наивно
Верю в то, что на свете зовется — «любовь»!

ПРОСТЫЕ ЛЮДИ

«Народ! ...Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович! (Народ безмолвствует)».
А.С.Пушкина, «Борис Годунов»

1.
Сто лет назад я так же жил
В забытом Богом городишке,
Где нет домов, а есть домишки,
Где нет людей, а есть людишки,
Где за окном завод дымил...

Надев очки и выпив чаю,
Я также у окна сажусь
И над бумагами тружусь,
И так же я в душе горжусь,
Что жизнь людскую подмечаю...

Уютно в доме печь поет...
А за окном скрипит телега...
Стрельба... затишье... дробь побега...
Совсем уж не осталось снега,
И кровь с ручьями утечет...

Хозяйка сказывала мне,
Что господа давно сбежали,
В правленье новых насажали,
А те, чтоб их зауважали,
Наган надели на ремне:

«А как сегодня без нагана,
Коль не понятно, кто кого...
Как взяли Ваню моего,
И просто так его — того...
Потом нашли среди бурьяна»...

Да как же так? Пора подняться
И в этот грязный мир шагнуть,
И душу настежь распахнуть,
Не дать безумных обмануть,
Не дать над правдой надругаться...

А если я уж не вернусь?!
Нагана нет. Слова бессильны.
Мои порывы водевильны...
И все стремленья непосильны...
«Подайте чаю, спать ложусь...»

Сто лет прошло. Я вам солгал.
Я не был там. И потому,
Пусть видит Бог, я не пойму
Людей в ту роковую тьму,
Тех, кто стрелял и кто молчал...

Сидим по городам и весям.
Сто лет вперед уже прошло,
Но так до нас и не дошло,

Что то, что было, перешло
В иные формы мракобесья...

Соседка сказывала мне,
Старуху где-то выселяют,
У банка не впервой стреляют,
А девки голыми гуляют,
Прикрывшись мопсом на ремне...

И так же, как тогда, сейчас
Я просто что-то подмечаю,
Слагаю вирши, выпив чаю,
И каждый новый день встречаю
Средь миллионов тихих нас...

Да, тихих особей двуногих,
Простых людей. Но иногда
Мы, как и вешняя вода,
Несем сквозь мрак и холода,
Безумство храбрых для убогих!

2.
Я уж сам не силен... И друзья как-то враз постарели.
И от этого мир сразу сделался нем и угрюм.
Хмурый город плывет кораблями из серых панелей,
И раскисшая муть заливает их трюм...

Да, длинней стали дни... ну, а ночи, конечно, короче.
Но зима не сдалась, наплевав на людской календарь.
И к утру ее лед, как и прежде, надежно сколочен
Из того, что вчера юный март положил на алтарь

Обновленья, надежд, светлых мыслей и истинной веры...
Веры в то, что еще не окончен наш жизненный путь,
Что еще не тупик, и не сели на рифы галеры,
На которых пучину страстей обойти каждый хочет дерзнуть.

Вот такие дела... Как причудлива наша природа!
И проста — день и ночь, день и ночь, день и ночь...
Неизбежность страшит вдалеке от простого народа,
На миру мы готовы порою себя превозмочь.

3.
Когда ты у порога... а может, у черты...
Ну, в общем, этого всего уже не будет...
О чем в последний миг желаешь ты
Сказать? Кто это не забудет?

Прости, люблю, хочу... Шепчите...
Сгодится все.... Набор совсем не нов.
Насколько хватит сил — не уходите...
А если просто: «Это вам за пацанов!»?

Жил тихий человек. Семья, друзья, квартира,
Полеты каждый день во сне и наяву...
Его последний крик запомнят люди мира
На языке любом и даже оджибву!

Такой же вот пацан, один в чужом окопе,
Напомнил, что душа, все сущее любя,
Несет Пальмире свет, как принесла Европе,
Огонь своих друзей взывая на себя...

«На то она война, — я слышу от соседа.
Я там бы тоже... может быть... как те...»
На кухне мирно движется беседа
Под рюмочку Martell в вечерней темноте...

Не спорю с ним. Пустое — этот спор.
Никто не учит убивать себя.
Желанье жить — ну в чем же тут позор?!
Родным не сиротеть и не чернеть, скорбя...

И так весь мир живет, не ведая иного.
Ну плен — так плен, ведь главное — живой!
Всем хорошо... пока Россию снова
Над всеми вознесет очередной герой!

Очередной герой... в шинели иль пальтишке
(Я вовсе не черню любой другой народ)
Живет в забытом Богом городишке,
Где за окном дымит по-прежнему завод.

ПЬЯНЫЙ ДВОРНИК-ЯНВАРЬ

Уж как мы ждем январь
В надежде обновленья
Всего и вся,
Рождественских чудес!
Рвем тощий календарь,
Остаток вдохновенья
Собрав в кулак,
Желая лучших пьес!

Но вот уже январь
Укрыл за поворотом
Смех Коляды,
И смолк Татьянин день...
А новый календарь
Играет не по нотам,
И путает лады...
И время, как шагрень.

Наверно, слишком мне
Желаний захотелось,
Но все не то...
И вышло все не так...
Хотел бежать к весне,
А в голове вертелось
Про новое пальто,
И первый в жизни фрак...

Срывает календарь,
Листы моих желаний...
И вместо «да»
На трепетных губах
Бессовестный январь
Как дворник вечно пьяный
Оставил горы льда
В обманутых сердцах.

РОЖДЕСТВО

Я не знаю, как звезды вещают...
Загораются... падают... тают...
В этом городе, полном неона,
Небо плоское серого тона.
Пастухом мне не быть априори,
Не узнать, как рождаются зори...
Что-то важное там происходит?
Ничего, это тоже проходит...
И мелькают чужие мне лица...
Месит стылую кашу столица...
И не вырваться с этого круга,
Не отпустят друзья и подруга...

Поворот, поворот — скоро клуб,
Но слетает с твоих ярких губ:
— Посмотри, посмотри — купола!
Слышишь, колокол там — ла-ла-ла!
Как же все озаряет окрест
В сером небе сверкающий крест!
Милый, это зовут божеством?
— Я люблю тебя! С Рождеством!

СВИРИСТЕЛИ

Поутру всех подняв из постели,
Под окном свиристели запели.
Они мерзлой рябины поели
Охмелели они, осмелели...

Свиристели к зиме прилетели
Из таежных лесов, где успели
Нагуляться до лютой метели,
И теперь в города захотели...

Воробьи от родни одурели —
Всю рябину склюют свиристели,
Всю калину склюют свиристели —
И нахохлились, и онемели...

Стаи детских свистулек летели:
«Сви-ри, сви-ри...» О чем вы пропели?
Словно сани о снег заскрипели
О зиме до весенней капели...

ХОЛОДА

Холода... И бегут паровозы,
Нос закутав в шарфы или варежкой нежно зажав,
Только пар изо рта, и ресницы-занозы
В белом инее... трудно дышать... холода, как удав.
Холода... день никак не наступит...
Так и сгинет в морозной тиши, горизонт осветив.
Паровоз одинокий застыл на уступе
Между мной и тобой... Этот холод ужасно тосклив.
Холода... пробираются в вены и души...
Поезд тронулся вновь, не дождавшись чужого тепла.
Только в шапку запрятал поглубже он уши...
Холода... Я прочел это все на узорах стекла.

ЧЕРЕМУХИ СУГРОБ ДУШИСТЫЙ

Черемухи сугроб душистый
Запорошил окрест поляну,
Дохнул прохладой... Воздух чистый
Пусть наших душ омоет рану.

Лазурь небесная волнует
И вновь надеждою играет,
Что наконец-то нам дарует
То, что в любви так не хватает.

Сойдет лазурь на наши души
Всем, что несет в себе открыто —
Здесь правда и великодушие,
И верность ложью не убита...

Дурман черемухи витает,
Лазурь с небес слепит нам очи...
День вслед за солнцем убывает...
И только страсть... И только ночи...

ШАХЕРЕЗАДА

И в день рожденья может статься с нами,
Что рядом нет ни близких, ни родных...
Гостиничная тишь в цветочках голубых,
Очерченная четырьмя стенами,
Взывает не к веселью, а к покою...
Но горничной на это наплевать,
Она стучится, чтобы здесь прибрать.
— Мадам, оставьте, я вам не открою...
А впрочем... Вы откуда, как вас звать?
Шахерезада... Вы не снитесь мне
На пару с Эйфелем в гостиничном окне?
Причуд судеб нам не дано понять...
И я ей рассказал про день рожденья...
Она молчала, опустив глаза,
А подняла — в них ужас и гроза,
И боль, и страх, и трепет отчужденья...
Она уже пять лет рождается одна
Вдали от мест любимых и родных
И даже там, и даже средь больных
Живой души не ведает она.
Там в день один сгорело все кругом —
И дом, и сын, и дерево, и папа...
Остался только жуткий жженый запах
И ей с тех пор не ясно, как врагом
Стал бывший друг, сосед, семьи приятель...
Пришли толпой и начали крушить...
— Мы никому здесь не мешали жить...
И слушал, сожалел, что не писатель,
Чтоб эту боль до мира донести...
Зажглись за окнами парижские огни...
Как хорошо, что где-то есть они —
Любимые мои! О, Бог, не допусти
Нам пережить судьбу Шахерезады!
Не сказки это, с этим не уснуть...
И хоть мне завтра вновь в далекий путь
Я счастлив, что есть край, где все мне рады!

НАКАНУНЕ ДНЯ СКОРБИ

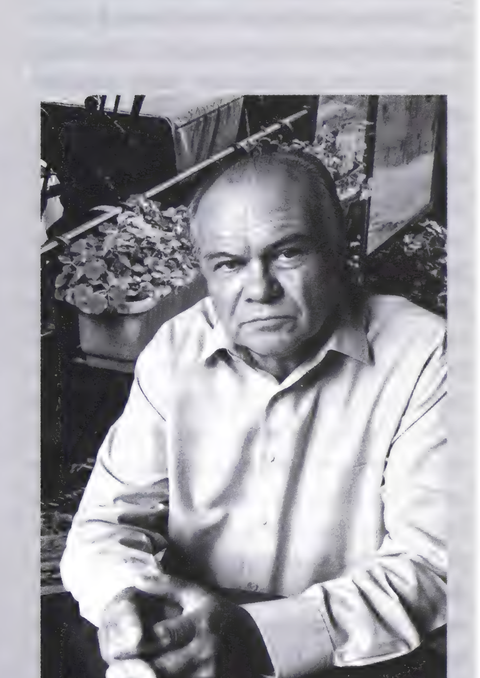
Я встретил Весть... Она была ужасна.
Я был не первым, с кем она столкнулась...
Не каждый, встретив Весть, крестился,
Ее пытались в клочья разорвать.
И рвали... но она все так же
Летела, белый свет пугая.
И в страхе люди, осознав бессилье
Пред Вестью этой, стали прозревать...

...Мы ничего не можем переделать,
Не можем встретить тех, кого уж нет,
И главное — мы это понимаем
И не рискнем менять себя и мир...
Вот эта Весть... вчера была другая,
Такая же ужасная, и что?
И завтра, это неизбежно,
Прибудет вновь вестей на черный пир...

Я встретил Весть... Она была ужасна,
Изжованная тысячью агентств,
Оплаканная чистыми сердцами,
От прочих получив колпак шута...
...За день «стена» увешана свечами,
Кто спорит, кто клянет начальство...
А в остальном все так же, как всегда,
Детишки, котики, а дальше — пустота...

ГРАНИЦА
С УРАЛЬСКИМ ХАРАКТЕРОМ

«За страну я в ответе был лично
и за лучшее в жизни что есть,
я в Дальневосточном служил пограничном,
ну а это – высокая честь».

Станислав СОЛОМАХИН

Подполковник в отставке. Кавалер ордена Мужества. Ветеран боевых действий первой чеченской кампании. Живет в Екатеринбурге.

В семидесятые годы прошлого века, (как звучит – «прошлого века»), а ведь это годы моей безмятежной юности, годы формирования и становления личности как таковой. Бьющий через край своей радикальностью мышления и напускным поведением, сидящий почти в каждом из нас, юношеский максимализм, делил все только на черное и белое. Как болезнь переходного периода в иное уже взрослое бытие (состояние), он преодолевался большинством вкупе с окружающей тебя жизнью, формируя объективное и всеобъемлющее восприятие реальности в условиях бескризисного и стабильного положения. Искренняя, еще детская вера в дружбу и неожиданное предательство, первая, возможно наивная, но светлая любовь и горькое разочарование, появились оттенки, полутона, требующие правильного психологического и духовного восприятия, осмысления, обдумывания и впитывания еще не окрепшей, но во всю развивающейся личностью. Да, это время молодых, где-то амбициозных людей, достойно преодолевших и переживших нелегкий период конца двадцатого века. И пусть говорят, что было время Брежневского застоя, но для нас молодых, не знающих взрослых проблем, это была прекрасная и замечательная пора юности. Нынешняя молодежь возможно и не поверит, но тогда не существовало такого понятия, как «откосить» от армии. В великой стране, победившей фашизм, казалось, была привита навечно любовь и уважение к Советской армии и служивым людям в погонах – офицерам и молодым солдатам, олицетворяющим твердость характера, смелость и мужество мужской половины населения страны. И действительно все считали солдата защитником Родины и относились к нему соответственно. Любовь к армии культивировалась царившей в тот период патриотической идеологией страны, затрагивающей все стороны воспитания молодого поколения, начиная с детского сада и первых, проводимых в классах школы встреч с ветеранами Великой Отечественной войны. Формирование героического положительного облика человека в форме в художественных произведениях и кинофильмах, было неотъемлемой частью воспитания героического и патриотического настроения молодежи того времени. Да, это не были столь эффектные и красочные фильмы, а были в большей степени черно белые, но до слез правдивые, выстраданные и созданные людьми, непосредственно участвующими в той страшной войне. Эти люди показали «изнанку» войны, ее героические моменты и тяжелейшие будни тысячь, чьи судьбы подверглись нелегким испытаниям и горьким изменениям помимо их воли. Я отношу себя к тому поколению, которое никогда не забудет подвига, совершенного народом нашей страны. И вот я, молодой, по сути, не видевший жизни «ребенок» (для своих родителей), воспитанный в «парниковых» условиях призываясь в армию, смело, и главное уверенно шагнул во взрослую жизнь, совершенно не задумываясь о своем будущем. Для себя я твердо знал, отслужу в армии, обязательно закончу институт и буду спокойно жить и работать в родном городе Свердловске. Существующая в стране стабильность запрограммировала наше будущее, как мне казалось на долгие, долгие годы.

Осенний, армейский призыв, как много он для меня значил, с него практически и началась настоящая, лично для меня насыщенная событиями жизнь, определившая путь, начерченный судьбой вопреки моим детским, а затем и юношеским мечтам и стремлениям.

На сборный пункт призывников в заводской Дом культуры города Свердловска я должен был явиться, как бы вам не показалось странным, с 7-го на 8-е ноября 1974 года к 4.00 часам утра. Сделать это, когда вся страна отдыхала после торжественного шествия в колонне на демонстрации и последующего традиционного праздничного стола в честь Великого Октября, как вы, наверное, уже поняли, было ну очень непросто. Однако, упуская подробности суматошных проводов, сопровождающихся веселыми плясками под гармошку и поцелуями со слезами прощания в момент расставания, к обеду 8 ноября я уже был в ста двадцати километрах от Свердловска, в областном призывном пункте Егоршино. В четырехэтажном здании (казарма) пункта томились в нервном ожидании своей участи такие же восемнадцатилетние бедолаги по «несчастью». После нескольких часов беззаботной дремоты в автобусе, везущем по безлюдной утренней дороге, где в окошко заглядывали красивые заснеженные сосны и ели, величаво и спокойно стоявшие на обочине в своем снежном убранстве. Чистейший белый снег, с нежным голубоватым отливом, расположившись замысловато, свисая на мощных зеленых хвойных лапах, тут и там ярко вспыхивал от первых, прорывавшихся лучей утреннего солнца, ослепляя и невольно заставляя прищуриваться не до конца проснувшиеся глаза. Пробуждаясь и радуясь новому наступающему дню, вся природа как бы подбадривала, стараясь поднять настроение, несколько подпорченное самими проводами. Свою команду я знал, и номер команды № 004 указывал на то, что служба, скорее всего, будет проходить за границей, на что друзья и товарищи с некоторой завистью говорили, как повезло, увижу «райскую» жизнь за рубежом. Я сам был этому рад, ведь когда еще придется побывать за границей, для нас это было тогда таким далеким и казалось таким не доступным. Однако очутившись в Егоршино, к моему глубочайшему разочарованию узнаю, что команда, к которой я приписан, буквально этой ночью отправилась к постоянному месту службы. Естественно, расстроенный и обескураженный, абсолютно уверенный, что такого быть не может, я на полном серьезе воспринял это как удар лично по мне, считая, что мир рухнул, закрыв дверь в будущее перед самым носом (ведь это была одна из первых, осознанная, но уже не сбывшаяся мечта). Стоя в разношерстой толпе новобранцев, с опаской глядящих на офицеров и сержантов, я не знал, что делать, морально конечно не был готов к такому повороту событий и чувствовал себя мелким, буквально раздавленным существом, котенком, выброшенным на улицу за ненадобностью. Подвешенное состояние, давящее атакующими мрачными мыслями своей ненужности и никчемности, а также подогреваемое разговорами, что призывники, оказавшиеся вне команд, – первые кандидаты в стройбат начало угрожающе овладевать сознанием. Радужность армейских перспектив постепенно стала стремиться к нулю. Но видно богом я все-таки не обижен? и удача, благосклонно повернувшись ко мне лицом, определила в конечном итоге судьбу обыкновенного мальчишки на всю оставшуюся жизнь, тесно связав ее с вопросами обеспечения государственной безопасности нашей страны, но мне тогда это было, конечно же, совершенно неведомо.

Где-то в кулуарах кабинетов, по личным документам, как я уже потом понял, моей персоной заинтересовался морской офицер-подводник с Балтийского флота. Вызвав из строя, он кратко объяснил, что через два дня с такими же, как я отобранными бойцами выезжает в часть, расположенную в Ленинградской области. Пережив волнительные минуты и немного успокоившись, я, счастливый от той мысли, что еще кому-то нужен и востребован, по-юношески переварив случившееся, совершенно не огорчился (когда-то в детстве даже мечтал служить моряком), а наоборот обрадовался, что увижу город Ленинград и Балтийское море, ведь я там не был.

Новобранцы, возможно, как и я, отставшие от своих команд с надеждой на «покупателей»? кто два дня, а кто и неделю ожидавшие своего вызова, размещались на последнем этаже казармы. Приняли меня здесь как родного. Сбившись в кучку, «свободные» призывники держались отдельно и вели себя более самостоятельно. Узнав, что я уже «куплен», признали, что мне повезло, и стали учить премудростям «армейской» жизни. Как старожилы, имеющие определенный опыт, они разъяснили, что, услышав свою фамилию по громкому оповещению, не надо торопиться бежать к радиорубке. Вызывая по радио конкретных призывников, формируют группы для проведения различных хозяйственных работ на призывном пункте, а так как команда тебе уже известна, то эти два дня можешь спать спокойно и не откликаться. Устраиваясь на деревянных, жестких и неудобных нарах, отполированных телами тысяч призывников, подложив под голову свой старенький рюкзак и кулачок в придачу, я, переживший за этот день столько неожиданных отрицательных эмоций и не готовый к таким кардинальным переменам, впервые почувствовал свое одиночество и реальный отрыв от родных и близких. Наяву все было в новинку, а в мыслях, как не крути, я все-таки находился дома. Так практически и не уснув, в каком-то забытьи прошла первая ночь солдатской службы вдали от родного дома на деревянных и совсем не домашних нарах.

На следующее утро, после непривычного подъема, зарядки и завтрака, вернувшись в казарму, неожиданно по громкому оповещению я все-таки слышу свою фамилию с предложением подойти к радиорубке. Памятуя наказ своих новых знакомых, к тому же получив от них общее одобрение,

я не откликнулся на обращение. Но мое имя и фамилия стали произноситься все чаще и чаще. Как говорят «зеленый», неопытный, я испугался, а вдруг офицеры посчитают, что сбежал, и будут искать меня дома, всполошат родителей, вынудив, таким образом, их волноваться. Решившись, я шел в штабной корпус как нашкодивший подросток, совершивший что-то противоправное с нехорошим внутренним предчувствием. У радиорубки меня уже ждал молодой офицер, которого я сразу же отметил по ярко зеленой фуражке. Что это знаковая черта и символ пограничника, я тогда не знал. Удостоверившись в моем наличии, он провел нравоучительную беседу и посадил заполнять какие-то анкеты. Пытаясь как-то неумело, по-юношески оправдаться, я автоматически заполнил все бумаги и только потом осмелился спросить, с какой целью я это сделал. Офицер, получив анкеты, совершенно по-доброму улыбнувшись, сказал, что сегодня ночью отправляется эшелон на Дальний Восток, и мне выпала большая честь проходить службу в пограничных войсках. Так резко и неожиданно решилась моя дальнейшая армейская судьба. О подлинной подоплеке данной рокировки в пограничные войска я узнаю только через год свой службы от того же офицера в зеленой фуражке. Такой быстро меняющейся и насыщенной событиями жизни у меня еще никогда не было. За два дня «армейской службы», не выходя с территории областного призывного пункта, я успел чисто психологически воспринять, обработать и подготовить себя к службе практически на всей территории нашей необъятной страны, начиная с Запада и заканчивая Дальним Востоком, даже за границей побывал.

В 1974 году между комсомольской организацией Свердловской области и Дальневосточным пограничным округом был заключен договор о шефской взаимопомощи, согласно которому область взяла на себя обязательства обеспечить личным составом Дальневосточный пограничный округ. Молодежь Урала решила заступить на вахту защиты рубежей нашей Родины, направляя своих представителей в пограничные войска. И вот, первый эшелон, сформированный из новобранцев со всей области, увозил нас на Дальний Восток далеко от родного города в незнакомые и неизвестные края. Где-то в этом же эшелоне ехал в свой отряд и на свою заставу мой двоюродный брат Юра Фролов. Да, вот так получилось, что ехали в одном поезде, а затем два года служили практически рядом и ничего об этом не знали. Юра проходил службу в Благовещенском пограничном отряде № 56 на заставе «Константиновская».

Молодой офицер, старший лейтенант Городинский Владимир Иванович, невысокого роста, энергичный, спортивный, подтянутый с запоминающимся украинским говорком представлял Сковородинский пограничный отряд № 55 в/ч 2487, где проходил службу в должности заместителя начальника политотдела по комсомольской работе, и одной из его задач, в частности, было обеспечение отряда художниками и музыкантами. У меня же в документах призывника было отмечено, что по профессии я художник-оформитель и к тому же окончил музыкальную школу по классу кларнет-саксафон (духовые инструменты), т.е. сама судьба, позаботившись, сократила срок моей военной службы с трех (Балтийский флот) до двух лет (Амурская граница). Тогда я этого не понимал и, если честно, даже было обидно, что меня как мячик перепинывают из одних войск в другие, но весь ход дальнейших событий показал, насколько мне повезло с моим первым и таким важным «покупателем». Благодаря настойчивости Городинского, его терпению и умению договариваться и находить общий язык с людьми я оказался там, где и должен был быть, где получил прекраснейшую пограничную школу, превратившую юного мальчишку в самостоятельного, окрепшего юношу-солдата. Сейчас это можно расценивать как пафосные слова, но тогда два года становления, воспитания и возмужания характера молодого человека, любящего свою Родину, готового отстаивать ее интересы на последних метрах советской земли, сделали свое дело. И как был прав старший лейтенант, сказавший там, на призывном пункте, что я еще буду ему благодарен и не раз вспомню добрым словом.

После шести дней путешествия по просторам Сибири и Забайкалья, обогнув по пути озеро Байкал, эшелон прибыл в первый пункт своего назначения город Сковородино. Вывалившись на перрон вокзала, соскучившаяся по свежему воздуху, толпа призывников, заметно поеживаясь, стала глубже укутываться в свои шарфы и старенькие телогрейки. Молодежь, разминая отекшие ноги, взбодренная перекличкой и построением в колонну, почувствовала на себе обжигающий сибирский мороз под тридцать градусов. Наши испытания только начинались, и первое

– это марш бросок по ночному городу с последующей мойкой и переодеванием в армейской бане. Пробежав по совершенно темным, не освещенным улочкам частного сектора, новобранцы, очутившись на месте, с удивлением смотрели на небольшое одноэтажное кирпичное здание, якобы способное перемыть такую массу народа. Стоя в строю на морозе в ожидании своей очереди, я не сразу обратил внимание и понял смысл команды сержанта: «В баню марш... раздеваться и бегом закаляться...» Вспомнил об этом только после того, когда, скинув с себя всю гражданскую одежду, забежал голым в моечное отделение. Увидев на кафельном полу рядом с окнами снег и снежинки, свободно влетающие в окна, зияющие кое-где пустотой, свидетельствующей об отсутствии стекол, переминаясь с ноги на ногу на холодном полу, сразу почувствовал, как мурашки побежали по коже. Не успев сообразить, в чем дело и где же здесь баня, общий людской поток подхватил и втиснул меня в парилку, плотно забитую будущими пограничниками. Немного погревшись, новобранцы по одному выскакивали из парилки в заснеженное моечное отделение, обливались из тазика чуть теплой водой и бежали в раздевалку. Уже из раздевалки как горячие пирожки из печки выскакивали «готовые» солдаты, внешне выглядевшие в новом обмундировании и бушлатах, в первую очередь, неузнаваемо, а во-вторых как-то странновато и мешковато. Галифе для нас мальчишек, привыкших к брюкам клеш, казались несуразными штанами, так как почему-то были широкими совершенно в другом месте, а увиденные многими впервые портянки, неумело обернутые вокруг ноги, торчали предательски из сапог, высвечивая в ночи ярко белыми пятнами стоявших в строю неумех. И не беда, что у кого-то не подошел размер и уже в строю обменивались шапками в поисках нужного размера, главное, что после нашей старой гражданской одежды и «закаливания» в бане, в новых бушлатах было неожиданно тепло и уютно. Все «помойкино» мероприятие прошло быстро, без заминок и задержек. Глядя поновому друг на друга, мы сполна осознали, что выглядим уже не как уголовники, одетые в старую, на выброс одежду, а безвозвратно перешли в совершенно новое качество, молодых, еще неопытных, но уже защитников Родины. По мере выстраивания в заставы, чистые в новом обмундировании новобранцы бежали колонной по какой-то лесной заснеженной дороге через сопку в отряд на встречу с такой желанной и хотелось бы думать, теплой койкой. Первый день нашего пребывания, как мы предполагали уже непосредственно на границе, заканчивался банальным занятием места на двухъярусных кроватях и провалом в желанный сон в неприветливо встретившей нас холодной постели. Заснули быстро. Уставшие и замученные от массы впечатлений, свалившихся за короткий промежуток времени на неокрепшие души и тела, будущие пограничники крепко спали, видя в своих сновидениях знакомые, родные лица, свой дом, свою девушку или подругу.

Пробуждение оказалось для многих жуткой реальностью. Услышав громкий крик дежурного «Подъем», открыв глаза, новоиспеченный боец не мог понять, где он и что с ним. Сержанты, не давая времени одуматься, быстро привели в чувства, вернув тебя в действительность. Вот тут-то и началась для каждого из нас истинная армейская служба. Тяжелая, разрушающая морально и физически неподготовленного и слабого и закалившая, практически сформировавшая настоящий мужской характер молодого человека, с гордостью называвшего себя пограничником.

Пограничная учебка, ломающая через колено амбиции, ложно формировавшиеся принципы и взгляды на жизнь, на конкретные взаимоотношения с такими же, окружающими тебя молодыми бойцами, с их слабостями и недостатками, показала, кто и на что способен. Юноши, старавшиеся завоевать авторитет на словах, на деле превращались в слабых, безвольных, вызывающих жалость и сострадание людей. И наоборот обычные, незаметные, ничем не выделяющиеся парни становились лидерами, обкатывая и оттачивая свой характер трудностями и невзгодами армейской службы.

Каждое утро, невзирая на непогоду и стоявшие морозы, начиналось с километровой пробежки по близлежащим сопкам с посещением своеобразного клозета, представляющего собой шедевр наипростейшей инженерной и архитектурной мысли. В сопке, на открытом всем ветрам месте, сооружался настил, опирающийся на столбы высотой под два метра, в котором проделывалось с десяток сквозных отверстий. Вбегаешь по трапу на настил с одной стороны, делаешь свое дело и сбегаешь с другой стороны. Все это происходило потоком, быстро как на конвейере. Но если посмотреть на это мероприятие со стороны, то это – впечатляющая картина: внизу нарастающие сталагмиты и сталактиты, а вверху восседающие «орлы», гордо осматривающие окрестные просторы. Хорошо, что это происходило только ранним, темным утром, и никто не мог видеть этого безобразия.

Получая ежедневно по максимуму физической нагрузки, особенно на тактических занятиях, сопряженных с проведением стрельб, выматывались к концу дня до такой степени, что, возвращаясь в казарму, падали на пол и долго лежали во всем обмундировании, получая истинное наслаждение от самого процесса нешевеления. Сержанты все понимали и не трогали нас в этот момент.

Тактические занятия проводились в отдельно выделенный день, который мы ждали с нескрываемым содроганием. Обычное, яркое солнечное утро начиналось с подбора обуви из большой кучи заранее вываленных посередине спального помещения старых, дырявых и не подшитых валенок. Новобранцы подходили, подбирали себе более-менее целую пару, переобувались и шли получать оружие. Вот здесь-то я всегда и задерживался. При росте 178 сантиметров, ноги свои я не растоптал и носил обувь всего 39-го размера,

а найти таких валенок в этой куче было практически невозможно. В итоге, как бы я не старался минимизировать предстоящие моральные и душевные потери, данное обстоятельство все равно сказывалось отрицательно на моих физических возможностях. А вот физической подготовке и выносливости сержантского состава и особенно молодых командиров учебных застав, курсантов Алма-атинского пограничного училища, можно было только позавидовать. Каждый марш-бросок до стрельбища и обратно совершали, прихватив с собой все имеющееся вооружение и боекомплект заставы. Кто-то помимо своего личного оружия бежал с двумя автоматами, кто-то с ящиком патронов, а кто-то и с пулеметом, в итоге все были загружены под завязку. Однажды возвращаясь бегом в отряд после стрельбища, один из бойцов, выбегая с замерзшего озера на дорогу, умудрился вывихнуть ногу (а может быть и нет). Он так натурально давал понять, как ему больно, что мы в первый момент даже этому обрадовались, надеясь, что, остановившись, дальше пойдем пешком. Но не тут-то было, прозвучала ненавистная команда «бегом марш». «Раненого» бойца, словно в боевых условиях пришлось нести на руках по очереди, громко проклиная все и всех. Дак вот пока застава, растянувшись, бежала эти пять километров, командиры-курсанты и сержанты-командиры отделений успевали преодолеть расстояние в два-три раза больше, перемещаясь, как челноки, с начала колонны в конец и обратно, подгоняя нерадивых новобранцев.

Стрельбище располагалось в 5 километрах от отряда, до которого добирались всегда бегом через частный сектор, замершее озеро и сопку «Любви». Такое название сопка получила в связи с тем, что находилась на полпути до стрельбища, на берегу застывшего озера и просто обойти ее мы ну никак не могли. В каком бы состоянии не были, пусть даже заканчивались все силы, но сопку обязательно брали штурмом с криком «Ура». Я же со своими растоптанными валенками, превышающими три-четыре размера, мог бежать первые сто – сто пятьдесят метров, далее начиналась борьба за выживание – или я их, или они меня. Получалось, валенки всегда побеждали, приходилось волочить их по сугробам, чтобы самому в пылу не выпрыгнуть босыми ногами в жесткий, обжигающий снег. Когда возвращались в казарму, совершенно без сил, действительно не раздеваясь, падали на пол. Мои чудные валенки, живя самостоятельно, лежали рядом. Портянки, заботливо намотанные перед выходом из казармы, в момент передвижения, предательски собирались кучкой в свободном пространстве носка валенка или торчали из дырок в том же носке или пятке. В общем, хлебнули «прелестей» солдатской жизни по самые уши в прямом и переносном смысле.

Бегом на стрельбище.

Основная масса новобранцев в соответствии с принятой воинской присягой стойко переносила все тягости и лишения воинской службы (учебного процесса), но были и такие, которым все это давалось с неимоверным трудом. Недостаточно физически подготовленные призывники выявились сразу и становились изгоями для всей заставы. Именно благодаря им все остальные курсанты затрачивали в два раза больше физических усилий на полевых занятиях и в кульминационные моменты невозможности выполнения требований сержантского состава жутко ненавидели последних. Но когда в конце дня на автопилоте без сил прибегаешь в спальное помещение, а затем, отдышавшись и оклемавшись, начинаешь приходить в сознание, то глядишь на происходящее совершенно другими глазами и по-другому воспринимаешь личную трагедию этих ребят. Где та злость и ненависть, буквально вырывавшаяся из тебя час назад на свободу в словесной форме (причем тактические занятия – это единственное место, где нам разрешалось отводить душу, выражаясь матом) ее нет, осталась жалость к этим слабым и безвольным молодым людям.

Например, был у нас на учебной заставе один такой паренек, призванный из татарской или башкирской деревеньки, расположенной где-то в глубинке Свердловской области. Он и ростом-то был небольшим, совсем как подросток, на него не то чтобы руку поднять, даже прикрикнуть казалось не прилично. К тому же и в жизни у него сложилось не все гладко. По его рассказам в момент призыва они, вместе с единственной младшей сестренкой, были круглыми сиротами. После восьми классов образования, чтобы как-то выживать, вынужденно бросил школу и устроился работать там же в деревне трактористом. Сестренка училась в младших классах и была полностью на его попечении. Естественно, находясь впервые так далеко от родных мест, он сильно переживал, как она там живет одна и справляется с небольшим, но натуральным хозяйством. Из общения с ним, да и визуально ощущалось, что парнишка до-

брый, отзывчивый, совершенно не конфликтный. Мы по-юношески понимали, что в силу своих личных качеств постоять за себя он просто не может, да он не спортсмен и физически развит хуже других, но парень с открытой, чистой душой, привлекающий к себе именно своей непосредственностью и доброжелательностью. Конечно, мы тогда удивились, как можно призывать в армию человека, оставив при этом совершенно беспомощную маленькую девочку. И действительно, встретив его через год службы, которую он проходил в пограничном стройбате, он рассказал, что его демобилизуют в связи с тем, что оказывается, вообще не должны были призывать в армию. Справедливость вроде бы восторжествовала, но ведь годто он все-таки прослужил, и малолетняя сестренка этот год прожила совершенно одна в небольшой глухой деревне.

И вот, глядя на свернувшееся, беспомощное тело такого новобранца, лежащее на полу казармы, уже не возникает желание высказывать в его адрес не только накопившиеся в каждом возможно где-то справедливые угрозы, но и простые, ничего не значащие упреки. Впервые приходило и постепенно формировалось глубокое понимание душевного состояния и внутреннего переживания чужого тебе человека. Невольно возникал и вопрос: «А что бы я делал, оказавшись на их месте?» Мысленно упираясь в этот вопрос, как в стенку, и не находя для себя вразумительного ответа, действительно испытываешь только чувство жалости и сострадания.

Да, кому-то эта служба так и не покорилась, после окончания учебки некоторых новобранцев в силу своей недостаточной физической подготовки вынужденно перевели в пограничный стройбат. И мы видели, как на итоговом разводе восемнадцатилетние ребята со слезами на глазах выходили из строя, услышав свои фамилии, они обреченно понимали, что границу уже не увидят и завидовали оставшимся белой завистью.

На новом месте, куда я прибыл после учебного процесса и принял в спальном помещении казармы Сковородинского погранотряда свою, ставшую родной на два года койку, я заботливо постелил белье и, расправив одеяло, спокойно улегся с надеждой на более легкую, размеренную и предсказуемую службу. Однако первая же ночь поставила все на свои места, надолго вбив в сознание само понятие, что же такое граница. Она была прервана в самый разгар сна, не учебной, а настоящей боевой тревогой. Правда тревога, как стало известно позже, оказалась не в связи с нарушением границы или каких-либо провокационных действий с китайской стороны, к чему нас так усиленно готовили и подводили, а в связи с массовой дракой между заключенными в крупной исправительной колонии поселка Тахтамыгда, Сковородинского района.

Соскочив по тревоге, быстро собравшись, получив оружие и разместившись по машинам, мы на сто процентов были уверены, что едем на границу, внутренне настраивались и морально к этому были готовы. Но каково было наше разочарование, когда, очутившись в Тахтамыгде, увидели бараки, окруженные колючей проволокой и сторожевыми вышками. Въехав с ходу в открытые ворота и очутившись в центре на плацу, наши БТРы встали по кругу, включили фары и дали пулеметную очередь в ночное небо. Вот к этому мы оказались совершенно не готовы. Впервые находясь в такой ситуации в зоне, где размещались, хотя и уголовники, но прежде всего советские люди, предугадать свои дальнейшие действия психологически было очень сложно, и хорошо, что все обошлось мирно без применения оружия.

Порядка тысячи заключенных, что-то не поделив, подрались между собой, устроив массовое побоище с использованием лопат, ломов, молотков и других подручных средств. Увидев развернувшиеся боевые машины и услышав предупредительные выстрелы, резко отрезвившие разгоряченную толпу, уголовники, не встретившие сопротивления со стороны охраны зоны, которой к моменту нашего появления, почему-то не было, а затем ощутившие на себе решительные силовые действия пограничников, вынужденно прекратили массовые беспорядки на территории зоны.

Результатов этой массовой драки мы, слава богу, не видели. Возможно, офицеры пожалели наши не окрепшие души и не выпускали из машин, но из рассказов молодого капитана, начальника медсанчасти, находившегося там еще двое суток и непосредственно оказывавшего медицинскую помощь пострадавшим, мы узнали, какие страшные и смертельные раны были нанесены обычным шансовым инструментом.

Тахтамыгда – это поселок городского типа. Здесь находилась большая зона, а сам поселок основан в 1933 году как призонный в начале строительства вторых путей на Транссибе. Тахтамыгду еще называли БАМовским аэродромом, принимавшим такие самолеты, как Як-40 и Ан-24. Данный аэродром был построен заключенными еще в 1941 году и предназначался для нужд Красной армии. В то время он входил в состав перегоночной трассы американских военных самолетов на фронты Великой Отечественной войны, а в наше время он был полностью задействован для строительства Байкало-Амурской магистрали, которая в апреле 1974 года была объявлена всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

Возник резонный вопрос, причем здесь пограничники и почему мы вынуждены выезжать и успокаивать взбунтовавшийся уголовный контингент. Оказалось, все намного прозаичнее – более реальной силовой структуры, способной остановить массовые беспорядки, рядом просто не было.

В последующем, наличие многочисленного количества зон и их близкое расположение к границе отрицательно сказывалось на нашей службе. Из-за частых побегов осужденных, нередко и групповых, на границе практически всегда действовал усиленный режим несения службы. Находясь постоянно в готовности № 1, мы уже привыкли к близости спецкон-

тингента и воспринимали это как естественное положение вещей.

Службу я проходил в отряде, на должности – начальник станции ОЗС-51. Это окопная станция, 1939-го года выпуска, предназначенная для звукового оповещения, а если короче, то при совершении противоправных действий на участке границы выдвигаемся к месту провокации, разворачиваем станцию и вещаем «лекцию» на китайском языке предупредительного характера. К счастью за весь срок службы разворачивать станцию пришлось только два раза и то на учениях. Но мне надолго запомнился сам процесс приема-передачи станции. Оборудование станции размещалось в небольшой тесной и глухой комнатке, как мы ее впоследствии называли «каморке», в отдельных ящиках, готовая по тревоге к моментальному выезду в сторону границы. И вот, разложившись и фиксируя визуально порядок сборки станции, в ее рабочее состояние, включая бензиновый генератор и вещающий «колокол», я, убаюканный таким образом монотонной последовательностью соединения оборудования, архаическими, требующими усилия «дубовыми» гайками, абсолютно оказался не готов услышать, включая настроенный магнитофон слишком громкие, прерывистые и, как мне показалось, лающие звуки. Я впервые услышал речь на китайском языке. Оцепенев от первого кричащего звука, раздающегося с перерывами в различных сочетаниях, который буквально долбил по голове, заставляя съеживаться в этом замкнутом пространстве «каморки», я полностью был загружен неприятными, визгливыми и пронзительными звуками. Резко выключив магнитофон, я с удивлением спросил присутствующего при этом старшего инструктора политотдела по спецпропоганде капитана В.Воропаева: «Что это такое?», и получил однозначный, утвердительный ответ, что это и есть мое главное агитационное просветительское оружие противодействия китайской стороне в ее провокациях на ближайшие два года службы.

Мл. с-т Соломахин С.В. и ряд. Куклин В.С. ведут трансляцию текстов на китайском языке предупредительного характера.

За нашу Советскую Родину!

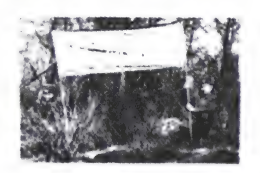
„Советский народ может быть уверен, что плоды его созидательного труда находятся под надежной защитой!"

Из отчетного доклада ЦК КПСС XXV съезду партии

ВЫШЕ БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ!

Расчет станции ОЗС-51 в составе мл. с-та Соломахина С.В., ряд Куклина В.С., ряд. Спожакина И.С. успешно справляются со своими обязанностями.

Нормативы по развертыванию станции и приведению её в готовность-выполняются. Станция ОЗС-51 содержится ими в боевой готовности. Они имеют определенные навыки по ведению спец. пропаганды, которые постоянно совершенствуют.

Ряд. Спожакин И.С. и ряд. Куклин В.С. производят установку лозунгов на китайском языке.

ТОВАРИЩИ ПОГРАНИЧНИКИ!
Равняйтесь на передовиков соц. соревнования

Политотдел в/ч 2487

Боевой листок. Развертывание станции по учебной боевой тревоге.

В расчет станции кроме меня входил механик и фотограф для фиксирования возможного факта незаконных действий со стороны китайских граждан. В комплекте станции находились и лозунги, написанные на китайском языке, предупреждающие противоположную сторону о недопустимости нарушения государственных границ. Кстати само написание текстов этих лозунгов требовало точного и неукоснительного их копирования. Как-то при написании очередного лозунга я на куске красной материи выводил флейцем иероглифы, совершенно не задумываясь о форме, длине и пропорциях «палочек» в этих иероглифах. Офицер политотдела капитан Воропаев, знающий китайский язык и отвечающий за это направление, тогда и обратил мое внимание на исключительно точное исполнение знаков, потому что не корректно написанный лозунг не сможет не только предотвратить, но и обострит конфликт, и привел конкретный пример из Японско-Китайских отношений. Он рассказал, что в 50-е годы, с целью налаживания международных отношений Япония пригласила китайскую молодежь для проведения совместных дружественных мероприятий, и на причале, где ожидали китайское судно, был размещен большой лозунг, исполненный на китайском языке со словами: «Приветствуем молодежь Китая!» Но что-то видно было не так с этим лозунгом, так как китайское судно, подходя к причалу, резко развернулось и пошло в обратную сторону. Международный скандал, растерянные и ничего непонимающие японцы предприняли все меры для улаживания неожиданно возникшего конфликта. А в итоге оказалась банальная ошибка в лозунге, который китайцы прочитали как: «Приветствуем молокососов Китая!» Конечно, капитан проверил все написанные мною лозунги, но и я в дальнейшем старался быть в этих вопросах более внимательным и щепетильным. Были у нас и шпаргалки-разговорники с наиболее употребляемыми выражениями. С течением времени многое уже позабылось, но одно выражение въелось в память на всю жизнь, возможно, благодаря лишь воспринимаемому по-русски нехорошему «заборному» слову, это предложение: «Идите назад», состоящее из трех слов, отличающихся только первой буквой «Туй .... Цуй». При этом говорить их надо было четко, раздельно и громко.

Основной же моей деятельностью в отряде было оформление наглядной агитации подразделений отряда и линейных застав, создание ленинских комнат и периодическое обновление материалов по результатам прохо-

За нашу Советскую Родину!

Дальневосточный ПОГРАНИЧНИК

ГАЗЕТА КРАСНОЗНАМЕННОГО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ПОГРАНИЧНОГО ОКРУГА

№ 60 (3099) • Среда, 21 июля 1976 года. • Год издания 34-й

В ЦК КПСС И СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

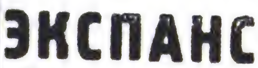
Политбюро ЦК КПСС и Совет Министров СССР рассмотрели отчет делегации Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным об итогах состоявшегося в Берлине 7—9 июля 1976 г. XXX заседания сессии Совета Экономической Взаимопомощи.

...взаимовыгодного сотрудничества в текущем пятилетии.

Новым крупным шагом вперед в деле всесторонней консолидации стран социализма является разработка долгосрочных целевых программ сотрудничества по избранным ключевым направлениям развития материального производства. Они помогут...

...ческой интеграции стран — членов СЭВ служит одним из важных факторов развития равноправного экономического сотрудничества между всеми странами мира, преодоления навязанных империализмом отношений неравенства и эксплуатации в интересах дальнейшего оздоровления международной обстановки.

...то есть в период после провал... политики «большого скачка... представлявшей собой попытк...

В последнее время в Пеки... не все чаще и откровеннее за... являют о гегемонистских при... тязаниях Китая на территори... других стран, говорится в ста... тье, опубликованной в журна... ле «Новое время» № 28 з... июль 1976 года. Еще в середи... не 50-х годов пекинские ли... деры дали понять, что они рас... сматривают как «китайские»... значительные территории со... седних государств, которые... прошлом китайские богдыхан... считали своими вассальными... владениями. В 1954 году в КН... вышла в свет книга «Кратка... история современного Китая»... картой, на которой были обоз... начены «китайские территори... захваченные империалистами... период с 1840 по 1919 год». На этой карте отмечались ка... входившие в состав Китая и ут... раченные впоследствии террито...

Отличник боевой и политической подготовки сержант С. Соломахин пользуется в подразделении заслуженным авторитетом. Его уважают за чуткость, отзывчивость.

Свободное от службы время он отдает любимым увлечениям — рисованию, чеканке, выжиганию. В умелых руках воина оживают стволы засохших деревьев, приобретают неповторимую окраску листы меди, обрезки фанеры.

НА СНИМКЕ: сержант С. Соломахин в часы досуга.

Фото рядового Н. СПОЖАКИНА

дивших партийных съездов и конференций. Практически из двух лет службы один год я провел непосредственно на границе, на берегу Амура. Считаю, что мне очень повезло, ведь я своими глазами увидел все заставы и собственными ногами практически прошагал все фланги, весь берег Амура в зоне ответственности Сковородинского погранотряда.

Некоторые могут сказать: «...Вот, он службы не видел, сидел – картинки рисовал...» К моему счастью, это не так. Начальники линейных застав, в основной своей массе молодые офицеры в звании до капитана, меня знали и всегда были рады нашему приезду, ведь объем работы был большой, и я приезжал с бригадой из пяти человек минимум на неделю. Постепенно, переезжая с заставы на заставу, меняли наглядное и тематическое содержание ленинских комнат. Обновляли и по-новому решали уличную наглядную агитацию территории застав, с применением новой техники подачи информации, уходя, таким образом, от планшетов с текстами, написанными гуашью прямо по фанере и покрытых лаком. Когда-то этот прием был актуален и по-своему интересен, но со временем фанерные планшеты темнели, тускнели и теряли свое главное функциональное предназначение – привлечение человеческого взгляда. За период пребывания на заставе мы, как правило, успевали не только выполнить свое непосредственное задание, но и пройти дозором по вверенному участку границы. В наше время личного состава на заставах катастрофически не хватало. Бойцы, а на заставах, как правило, находилось чуть более тридцати пограничников, несли службу в усиленном режиме. По округу даже были вынуждены запретить спортивные занятия с личным составом по рукопашному бою в связи с имевшими место фактами получения различного вида травм и выхода бойцов из строя на длительное время. На заставах просто некому было служить, и начальники застав, куда мы приезжали, радовались каждому нашему появлению, зная, что я обязательно попрошу их включить нас в наряды, что даст хоть небольшую, но передышку личному составу. При этом предпочтение было отдано исключительно одному виду пограничного наряда – дозору. Этот вид наряда позволял больше увидеть, узнать и до мурашек в теле прочувствовать на себе то чувство гордости, которое ты испытываешь, проходя по родному берегу «батюшки Амура», понимая и физически ощущая, что ты действительно находишься на краю своей родной земли, на последнем ее метре, а за тобой целая страна.

Вся идеологическая и воспитательная работа на границе строилась таким образом, что пограничники, у которых еще свежо в памяти от фотографий изуродованных наших ребят в конфликте на острове Даманском, да и на других участках советско-китайской границы, морально были готовы к любым решительным действиям по предупреждению и пресечению всевозможных провокаций. Среди китайского населения нагнетались антисоветские настроения, в приграничной полосе создавались военизированные поселения, 200-километровая зона, примыкающая к советской границе, была объявлена в Китае «передовой линией обороны».

В силу политических разногласий между двумя странами обстановку на границе можно было охарактеризовать как неспокойную и напряженную, и это напряжение в преддверии тридцатилетия Дня Победы возрастало с каждым но-

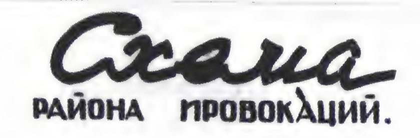
вым днем, что чувствовалось и сказывалось на внутреннем состоянии каждого пограничника. Накануне праздника 9 Мая в дежурных помещениях застав, на полу, на каждого бойца был выложен боекомплект с магазинами и гранатами. Пограничные наряды усиливались приданными офицерами из отряда. По данным нашей разведки китайская сторона разрабатывала и готовила конкретные провокационные действия на границе, официально высказывая угрозы испортить нам праздник – тридцатилетие победы над фашистской Германией.

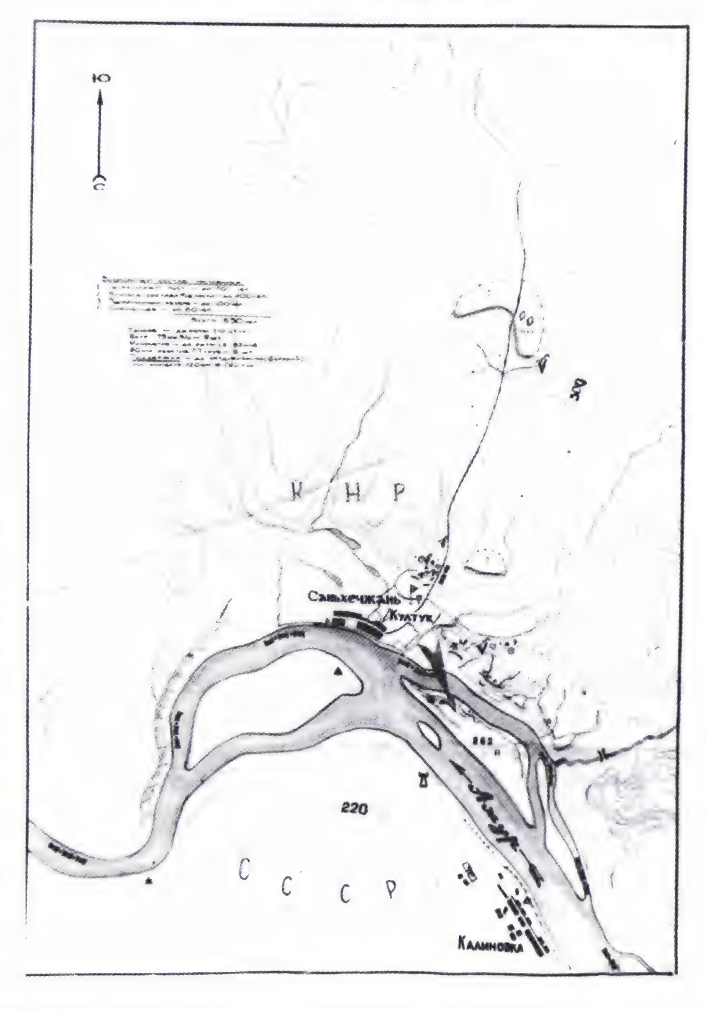
Так получилось, что утро 9 мая 1975 года я встречал в составе усиленного наряда дозора (старший пограничного наряда офицер и двое пограничников), подходя к нашему наблюдательному пункту, расположенному напротив острова Култук (№ 262) на стыковочном фланге последней заставы отряда «Калиновка». За этим островом на китайском берегу находилось поселение Саньхечжань, где базировалась рота «Тигров» (китайские военнослужащие, специализирующиеся на захвате советских пограничников). В течение длительного времени, наблюдая за китайскими военнослужащими, мы с удивлением для себя отмечали, «где они таких набрали», ведь сами китайцы практически все невысокого роста, щуплые. Личный же состав «Тигров» внешне выглядел намного внушительнее, и мы даже шутили, вспоминая отсутствие подготовки по рукопашному бою: «Вот возьмет тебя такой под мышку и унесет на свою территорию, а ты и пикнуть не успеешь».

Утро 9 мая, настроение замечательное, праздничное. Светит яркое солнышко, тепло, даже жарко. Запах травы и утренняя свежесть с реки уносили к воспоминаниям детства, в деревню Кочетовка, родину моих родителей на Тамбовщине к знаменитым Мичуринским садам с их сочными, вкусными и ароматными яблоками. Эти воспоминания о прекрасном, далеком и беззаботном времени в какой-то степени сдерживали, ограждая молодой организм от внутреннего напряжения и страха, невольно возрастающего с каждым шагом приближения к необитаемому на данный момент пограничному наблюдательному пункту.

Наблюдательный пункт представлял собой вырытый на возвышенности ДЗОТ (деревоземляная огневая точка), возведенный из бревен и земли, замаскированный под складки местности. Пункт имел один вход, к которому мы и подползали с трех сторон, соблюдая все меры предосторожности в ожидании возможных силовых действий, вплоть до организации засады или провокации с китайской стороны с целью физического захвата наряда советских пограничников. Решительно настроенные, подогретые накалом напряженности, буквально витающим в воздухе, мы по команде ринулись в небольшой дверной проем как возможно в последний для себя бой. Ведомые и воодушевленные смелыми действиями офицера, ворвавшись с устрашающим криком в пугающее своей неизвестностью затемненное пространство, мы кроме одиноко стоявшего большого морского бинокля никого не увидели. Даже как-то стало обидно – нас здесь почему-то не ждали. Эта сиюминутно возникшая мысль и последующий ошеломляющий спад давившего на тебя страха моментально парализовали нас, еще мальчишек, растерявшихся и застывших в оцепенении. Безумно счастливые, словно избранные Богом блаженные с ощутимым чувством облегчения, обволакивающего и успокаивающего тебя вплоть до пропажи предательской дрожи в коленках, глядели мы в этот момент на вражеский противоположный берег реки совершенно по-другому. Через узкую амбразуру наблюдательного пункта перед нами предстала хорошо знакомая и практически до боли близкая картина, на которую мы смотрели не как в повседневные дни службы, а с вырывающейся изнутри нас нескрываемой радостью и жизнеутверждающим задором.

На наше счастье все обошлось, и каждый тихо, про себя боясь, что кто-то может и заметил твой страх, радовались этому по-настоящему счастливому утру. Еще не отойдя и не остыв от нервного напряжения, с опаской прислушиваясь к окружающим звукам и шорохам, подбадривали себя первыми пришедшими в голову шутками и неожиданной, абсолютно житейской мыслью, что, вернувшись на заставу, обязательно насладимся дождавшейся нас законной

праздничной порцией домашних пельменей.

Предпринимаемые меры предосторожности были не излишними. Если в 1969 году события на острове Даманском освещались советской прессой широко, то провокации китайцев на других участках границы и, в частности, на острове Култук замалчивались, хотя Култук одновременно с островом Даманский был горячей точкой на советско-китайской границе.

Сам остров Култук являлся советским. Но для проживания был не пригоден и использовался жителями села Калиновка чисто для заготовки сена домашнему скоту. Китайцы, постоянно провоцирующие пограничников, все чаще стали появляться на острове и даже умудрились построить там деревянный дом, как бы показывая, что этот остров их и они здесь хозяева.

Весной 1969 года участились случаи провокационных действий китайцев в районе острова Култук. Часто дело доходило до рукопашных схваток. Однако советские пограничники строго выполняли приказ – на провокации не поддаваться и не применять оружие.

В мае 1969 года группа китайских граждан под покровом ночи проникла на остров и спряталась в этом доме. Это не осталось без внимания наших пограничников. С советской стороны последовал устный ультиматум – покинуть остров, и высказано предупреждение, что если китайцы не уйдут добровольно, будет применена сила. Противоположная сторона устные требования советских пограничников оставила без внимания, не показывая признаков жизни и своего присутствия на острове. В то же время на китайском берегу Амура сосредоточивались группы военнослужащих.

Прошлогодняя трава на острове была высокая и сухая и после выпущенной автоматной очереди зажигательными пулями она загорелась. Огонь стал быстро распространяться по всей территории острова, подбираясь к деревянному дому. Вот тут-то наши пограничники с удивлением и узнали истинное число китайских граждан (или военнослужащих), разместившихся в этом доме. Увидев массу выскакивающих из воспламенившегося и разгорающегося строения людей, лихорадочно передвигающихся и явно неготовых, да и не способных организовать тушение, пограничники для себя отметили, что такое количество людей ну никак не могло там разместиться. Внутри дома, в земле явно были вырыты дополнительные помещения. Пограничники не стали вести огонь на поражение и дали китайцам уйти. А дом сгорел, сорвав и обнажив своими черными, догорающими головешками, не удавшиеся планы и расчеты китайской стороны. Месячные засекреченные трудоемкие работы, проведенные с целью подготовки к антисоветским действиям, превратились в легкий серый дым, поднимающийся над пепелищем еще долгое время. Пограничники, озадаченные скрытным проникновением такого количества китайцев на остров, но довольные таким неожиданным и благополучным исходом, с радостью смотрели на этот стелющийся над гладью реки дымок и думали о скорейшем приближении «дембеля». Второго Даманского не хотелось никому.

Праздник праздником, но видно день нам выпал такой, что хотел проверить и испытать нас до конца, не остановив наши праздничные приключения моральным успокоением и приходом в себя после нервного психологического взрыва в лихо захваченном наблюдательном пункте.

Возвращаясь обратно на заставу по берегу реки Амур и проходя мимо пограничной вышки, перекинулись несколькими словами с часовым, поинтересовавшись, как ведут себя китайцы на той стороне. В ходе разговора часовой, понимая, что это не наш вопрос так, между прочим, сказал, показывая рукой в сторону тыловой проселочной дороги: «...Да вон Сашка там застрял на ГАЗ-66 что-то долго стоит, бегает все вокруг машины и никуда не едет, сходите, посмотрите, может помощь нужна. От реки до указанного места простиралось открытое пространство, и вдалеке у кромки леса мы увидели сиротливо стоявший грузовик. Капитан как старший погранnаряда, принимая решение, дает команду наряду выдвигаться. Так втроем мы и направились выполнять, как оказалось, тяжелую, но благородную миссию по спасению нашего боевого товарища.

Дорога шла краем леса. Снег практически растаял, но в затененных участках было еще сыро, и грунтовое дорожное покрытие отдельными местами представляло собой сплошную весеннюю распутицу. ГАЗ-66 – военный автомобиль, а значит хорошая и надежная машина, и мы, обрадованные возможностью не пешком, а с комфортом добраться до заставы, чуть ли не бегом бросились к машине, тем более, время уже поджимало и неумолимо приближалось к праздничному обеду.

Подойдя ближе и воочию увидев представшую картину, наше предпраздничное настроение тихо и незаметно показало нам ручкой и спокойненько удалилось, оставив наедине, как нам тогда казалось, с неразрешимой проблемой. Автомобиль стоял мертво, скрывая колеса в месиве жидкой грязи. Бедный Сашка, взмыленный мокрый и страшно расстроенный, смотрел на нас виноватыми глазами и только разводил руками. Как он умудрился найти и так глубоко зарыться в лужу грязи, было совершенно не понятно. Увидев нас, да не одних, а с незнакомым офицером, Саша засуетился, забегал, воспрял духом с явно появившейся надеждой. Делать все равно уже было нечего, надо пытаться как-то выкарабкиваться. Я, честно говоря, в удачу не верил. Опыта попадания в такие ситуации и маломальских знаний, как из нее выйти, у меня, как сугубо городского жителя, тоже не было. Я стоял, смотрел и не знал, с чего начать и с какой стороны здесь подходить. Офицер, посмотрев на это безобразие, коротко сказал: «Ну что, будем доставать машину...» Вот здесь-то в полной мере и проявилась жизненная деревенская смекалка моего товарища Володи Долганова, смело шагнувшего к машине и утонувшего по пояс в

грязи. Осмотрев, обойдя машину и не соблюдая никаких воинских условностей субординации, он решительно взял бразды правления в свои руки. На наше счастье недалеко у дороги как специально была складирована куча бревен диаметром от 10 до 30 см и длиной порядка 3 метров. Володя тут же предложил тащить их сюда для использования в качестве рычага, тогда я и узнал такие новые для себя слова, как «лага и вага». Сколько мы потратили времени, я уже не помню, но мы добились главного, мы вырвали машину из плена грязевого болота и практически полностью поставили ее на бревна. Что нам это стоило, можно было судить только по одному взгляду, брошенному в нашу сторону. Рядом с машиной кипела работа, где копошились четыре грязных существа, испачканных с ног до головы. Со стороны мы, скорее всего, больше напоминали леших, чем пограничников. Комья подсыхающей черной мокрой земли вперемежку со старой и гнилой травой отваливались кусками с головы и тела. Бревна одно за другим укладывались под машину, отвоевывая сантиметр за сантиметром практически похороненный автомобиль. Прохлада растаявшей талой воды, окатившая нас в первый момент, уже не чувствовалась. Было жарко и очень хотелось пить.

Закончив работу, мы без сил лежали рядом на оттаявшем и сухом куске земли и с трепетным чувством собственного достоинства, словно в тишине музея, смотрели, как на шедевр, на свое рукотворное произведение «искусства». Автомобиль весом более пяти тонн стоял, уверенно возвышаясь на выложенном бревенчатом настиле, снисходительно сбрасывая с себя грязь, только что державшую его в своих засасывающих объятиях.

Жажда невыносимо давила на подсознание. Отсутствие воды, жаркая погода и интенсивные действия, требующие значительных физических усилий, привели к обезвоживанию молодого организма. В поиске живительной влаги мы, как Иванушки, не побоявшиеся превратиться в козленка, немного отдышавшись, прильнули к рядом находящейся отстоявшейся луже и жадно поглощали содержимое, не задумываясь о последствиях. В конечном итоге грязные, измотанные, но счастливые и довольные тем, что мы все-таки умудрились справиться, упали в кузов автомобиля и в таком неприглядном виде заявились на заставу. Домашние пельмени, слава богу, нас дождались.

Офицер, который был с нами в том памятном праздничном наряде, командовал ротой связи в отряде и на заставе «Калиновка» находился в связи с усилением. Внешне простоватый, ну совсем не военный человек, на котором даже форма выглядела, как с чужого плеча, но внутренне он был спокоен и немногословен. Глядя на него, мы понимали, что это сугубо гражданский человек, заметно отличающийся от офицеров, прошедших подготовку в пограничных училищах, а ведь таких офицеров на границе было немало. После событий на острове Даманский в 1969 году, когда резко обнажилась проблема нехватки личного офицерского состава, вышло Постановление ЦК КПСС о призыве офицеров запаса, находившихся на партийной, комсомольской и хозяйственной работе. Партия приказала, и вопрос был решен. Люди оказались на границе по «партнабору». Да, они были честными и порядочными, но, к сожалению, многие не стали офицерами, отдавшими всю свою жизнь границе. Граница – это особый дар судьбы, и статус офицерской службы здесь совершенно другой. Человек, посвятивший себя службе на границе, – это беспредельно преданный и любящий Родину офицер, для которого слова о священности и неприкосновенности рубежей нашей Родины – не простой звук.

В то утро мы увидели, да и узнали совершенно другого человека, мужской характер и достоинство которого соответствовали высокому званию офицера-пограничника, его авторитет значительно вырос в наших глазах. Он взял на себя всю ответственность и первым ворвался в наблюдательный пункт. Решительные действия офицера вдохновили нас, и мы шли за ним навстречу неизвестности, уверенно и легко в полной мере осознавая, что находимся на своей земле и по-другому быть, просто не может.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Большинство пограничных застав Сковородинского погранотряда – это живая история страны, история России, прикоснувшись к которой понимаешь величие подвига наших предков, неимоверными усилиями преумножающих богатства нашей Родины. Появление на берегу Амура новых острогов, крепостей, превращающихся в города с последующим заселением необъятных просторов Сибири и Дальнего Востока, способствовало развитию и становлению мощного и сильного русского государства.

И вот такое, буквально неожиданное, трепетное прикосновение меня, молодого солдата к историческому прошлому произошло благодаря именно дозору – пограничному наряду, а еще более конкретно пограничной тропе, проходящей по краю приамурской деревни. Сейчас уже точно не вспомнить на какой заставе это было, т.к. многие поселения после событий 1969 года (Даманский) были переселены с берегов реки Амур вглубь территории России и оставшиеся без людей деревни постепенно разрушались, зарастали бурьяном, т.е. жизнь в них остановилась. Хотя по остаткам добротных деревянных домов можно было судить о размерах деревень, простоявших немало лет передовым постом. Эти умирающие свидетели истории могли многое что рассказать о героических подвигах первооткрывателей, первых казаках и их потомках, заселявших берега Амура, установивших и защищавших границу владения Российской империи. Сами названия ныне здравствующих деревень, связанные с историческими личностями, говорят о многом. Албазино, Бейтоново, Бекетово, Толбузино все эти заставы появились в деревнях с вековой историей,

Албазинский острог.

основанных русскими воеводами в семнадцатом-восемнадцатом веке.

Оформляя ленинские комнаты на заставах, я чуть ли не наизусть знал историю этих мест, так как одним из обязательных разделов информационной экспозиции материалов ленинской комнаты была историческая справка покорения и закрепления за Россией обширных территорий Дальнего Востока с соответствующим возведением казаками на берегу Амура первых форпостов, послуживших оплотом и началом развития благодатного края. Одним из таких форпостов Российской империи была крепость Албазин.

Первое упоминание об Албазинском остроге относится к сентябрю 1650 г., когда Ерофей Хабаров с отрядом казаков без боя занял городок, принадлежащий Албазе – даурскому князю, расположенному недалеко от слияния рек Шилки и Аргуни, напротив устья реки Албазихи.

Укрепив поселение, казаки обосновались там и назвали его Албазинским острогом. После зимовки отряд ушел, предав городок огню. Спустя пятнадцать лет, в 1665–1666 годах здесь снова появились русские казаки, крестьяне и промысловики во главе с Никитой Черниговским. Восстановив укрепления, албазинцы занялись сбором с местного населения пушной дани, которая исправно переправлялась через Нерчинск в Москву.

В течение 60–70-х годов XVII века население городка быстро росло. Сюда, на вольные и плодородные земли отовсюду стекался промышленный люд, беглые крестьяне и казаки. В 1672 году в Албазин для управления острогом был направлен представитель власти – приказчик, а через десять лет было основано Албазинское воеводство, включившее в себя территорию Приамурья от слияния рек Аргуни и Шилки до устья реки Зеи. Был создан герб с изображением орла, сжимающего одной лапой стрелу, а другой – лук.

Земли Приамурья в те годы активно осваивались русскими: здесь развивалось земледелие, возводились сельскохозяйственные слободки, острожки и зимовья. В то же время между русскими и маньчжурами продолжалось соперничество за земли Приамурья, и пограничный Албазин постоянно подвергался угрозе нападения. В июне 1685 года острог был осажден, а затем и атакован маньчжурскими отрядами. В результате штурма крепость была разрушена, и после переговоров защитники острога решают отступить в Нерчинск. Прибывшему туда же с вооружением и отрядом специалисту по строительству фортификационных сооружений А.Бейтону было поручено восстановление Албазинского острога.

Римский полководец Катон Старший, по истории помнится, твердил знаменитую фразу: «Карфаген должен быть разрушен!» Император Поднебесной твердил распространителям своего величия: «Албазин должен быть разрушен!» В одном из указов есть такие строки: «Ныне Сабсу и дру-

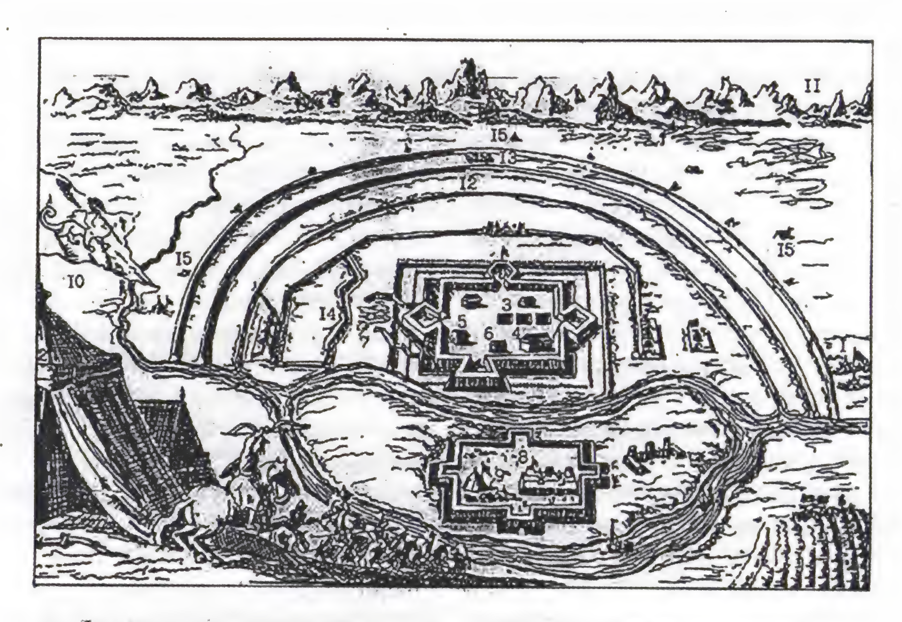

Рис. 5. Албазинский острог. Осада крепости маньчжурами в 1686-1687 гг. 1, 2 - землянки маньчжурского командования; 3 - землянки; 4 - оружейная изба; 5 - гранатный погреб; 6 - пороховой погреб; 7 - дрова, приготовленные маньчжурами для поджога крепости; 8 - маньчжурские укрепления напротив Албазина; 9 - палатка маньчжурского генерала; 10 - белая гора; 11 - каменные горы; 12 - ров; 13 - окопы; 14 - ближние позиции маньчжуров; 15 - маньчжурский лагерь (по Н.Витсену).

гие доносят, что русские вновь отстроили Албазин. Следует немедленно выступить на них походом и уничтожить».

Отстроенный и укрепленный по всем правилам фортификации Албазин в 1686 г. вновь был осажден восьмитысячным войском маньчжур, к тому же располагавших конницей и 40 пушками, тогда как в Албазине на тот момент было не более 800 казаков. Пятимесячная изнурительная осада так и не сломила стойкость защитников крепости, которых к концу осады осталось не больше сотни. Неприятель тоже был измотан борьбой и отступил от стен острога в мае 1687 г.

Оборона Албазина по праву занимает почетное место в истории русской военной славы и принадлежит к числу выдающихся и значимых событий, определявших ход российской истории. Мужество и героизм восьми сотен безвестных казаков, крестьян и промышленных людей, насмерть стоявших на защите российских рубежей, позволили существенно умерить территориальные притязания маньчжуров, которые, как известно, претендовали чуть ли не на всю Восточную Сибирь.

По условиям Нерчинского договора (Нерчинский трактат был подписан 27 августа 1689 года) Россия уступала Амур Цинскому Китаю. Албазинский острог, оказавшийся на китайской территории, подлежал «разорению до основания» и был покинут русскими. Покинут, чтобы возродится вновь через полторы сотни лет, когда во времена нового освоения русскими Приамурья здесь была основана казачья станица Албазин, сегодня – село Албазино.

Ниже Албазино по течению Амура жили своей размеренной жизнью села Бейтоново (существовало до 1978 года), Бекетово (существовало до 1976 года) и Толбузино с расположенными здесь одноименными пограничными заставами Сковородинского погранотряда.

Алексей Ларионович Толбузин – тобольский сын боярский, сын Нерчинского воеводы, происходил из семьи потомственных сибирских служилых людей. Брат его, Фаддей Ларионович, до 1676 был воеводой в Иркутске.

Албазин сегодня.

Алексей Ларионович Толбузин.

При образовании Албазинского воеводства в 1682 году, Нерчинский воевода Иван Афанасьевич Власов к маю 1684 года отправил в Албазино его первого и последнего воеводу Алексея Ларионовича Толбузина. Герой обороны Албазина погиб в июле 1686 года при осаде крепости,12 июля он наблюдал за противником из башни, когда влетевшее ядро оторвало ему ногу; через четыре дня воевода скончался. Командование гарнизоном перешло к Афанасию Бейтону.

Что интересно, Алексей Толбузин, коренной уралец, до своего отъезда на восток служил «приказным человеком» в Киргинской слободе на реке Нице, в семи верстах от Ирбита. В назначении Алексея Толбузина Албазинским воеводой особую роль сыграло то, что его отец Ларион Толбузин в 1662–1668 годах управлял Нерчинском. В знаменитой росписи чертежа Сибири 1667 года при упоминании Нерчинского острога указывалось: «А в том остроге ныне живет с служилыми людьми тобольский сын боярской Ларион Толбузин». Тогда же вместе с ним в Нерчинске жил и его сын Алексей, а потому в Москве считали Алексея Толбузина знатоком Забайкалья и верхней части Амура. Интересно отметить, что Ларион Толбузин тоже ушел «в Дауры» (Приамурье) с Урала и после окончания службы в Нерчинске вернулся на Урал, где и прожил свои последние годы в Киргинской слободе.

Афанасий Иванович Бейтон (фон Бейтон принявший православие немецкий офицер) – русский военачальник, дворянин Московского списка, иркутский казачий голова (до 1701 года), забытый герой обороны Албазина в 1686 году.

В 1684 году Афанасий Бейтон находился на службе в Енисейске, возглавлял отряд казаков, направленный в Забайкалье.

Афанасий Иванович Бейтон.

Летом 1685 года, под руководством воеводы Толбузина, участвовал в походе для освобождения Албазинского острога, осаждаемого маньчжурами.

В 1685–1686 годах командовал самостоятельными отрядами, производил разведку на Амуре и прикрывал постройку нового Албазинского острога.

С 1686 года – участник обороны Албазина от 10-тысячного китайско-маньчжурского отряда. После гибели в июле т. г. воеводы Толбузина, его заместитель – казачий голова Бейтон – возглавил осажденный гарнизон. Совершив ряд неудачных попыток взять город штурмом, китайцы пытались склонить русских к добровольной сдаче. Казаки и крестьяне, несмотря на голод и цингу, до апреля 1687 удерживали острог.

Как пишет А.Зуев «...к декабрю 1686 г. в живых осталось всего 150 «осадных сидельцев» да и «те все оцынжали», так что караулы в крепости могли держать не более 30 ратных людей и около 15 «подростков». Об этом кромешном сиденьи в Албазине Бейтон писал нерчинскому воеводе И.Власову «...странное время было: друг друга не видали, и кто поздоровей раненные и кто умрет, не знали, потому что скудость во всем стала... Пили мы с покойным одну кровавую чашу, с Алексеем Ларионовичем, и он выбрал себе радость небесную, а нас оставил в печали, и видим себе всегда час гробный...»

Бейтону современники приписывали слова: «Русские в плен сдаваться не привыкши!»

К моменту снятия осады из 700 человек гарнизона осталось 66, причем сам Бейтон, по летописному сообщению, из-за голода и болезней мог передвигаться только на костылях. По заключенному в августе 1689 Нерчинскому договору укрепления были срыты, а отряд выведен Бейтоном в Нерчинск (1690 г.).

Петр Ива́нович Беке́тов (около 1600 – не ранее 1965) – русский путешественник, землепроходец, воевода, исследователь Сибири, основатель некоторых сибирских городов Нерчинска, Олёкминска, Читы, Якутска.

В 1654 он первым из русских землепроходцев вышел на Верхний Амур, открыл 900 км его течения (до впадения Зеи), исследовал весь Амур, проплыв до его устья (2824 км) и обратно (1655–1656).

К сожалению, историей и героическим прошлым местных приамурских поселений многие пограничники, служившие на этих заставах, если говорить честно, не очень-то интересовались. Да были на слуху центральная застава Джалинда, крепость Албазино вот, пожалуй, и все, а то, что происходило когда-то до Великой Отечественной войны, казалось таким древним и далеким и совершенно тебя не касающимся.

Для более глубокого приобщения к духу того времени, к желанию познания, не ограничивающего тебя краткой исторической справкой с информационного планшета ленинской комнаты, должно было что-то случиться. И это что-то, сумевшее заинтересовать и подтолкнуть к получению недостающей информации, к поиску истины и произошло со мной на обычной дозорной тропе.

Петр Ива́нович Беке́тов.

Действительно поиском истины занимается каждый человек всю свою сознательную жизнь. Узнавая и впитывая все новое, он невольно размышляет о смысле жизни, о своем предназначении в этой жизни, пытаясь уйти таким образом от рутины, засасывающей тебя действительности, в частности, на пограничной заставе это обыденный распорядок дня, где обязательны восемь часов сна, восемь часов службы и восемь часов бодрствования. Рассказанный ниже случай оказал в итоге положительное воздействие на мое формирующееся сознание заставив, безусловно, по-другому взглянуть на места, где я провел свои незабываемые два года службы.

Традиционно сложившаяся дозорная тропа, утоптанная тысячами пограничников, проходивших по ней минимум два раза, а в большинстве своем четыре раза в сутки, была хорошо известна и изучена вплоть до отдельно валявшегося камня, старого пенька или приевшегося сломанного дерева. Своими изгибами, подъемами и низкими местами, для пограничников заставы она была такой до боли знакомой и родной, что последние готовы вслепую на автомате пройти по ней, практически не ошибаясь. Для меня же каждая дозорная тропа на очередной заставе представлялась всегда чем-то новым, интересным завораживающим и неумолимо влекущим вперед, обогащающим твой личный мир внутренним и необходимым познанием. Меряя ее шагами, я смотрел по сторонам широко раскрытыми глазами, пытаясь ухватить и запомнить прекрасные моменты окружающего мира. Укладывая по полочкам в архив своего мозга живописные, природные места, возможно, кото-

рые не увижу в своей жизни больше никогда, я старался хорошенько запомнить и насладиться этими дивными видами притягательного края. Когда идешь непосредственно по берегу Амура, особенно впечатляет вид властной полноводной реки, широко раздвинувшей своими темными, могучими водами берега, меняющие свои очертания от высоких и крутых до пологих и равнинных. Название реки Амур произошло от тунгусо-маньчжурских языков, где основами стали слова «амар» и «дамур», переводятся они как «большая река». Китайцы называют Амур Хэй-лундзян, что означает «река черного дракона» или Амур Хэйхэ – черной рекой.

И вот эта дозорная тропа, берущая свое начало от калитки, незаметно врезанной в заборе пограничной заставы, извилисто проходящая по окраине села, разбегалась по флангам на десятки километров, оставаясь единственной ниточкой, связывающей и удерживающей тебя с родной заставой. Удаляясь с каждым шагом все дальше и дальше, ты оказывался один на один с границей и тем возложенным на тебя грузом ответственности выполнения боевой задачи, поставленной и доведенной лаконичными словами Приказа: «Пограничный наряд, равняйсь, смирно. Приказываю выступить на охрану Государственной Границы Союза Советских Социалистических Республик. Вид наряда – Дозор...» и обязательным ответом: «...Вопросов нет, приказ ясен. Есть выступить на охрану Государственной Границы Союза Советских Социалистический Республик. Вид наряда – Дозор...» И каждый раз, получая очередной приказ, вместе с чувством долга и волнующим напряжением возникало чувство ожидания, ведь какие сюрпризы может преподнести тебе новый день, ты совершенно не знаешь. Это чувство трудно объяснить, но оно было всегда – гордость, внутренняя собранность и готовность, а также взрослость и зрелость, формирующаяся не только в поступках, но и в юных головах бывших мальчишек.

На выходе из деревни, когда на улице еще совсем темно, неизвестный, низкий участок тропы я вдруг прошел как по тротуару, мысленно отметив ровный и твердый камень под ногами. Что это было, я тогда не понял. Раннее осеннее утро. Солнышко, постоянно радующее своим присутствием, своими яркими и теплыми лучами еще на тот момент не выглянуло и не озарило первым, робким светом незнакомый для меня путь, не дав возможности оглядеться. Да и не было времени, чтобы остановиться и осмотреться. Поеживаясь от утренней прохлады, я шел за старшим пограннаряда, стараясь не отстать и идти след в след, боясь в сумерках потеряться на незнакомой местности.

На обратном пути, отмотав положенные дозорные километры, при возвращении на заставу, я вспомнил свое утреннее недоумение и решил уточнить, что же все-таки было у нас под ногами. Место, где проходила пограничная тропа, оказалось аккуратно выложено гранитными плитами прямоугольной формы. Время года – осень. Опадавшие с деревьев красно-желтые листья, не выбирая место для своего пристанища на земле, частично прикрыли серые невзрачные каменные плиты. Но даже через листья кое-где просматривались какие-то надписи и цифры. Твердо и уверенно встав на плиту и совершенно не догадываясь и не сообразив в чем тут дело, я машинально стал смахивать ногой опавшие листья с плит, обнажив рукотворную надпись, выполненную к моему удивлению старославянским шрифтом. Надписи, конечно, где-то поистерлись, но прочесть и понять значение отдельных слов еще было можно. Первое, что бросилось в глаза, – это даты, указывающие об их причастности к прошлому XIX веку. На мой вопрос, откуда они здесь? старший пограннаряда объяснил, показывая на ближайший лесок, что мы практически идем рядом со старым деревенским кладбищем, где этих бесхозных могильных плит много. Кладбище со временем заросло, могильные холмики сравнялись, а большинство плит упало и потихоньку, врастая в землю, уходило в небытие, как нечто забытое и вычеркнутое из этой жизни из нашей памяти и сознания. Вот и эти плиты, потемневшие от времени свидетели прошлой жизни, пронизанные глубокими и разламывающими вековой гранит трещинами со сколотыми углами и грубыми следами длительного, невосполнимого воздействия природы и человека, смиренно смотрели на мир немым укором. Утоптанные и придавленные солдатскими сапогами надгробные плиты, якобы получившие старанием пограничников вторую, но такую не справедливую жизнь, примирившись, обреченно и медленно стирали с себя пока еще читаемые послания, оставленные потомкам, как последнюю хрупкую связь межу историческими эпохами, между прошлым и настоящим.

Впереди высокий китайский берег.

Кто и когда проявил инициативу – неизвестно, но для удобства решили воспользоваться брошенными плитами, выложив из них «дорогу в рай». Как бы ни было это кощунственно, но ходить, естественно, стало чище, спокойнее и ровнее. Атеистическое воспитание сыграло здесь злую шутку, ребята фактически не понима-

ли, что поступили неправильно, а объяснить это элементарным неуважением и осквернением могил наших предков было некому. Ведь в первый момент и у меня аналогичных мыслей тоже не возникло. Визуально заинтересовали только давно забытый шрифт и года, свидетельствующие о тяжелой, трудной, но полноценной и для кого-то вполне счастливой жизни, о людях, живших сто и более лет назад и почивавших теперь всеми забытые здесь в родной земле на окраине нашей Родины. Каждая из выложенных плит является фактическим подтверждением истории одного отдельно взятого человека. И нам не дано такого права, чтобы вершить судьбу забвения этого человека, уничтожая сохранившийся веками единственный материальный документ.

В то время в Албазино начинались первые археологические раскопки и изыскания. Однако все происходило тихо, молчаливо, возможно не так активно и афишируемо, что мы этого даже не замечали, отчего и умудрялись, не осознавая того «потоптаться» как в моем случае по древним артефактам, ждущим исторической справедливости и своего историка-археолога, с надеждой последующего незабвенного воскрешения в такой необходимой людской памяти.

Увиденное мною тогда на тропе задело отдаленные уголки души, что-то изменило внутри, заставив по-другому посмотреть и оценить настоящее, определяя свое место и роль в происходящем. Я стал осознавать, что не могу бездумно тиражировать историю на планшетах ленинских комнат, как что-то обязательное, консервативное и статичное, хотелось внести что-то новое, затрагивающее за живое. Стал вводить популярные в тот период времени элементы декоративно-прикладного искусства, используя приемы чеканки по металлу, работы по дереву с резьбой и выжиганием. По мере возможности на каждой заставе пытались создать отдельные небольшие исторические экскурсы в прошлое, способные заинтересовать, а может быть, даже и увлечь молодых пограничников из далеких уральских деревень, к сожалению, не имеющих такой богатой биографии. Через наглядную экспозицию стремились донести и приобщить личный состав пограничной заставы к вековой, насыщенной событиями истории Амурского края. Хотелось, чтобы они просто знали и могли по возвращению домой с интересом рассказывать о замечательных людях и удивительно красивом крае, где служили и становились взрослыми, о тревожных, суровых днях и ночах нелегкой пограничной службы, о границе, оставшейся навсегда в сердце каждого из нас.

«ЧЕРНЯЕВО»

Свою историю пограничная застава «Черняево» ведет с 1858 года. Именно в этом году были переселены казаки Усть-Стрелочной станицы Забайкальского казачьего войска в верховья Амура, где и была основана новая станица. В 1858–1860 гг. первым командиром 2-й (Черняевской) сотни 1-го Амурского полка был зауряд-хорунжий Савва Эпов. С этого года казаки начали нести сторожевую службу по охране рубежей России.

Сама станица была названа в честь Георгия Федоровича Черняева, родившегося в 1825 г. Происходил он из дворян Санкт-Петербургской губернии. Воспитывался в Дворянском полку. С июля 1858 г. по июнь 1859 г. командовал Амурским казачьим полком.

В истории станицы имеет место факт пребывания в 1891 г. наследника царского престола Цесаревича Николая Александровича Романова (Николай II).

Современная история Сковородинского пограничного отряда началась с мая 1924 года, когда 10-й пограничный кавалерийский эскадрон укрупняется до пограничного отряда. Дислоцируясь в селе Черняево, он получает наименование – Черняевский. В том же году пограничному отряду вручается Боевое Красное Знамя и присваивается порядковый номер, существующий по настоящее время.

Ряд организационных мероприятий по становлению и формированию системы защиты Дальневосточных рубежей связывают непосредственно с Василием Константиновичем Блюхером – героем Гражданской войны, выдающимся организатором и полководцем Красной армии.

Для обеспечения безопасности дальневосточных границ в августе 1929 года создается Особая Дальневосточная армия во главе с командующим В.К.Блюхером. В тот период В.К.Блюхер занимался вопросами организации войск. С именем полководца неразрывно связано и строительство в соответствии с требованиями военно-инженерного искусства того времени укрепленных районов дальневосточных границ. Главнокомандующий всеми вооруженными силами и военный министр Дальневосточной Республики В.К.Блюхер издает приказы, касающиеся охраны границы. На территории Дальневосточной Республики Государственная граница разделяется на пять пограничных районов, в том числе Благовещенский: от села Покровское (ныне Читинская область) до села Хинган (ныне Еврейская автономная область) включительно.

Вот здесь я позволю себе отвлечься и донести до читателя эпизод, свидетельствующий о том, что про важный этап Дальневосточной биографии легендарного полководца, одного из первых маршалов Советского Союза, я впервые узнал непосредственно от сына маршала Василия Васильевича Блюхера. Судьба свела меня с ним в самом начале моей служебной деятельности в органах государственной безопасности, незримо способствуя правильному развитию и становлению как оперативного работника. Вхождение в сложную, быстроменяющуюся, порой очень трудную и небезопасную, но интересную и увлекательную трудовую деятельность практически началось со знакового лично для меня знакомства в 1984 году с Блюхером Василием Васильевичем, ректором самого молодого вуза Урала – Свердловского инженерно-педагогического института.

Встречаясь и разговаривая по служебным делам, мы в личном общении не ограничивались только работой, свободно обсуждали различные вопросы, в ходе которых неожиданно нашли общую, объединяющую и волнующую нас тему, связанную с воспоминаниями о далеком, прекрасном и до сих пор влекущем крае – Дальнем Востоке. Эта тема была нам интересна обоим и в какой-то степени сблизила, сделав наши беседы более доверительными и открытыми.

За год совместной работы у меня сложилось только положительное впечатление об этом мягком, добром, интеллигентном человеке. Как старший товарищ, понимая мою молодость и неопытность, замечая объективные сложности, возникающие в общении с профессорско-преподавательским составом, он по-отечески помогал, подсказывал и где-то даже направлял, формируя и поддерживая в коллективе института авторитет спецслужб в моем лице.

На добрую память о тех незабываемых встречах осталась написанная В.В.Блюхером и подаренная в 1984 году книга: «По военным дорогам отца».

Пограничная застава «Черняево» появилась в станице 7 июня 1927 года. В том же году управление пограничного отряда было передислоцировано из села Черняево в село Джалинда, а в 1930 году отряд переименован из Черняевского в Джалиндинский.

До 1930-х годов пограничники заставы вели борьбу с укрывшимися на территории Китая остатками белогвардейских банд, а 10 августа 1929 года на участке заставы произошел бой с белобандитами, вошедший в историю как Висимунский.

В период обострения советско-китайских отношений в 1967 году на советские острова реки Амур было допущено 105 выходов граждан КНР, в которых приняли участие 922 человека. В том числе и на участке пограничной заставы «Черняево». В официальных источниках сообщалось: «...24 августа 1967 года группа китайцев в составе 14 человек с топорами и веслами при поддержке катеров высадилась на остров Култук (в районе села Калиновка). Находящийся на острове начальник пограничного отряда Дмитрий Макарович Ивания потребовал от китайцев покинуть советский остров, на что они ответили категорическим отказом и начали вести антисоветскую пропаганду. Пограничники, проявив находчивость и смекалку, изъяли у китайцев топоры и косы, выбросили их в воду, после чего, не давая китайцам опомниться, выдворили их с острова».

В 1969 году обстановка на советско-китайской границе, и в частности на острове Култук, вновь обострилась. В мое время в 1974–1976 годах остров Култук находился на участке пограничной заставы «Калиновка». Неспокойное и напряженное положение вокруг острова оставалось еще долго, а хулиганские и провокационные действия китайских граждан и военнослужащих в этот период отмечались на заставах неоднократно.

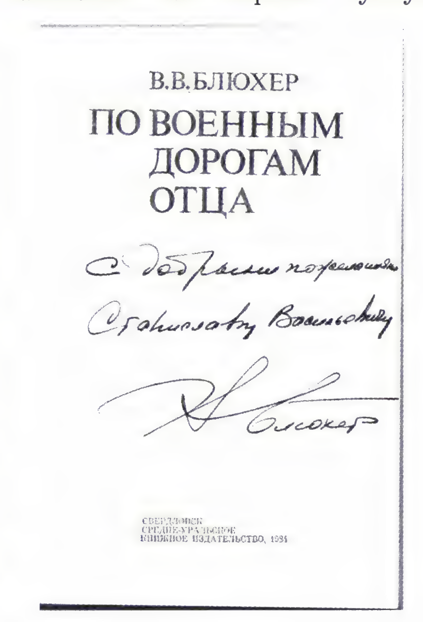
Мне посчастливилось застать, познакомиться и затем с удовольствием вспоминать те минуты общения с легендарным командиром 55-го Джалиндского пограничного отряда полковником Ивания Дмитрием Макаровичем (1965–1972 гг.). Отряд в период с 1965 г. по 1969 г. дислоцировался в селе Джалинда Сковородинского района, а с 1969 года – в городе Сковородино Амурской области, ставшего впоследствии Сковородинским пограничным отрядом Краснознаменного Дальневосточного пограничного округа.

Первое наше знакомство состоялось весной 1975 г. в Сковородинском пограничном отряде. К нашему глубокому сожалению, это произошло после бессонно проведенной ночи, непосредственно связанной с приездом в отряд группы офицеров Дальневосточного пограничного округа.

За два года службы нами было отмечено одно свойство, заключавшееся в том, что физиология молодого организма, оказывается,

В.В.Блюхер.

В.В.БЛЮХЕР
ПО ВОЕННЫМ ДОРОГАМ ОТЦА

С добрыми пожеланиями
Станиславу Васильевичу

Блюхер

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1984

Д.М.Ивания.

построена таким образом, что человек, не отдыхавший предыдущую ночь, начинает независимо от твоего желания и сопротивления засыпать где-то к обеду. И особенно тяжело себя чувствуешь в период с 11.00 до 13.00 часов. Если же ты перетерпишь или отдохнешь в этот момент, покемарив немного пусть даже за рабочим местом, то дальше будешь ходить как огурчик, готовый к новым трудовым и служебным подвигам. И вот надо же такому случиться, что именно в этот промежуток времени к нам в мастерскую и зашел незнакомый полковник из округа. Войдя в сопровождении начальника политотдела подполковника Солёнова В.Д., он сразу приковал к себе наше внимание своим неординарным внешним видом. Застав нас врасплох, полковник, недовольно передернув густые черные усы и по-хозяйски осмотревшись, твердым, поставленным командирским голосом высказал несколько нелицеприятных замечаний в наш адрес по форме одежды и бардаку, царившему в помещении. В первую очередь, он отметил наш не совсем бодрый и свежий вид. Да, усталость, вялость, явный недосып и заторможенность четко просматривалась в наших действиях и на наших лицах, а расстегнутые воротнички, засученные рукава и отсутствие солдатских ремней заканчивало неприглядную картину нарушения общепринятого порядка приветствия вышестоящего начальника. Общая обстановка хотя и свидетельствовала о непрерывном рабочем процессе, все равно скрыть наше незавидное положение от взгляда опытного и, как потом выяснилось, боевого командира не смогла. Стараясь следовать незыблемому закону срочной службы: избегать встреч с вышестоящими командирами и поменьше попадаться на глаза начальству, мы заранее, чувствуя одним «мягким» местом возможные последствия, создали в мастерской видимость активного производства работ. Разбросав фанеру, рейки, металл и инструменты, мы даже не думали подметать опилки и обрезки дерева и металла после активного ночного труда. В данной ситуации нам, скорее всего, было важно мнение не какого-то приезжего полковника, а мнение подполковника В.Д.Солёнова как непосредственного начальника.

Дав команду открыть «каморку», где размещалось оборудование станции ОЗС-51, подполковник В.Д.Солёнов пригласил полковника зайти, чтобы выбрать подарок из находящихся там заранее подготовленных чеканок по металлу. Увидев большое разнообразие сувенирных и подарочных изделий из белого металла, сверкающих и играющих светом своих полированных поверхностей, покрытых кое-где бронзой, подчеркивающей и акцентирующей внимание на основном сюжете, полковник, уже в приподнятом настроении и с появившейся искоркой в глазах, эмоционально выразил свое удовлетворение. Проявив повышенный интерес к представленным работам, он стал расспрашивать меня о технологии процесса изготовления чеканки и времени, затраченного на их изготовление. В ходе этого разговора подполковник В.Д.Солёнов и объяснил полковнику наше настоящее состояние, создавшее первое и такое несправедливое негативное впечатление как результат бессонно проведенной ночи в связи со стремлением закончить все работы к приезду гостей из округа. А теперь, чтобы понять смысл вышесказанного, вернусь на несколько месяцев назад.

Мой предшественник, призванный из Татарстана и уволившийся в декабре 1974 года, перед демобилизацией настоятельно порекомендовал мне считать все сделанные за два года службы чеканки, искренне сожалея о том, что сам этого не сделал. Я же только в конце службы понял значение этих слов, когда смотрел на итоговую цифру в 268 чеканок и удивлялся, как и когда я смог все это «провернуть». После двух лет службы мои работы были на всех заставах Сковородинского погранотряда, украшали стены столовых и клуба отряда, «генеральской» бани и холлов казарм боевых подразделений. Кстати, «генеральская» баня, построенная в 1976 году на территории парка автобатальона и названная так в связи с тем, что доступ туда имели только начальник отряда подполковник В.И.Захаров, начальник штаба подполковник В.Прокофьев и начальник политотдела подполковник В.Д.Солёнов, была местом неформального приема гостей и проверяющих комиссий. Обшитая внутри деревянной «вагонкой» и имеющая сводчатый потолок, она была оформлена нами в технике выжигания по дереву, где с одной стороны на всю стену было изображено большое дубовое дерево, под кроной которого за столом с самоваром и баранками сидели хитрющие, распаренные и довольные старик со старухой, а на другой стене – морской пейзаж с бушующим морем и старинным парусным кораблем, сопротивляющимся и боровшимся с разбушевавшейся стихией. Эта баня всегда производила достойное впечатление на гостей и запоминалась ими надолго.

Негласно наша мастерская была поставщиком сувенирной продукции для офицерского состава Центрального аппарата Погранвойск СССР, приезжающих в Дальневосточный пограничный округ с различного рода проверками и инспекциями, а также знаменитых гостей и партийных руководителей разного ранга как местного, так и Центрального аппарата. Иногда мы сутками не выходили из мастерской, выполняя срочный заказ. И вот, чтобы в следующий раз не оказаться врасплох и не выполнять аврально срочное задание, я постепенно в свободное время заранее делал чеканки на пограничную тематику и складировал их в отдельной «каморке», куда имел доступ только начальник политотдела отряда.

Тогда мы далеки были от понимания того, что нас использовали для достижения каких-то своих корыстных и возможно карьерных целей, воспринимали это как само собой разумеющееся и иногда даже пользовались своим несколько привилегированным по-

ложением, формируя хорошие отношения с офицерами штаба Сковородинского погранотряда, поскольку подчинялся я только начальнику политотдела.

Вернемся к весне 1975 года. Первое и такое запоминающееся впечатление от знакомства забыть было просто невозможно. Вошедший за начальником политотдела полковник, стройный подтянутый, казавшийся высоким (он всегда ходил в папахе), в начищенных до блеска сапогах, казался нам строгим и требовательным командиром. Живые, яркие глаза, смуглая кожа и большие черные усы резко и значительно выделяли его среди других (гладко выбритых) офицеров, подчеркивая индивидуальность и значимость. Возникшая сразу же ассоциация с выдающимся полководцем С.М.Буденным нашла свое продолжение позже, а в первый момент помимо усов я хотя и слышал какой-то металлический звук, издающийся при хождении полковника, но не понимал причину его происхождения. Когда я спросил об этом других офицеров, мне сказали: «...а ты посмотри на его сапоги и все поймешь. Если бы ему разрешили носить шашку, он бы и сейчас ходил с шашкой на боку...» При следующей встрече я обратил внимание на его сапоги и действительно увидел металлические шпоры, издающие и объясняющие не понятный поначалу звук. Так, в образе Буденного он и запомнился как молодцеватый боевой казак, этакий кавалерист-рубака. Офицеры в отряде его с уважением звали «Батя».

В 1975 году полковник Д.М.Ивания занимал должность заместителя начальника штаба войск Дальневосточного пограничного округа КГБ СССР, а Сковородинский пограничный отряд всегда считал своей вотчиной, родным и близким по духу отрядом, где мог с удовольствием решать как служебные задачи, так и наслаждаться минутами отдыха, заряжаясь положительной энергией.

В дальнейшем мы неоднократно встречались как в отряде, где он с разрешения подполковника В.Д.Солёнова самостоятельно заходил и выбирал для себя очередной подарок в виде чеканки, так и на заставах границы, где обязательно подойдет, поздоровается, а то и просто затеет разговор «по душам», расспрашивая о службе, о доме. В этих не многих встречах и разговорах, зная, что я из Свердловска, всегда первым протягивал руку, обращаясь как к земляку. Полковник Ивания Дмитрий Макарович знал Урал, любил и по-доброму говорил о природной красоте рек и хвойных лесов географического центра страны. С уважением говорил и о людях – крепких, мастеровых, надежных. С его слов, он, якобы, жил в Курганской области. В целом отмечая положительно результат замены призывников из национальных республик на призыв ребят из Свердловской области, он хорошо отзывался о молодой смене уральцев. В первую очередь отмечал их выносливость и подготовленность к сильным морозам, умение и навыки обращения с лыжами и особенно, что почему-то запомнилось, это небоязнь темноты. При этом высоко оценивал их возросшую роль в укреплении защиты рубежей Дальневосточной границы.

Наше общение способствовало и работало на мой авторитет в глазах начальников застав и офицерского состава, а также среди личного состава пограничников, что было лестно и приятно для обычного сержанта, но, как правило, зная крутой нрав полковника (неоднократно становились свидетелями разбора с офицерским составом действий пограничников по результатам учебных тревог), мы, конечно же, боялись и старались лишний раз не попадаться ему на глаза.

С 1987 года в звании генерал-майора Дмитрий Макарович Ивания ушел в запас, проживал в городе Киеве. В августе 1999 года в возрасте 73 лет он был объявлен в розыск и числился пропавшим без вести.

В настоящее время в центре села Черняево установлен обелиск в память о пограничниках, погибших в Висимунском бою от рук белокитайцев в 1929 году на острове Висимун, расположенном на реке Амур, напротив села. Здесь находится и братская могила пограничников. Не знаю, как выглядит этот обелиск сейчас, но я помню другой небольшой бетонный памятник, покрашенный белой известью с красной звездой, скромно стоявший в стороне от дозорной тропы и практически заросший кустарником. Да на памятнике была табличка с именами и фамилиями погибших пограничников – командиры отделений Иван Сарапульцев, Иван Шешуков, красноармейцы Василий Ростовцев, Яков Белкин, Иннокентий Новичугов. Приказом ОГПУ № 279 от 15 декабря 1929 года их имена навсегда занесены в списки личного состава пограничной заставы «Черняево» и Сковородинского пограничного отряда.

Тот памятник и то место, где он находился, если смотреть с позиции сегодняшнего дня, конечно, не выглядели достойно. Отсутствие благоустройства, доступного подхода, свободы обозрения и должного ухода свидетельствовали о внимании ограниченного круга лиц, делая его больше домашним, камерным, но и в то же время более значимым для патриотического воспитания молодого поколения пограничников. Только пограничники, неся службу и проходя мимо дозорной тропой, обязательно сворачивали с тропы, считая своим долгом постоять, молча сняв фуражку, отдавая таким образом дань памяти и чести пограничникам-защитникам Родины. Удивительно, но в селах, где не было центров притяжения памяти людей, пограничники, не знавшие историю края, историю села, бережно оберегали и по мере возможности ухаживали за теми немногочисленными местами, связанными со сравнительно молодыми страницами истории современной границы, закладывали свои, как им казалось, нерушимые традиции сохранения памяти.

До службы в армии я только в фильмах видел, к каким ухищрениям прибегали нарушители государственной границы, преодолевая различные заградительные системы. В действительности же оказалось намного проще и про-

заичнее. Только в 1970-х годах в Сковородинском пограничном отряде вдоль границы на берегу реки Амур и, в частности, на заставах «Черняево», «Ольгино» и «Калиновка» началось строительство инженерно-технических проволочных заграждений С-100 «Скала» с контактной электрической сигнализацией. Первые возводимые инженерно-технические системы в какой-то степени помогали и облегчали несение службы пограничникам, но из-за особенностей природного ландшафта и сложившегося рельефа местности заграждения устанавливались отдельными участками на основных направлениях возможного прорыва, к сожалению, не перекрывавшими границу полностью. Пограничники продолжали по старинке накручивать километры, веря только в свои силы и главных своих четвероногих помощников – собак. На участках этих застав, в связи с наличием больших затопленных территорий и непроходимых болот, даже в семидесятых годах были участки границы, которые не охранялись, и я эти участки знал.

Как правило, где стояла система, там обычно пытались проложить и Контрольно-следовую полосу (КСП), – это распаханная полоса земли вдоль государственной границы, фиксирующая и сохраняющая следы пересечения государственной границы потенциальными нарушителями людьми и животными. Как я узнал на практике, учебная и реально действующая полоса – это две разные вещи. Хоть и создавались инженерные системы для усиления охраны и облегчения условий несения службы, но в жизни не все так просто. Стоит только представить полоску распаханной каменистой земли, змейкой проложенной по совершенно не равнинным сопкам.

Иду я дозором на заставе «Ольгино» впервые вдоль КСП, опыта и навыка никакого, внимательно всматриваюсь, как учили, на распаханную землю, боясь не заметить и пропустить возможные следы нарушителя. Останавливаясь и с интересом рассматривая какие-то следы зверей, скорее всего,

Застава «Ольгино». С земляком из Свердловска Володей Захаровым.

оставленные гуранами (дикими козлами), косулями или изюбрами, я еще подумал, вот, кому совершенно без разницы, где и куда идти, для них нет границ, одна единственная преграда – река. Даже проволочное заграждение системы преодолевается ими легко и с ходу.

Более опытный старший погранпаряда, видимо, заметив мое рвение в поиске нарушителя, остановился возле КСП, где не было системы и, подождав, когда я подошел, показал на валявшуюся на той стороне КСП деревянную палку. Объясняя по ходу, что якобы палки там ранее не было, он попросил ее принести. Увидев мое удивленное лицо и услышав недоумевающий вопрос: «Каким образом?», спокойно без эмоций сказав в ответ: «...не хочешь, не надо...», уверенной и решительной походкой направился прямо через КСП. Перейдя распаханную полосу и осмотрев валявшуюся палку, такой же уверенной походкой вернулся обратно. Видя мой растерянный взгляд и произведенный эффект от его действий, посмеиваясь, спросил: «Ну что, увидел следы?..» Я, действительно внимательно наблюдавший за его передвижением, пытался обнаружить хотя бы признаки следов, но их не было. Потрогав почву и ощутив твердую корку земли вперемежку с камнями, я задал «неуместный» вопрос, зачем тогда здесь КСП и какова ее роль в системе охраны? На что мне и было в доступной форме разъяснено, что за КСП необходимо постоянно следить, периодически вспахивая и поддерживая надлежащее качество поверхности, а делать это некому, и под воздействием атмосферных осадков полоса постепенно превращается в обычный грунтовый слежавшийся покров. Такую полосу в принципе может запросто преодолеть даже не подготовленный человек так, что дозор и не заметит. Чтобы еще раз в этом убедиться, я лично прошел туда и обратно, пытаясь найти свои же следы. После тщательного осмотра, ничего не обнаружив, растерянный и озадаченный от понимания бессмысленности данного мероприятия, я с чистой совестью снял с себя обязанности следопыта и зашагал вдоль КСП, получив урок, преподанный самой жизнью. В таких случаях надежда оставалась только на верного друга и полноправного участника наряда – пограничного пса.

Там же, на заставе «Ольгино», я узнал Севу, молодого пограничника, предыдущего весеннего призыва. Любимец заставы, внешне неказистый, маленький, щупленький, лопоухий, он был добр и чист душой. Озорной, веселый и жизнерадостный Сева не давал скучать никому. Даже просмотр художественного фильма «Ленин в октябре» или другого аналогичного фильма вроде «Броненосец Потемкин», так как иных на заставе просто не было, Сева, обладая искрометным чувством юмора, превращал в маленькие шедевры умозаключений и выводов, присущих представителям малой родины. С неиссякаемым деревенским фольклором и колоритом комментируя сюжет фильма или

отдельные его кадры, он был незаменим и гениален в плане выработки концентрации внимания пограничников к фильму, который они, просматривая в десятый раз, воспринимали как новый. Коробки с фильмами периодически завозились на заставы и иногда месяцами не менялись. Прокатывались они на узкопленочной аппаратуре «Украина» и позволяли один и тот же фильм смотреть в различных вариациях – с ускоренной перемоткой или обратным ходом. Поэтому один и тот же фильм пограничники смотрели до десяти раз. Добавленные к этому удачные, не повторяющиеся шутки и бурное навязываемое обсуждение, действительно делали каждый просмотр не просто забавным, но и интересным.

Сева был маленького роста и очень худой, поэтому выход в пограничный наряд, особенно зимой и в сильный мороз, был для него личной трагедией. Жутко боясь холода, он пытался одеть на себя все, что возможно, что приводило иногда к забавным и смешным ситуациям. Однажды в ходе просмотра художественного фильма в спальном помещении, в свободном пространстве между койками появился бесформенный комок одежды в виде «шарика» на двух валенках. Маленький «шарик» из бушлата, шинели и тулупа, одетых друг на друга, медленно прокатывался между койками к выходу из спальни. Это Сева собрался заступать на службу в пограничный наряд. Кто-то случайно, а может быть и специально ради шутки, легко подтолкнул пограничника, уронив его на пол к всеобщему удовольствию. Повалившись на бок, Сева, смешно болтая ногами и пытаясь при этом достать до пола, продолжал шутить, высказывая свои нескончаемые прибаутки. Видит бог, он очень старался, но никак не мог встать. Смеху было много, пока он не взмолился поднять и поставить его на место. Обернув случившийся казус в шутку, озорной пограничник так и ушел получать боевой приказ на «охрану государственной границы».

Застава «Ольгино» находилась в деревне, стоявшей на берегу Амура, а вот свое наименование она получила по названию другой реки, протекающей по участку пограничной заставы. Полноправной деревней ее трудно назвать, т.к. осталось всего несколько домов, где проживали старожилы-пенсионеры. Кстати, проживал в деревне и натуральный китаец. Обосновавшийся здесь еще во времена революции, он, несмотря на тяжелые годы военного противостояния и не совсем добрососедские отношения, похоронив здесь свою старушку, жил один, как отшельник, помогая соседям и пограничникам врачеванием традиционной китайской медициной, используя массаж и местные лекарственные травы. Собирая, высушивая и настаивая только ему понятные отвары и лечебные средства, он никому не отказывал в помощи, был для окружающих и больницей, и аптекой, за что в этой забытой деревне его любили и уважали.

На всем протяжении деревни были относительно «открытые» участки границы, оборудованные малозаметным препятствием (МЗП) из стальной проволоки «путанка», а в ночной период времени выставлялся «часовой границы», патрулирующий данный участок.

Если Сева заступал «часовым границы», то это был бесплатный концерт на всю ночь. Веселые, разухабистые песни, раздающиеся на всю улицу, сменялись мелодичными и лирическими, словно поменялась пластинка, но не исполнитель. Стараясь петь громко и не совсем попадая в ноты, он, обделенный поклонниками, живо реагировал на подвывание местных собак, число которых постепенно увеличивалось, превращаясь в какофонию лая, сопровождающегося общим, нестройным нагромождением звуков. Причем, когда он прекращал на какое-то время свое сольное выступление, то деревенские собаки с разных сторон недвусмысленно напоминая о себе, как бы приглашали продолжить совместное творчество. Даже для собак он был своим человеком. Сева не только пел, но и пытался танцевать. Пускаясь в пляс, он старался одновременно согреть себя накручиванием кругов вприсядку, выдавая за элементы танца замысловатые «па». В этот момент маленький Сева был занят только собой, чувствовал себя королем, обласканным если не людьми, то хотя бы собачьим вниманием. Черная, дьявольски темная ночь и сильнейший мороз уже не были спутниками угнетающего одиночества. Для него было с кем «поговорить» и скоротать так медленно текущее время.

Кто знает, почему он это делал, может от скуки, но скорее всего для храбрости. Совсем еще мальчишка, внешне тщедушный и явно неспособный противостоять физическому воздействию, он открыто предупреждал этим свое присутствие, свидетельствующее о наличии полноправного пограничного поста. Громким пением он как бы отпугивал потенциальных нарушителей, давая понять – «я здесь… граница на замке … и нечего соваться…» К тому же отпадала необходимость его проверки, выйдешь с заставы, услышишь знакомый голос – и на душе легче. В то же время, знакомое с детства крылатое выражение «тишина на границе», характеризующее мирное состояние режима охраны границы, здесь явно не подходила.

«КАЛИНОВКА»

Сообразительности советских пограничников, стремящихся любым способом облегчить «тяготы и невзгоды» военной службы, иногда можно только позавидовать. Ярким примером вышесказанного может служить неоднозначный факт интуитивного, подсознательного поведения, когда молодые пограничники заставы «Калиновка», руководствуясь сиюминутной выгодой, не отдавая себе отчета и не предвидя возможных негативных последствий, пересекали, причем неоднократно, Китайскую границу. Занимательное по своей сути, но не правовое по факту исполнения, это действо наглядно показывало разное отношение двух противостоящих систем к принципам и предъявляемым требованиям несения пограничной службы. Китайская сторона, основываясь на

том, что советские пограничники подобающим образом несут свою службу, считали, что нет большой необходимости усердствовать, затрачивая физические силы на патрулирование и контроль границы. Зима, снежные заносы, холодно и нет желания выходить на улицу. Периодически появляясь на берегу в количестве 3–4-х человек, вооруженные один автоматом, остальные – винтовками, китайские пограничники не торопясь осмотрят берег, подержат в руках бинокль, что-то обсудят, активно жестикулируя руками и бегом обратно на заставу. Вот и весь пограничный контроль. Река Амур, благодаря исторически сложившемуся рельефу, несет свои воды, к сожалению, не по прямой линии. Веками, подчиняясь силам природы Амур, имея горный характер и сильное течение, прокладывая себе путь между сопками и пополняясь по ходу многочисленными притоками, имел извилистое и непредсказуемое русло, делая петлю то в одну, то в другую сторону. Наши пограничники, в зимний период времени, отлично знавшие, что китайцы при несении службы далеко от своей заставы не отходят, использовали это в по полной программе. Чтобы облегчить процесс несения службы, а именно сократить протяженность дозорной тропы, т.е. уменьшить проходимый километраж, пограничники, решили не повторять изгибов реки. Действуя с математической точки зрения по принципу, что самый короткий путь до конечной точки идет по прямой, они, не задумываясь о возможных последствиях, прокладывали себе путь вперед с «пролетарской» прямотой, то и дело выходя то на советский, то на китайский берег. Сколько бы это продолжалось и чем закончилось, неизвестно. Но однажды приехавшие с инспекцией из округа офицеры решили ознакомиться с процессом несения службы пограничных нарядов на заставе «Калиновка», для чего и направились с проверкой по дозорной тропе.

Привычные ко всему офицеры, легко пройдя несколько километров, неожиданно для себя вышли на лед Амура и остановились в растерянности. Тропа прямо, не сворачивая, уходила по льду реки на территорию Китая, причем хорошо утоптанная и не какая-нибудь временная, а вполне нахоженная. Одним своим внешним видом и состоянием тропа показывала, что пользуются ей пограничники часто, хотя справедливости ради нужно сказать, что в этом месте она раздваивалась и вторая ее часть, менее утоптанная, проходя, как положено по территории СССР, повторяла очертания реки. Ошеломленные таким открытием и неслыханной дерзостью офицеры округа, организовав засаду, стали поджидать возвращения «лихого» пограничного наряда с маленькой, но теплящейся надеждой, что увидят их возвращающимися именно по своему берегу. Чуда не произошло. Отлично просматривающиеся на ровной поверхности реки, ничего не подозревающие пограничники «дозора», мирно разговаривая между собой, приближались к родному берегу. К глубокому сожалению пограничников, шли они с территории Китая туда, где их ждал очень неприятный и не гостеприимный сюрприз, однако в тот момент предвидеть этого они не могли. Подойдя и вступая на берег, спокойные и уверенные в себе «нарушители», вдруг услышали: «Стой, пропуск». Мгновенно прыгнувшие в разные стороны от тропы пограничники, зарывшись в снег, растерянно смотрели, осознавая и прокручивая в голове, что голос им не знаком и что бы это вообще могло значить. Старший пограничного наряда, готовый к решительному отражению возможного нападения, назвал пропуск, потребовав отзыв. Услышав в ответ правильный отзыв, пограничники облегченно вздохнули, но соблюдая осторожность, медленно поднялись и вышли на берег. Увидев незнакомых офицеров, бойцы были несколько обескуражены. Абсолютно уверенные в правоте своих действий они даже тогда, стоя на берегу, не сразу поняли, что от них хотят офицеры, задавая странный вопрос: «Откуда они пришли?» Как само собой разумеющееся молодые погранцы наивно считали, что только они охраняют границу, не думая и не придавая значения самому факту совершения со своей стороны противозаконных действий, говоря искренне, что «китайцами здесь и не пахнет». Роковую ошибку они, конечно, поняли, но только позже, после принятия соответствующих организационных и дисциплинарных мер. Разборки были серьезные, досталось всем.

Таким образом, благодаря бдительности и профессионализму офицеров-пограничников был ликвидирован еще один хорошо «налаженный» и периодически действующий канал «легального» пересечения государственной границы СССР и Китайской Народной Республики.

(Продолжение следует)

КАЖДЫЙ РАЗ, УХОДЯ, ПРОЩАЛИСЬ...

По воспоминаниям Розы Николаевны Терентьевой (Кононовой)

Мария ГАБТРАХМАНОВА

научный сотрудник Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». Живет в Нижнем Тагиле.

Автор выражает благодарность методисту ГАУ «КЦСОН «Золотая осень» города Нижний Тагил» Ирине Николаевне Пилипец за предоставленные материалы.

Семьдесят пять лет прошло с того январского дня 1944 года, когда была снята блокада Ленинграда. Казалось бы, эти события уже утратили свою остроту и нашли свое место в учебниках и памятниках. Но только стоит прочитать строки воспоминаний участников событий, как сжимается сердце и в голове – одна мысль: «Это не должно повториться. Никогда».

Нижний Тагил, станция Сан-Донато. Лето 1942 г.

«*Ботва жирная, выдернуть – и там крупная картофелина посажена. Мы да в лесок. Об траву вытерли и ешь – понравилось. Никому не говоря, обедали, и опять гулять да кушать с поля. Ножичек с собой взяли. Ботву и очистки закапывали, а картошкой наслаждались. Уголок поля голый стал. И какой-то объезжал на лошадке верхом дядя, увидел такое, глянул в лес и увидел нас. Слез с коня и так доброжелательно говорит: «Вы из Ленинграда, жалко мне вас, но прекратите это, умереть можете, вон сколько съели, а где, у кого живете?» – Мы не говорим, а плачем*», – это строки из воспоминаний Розы Николаевны Терентьевой (в девичестве Кононовой), жительницы блокадного Ленинграда, эвакуированной в Нижний Тагил летом 1942 г.

Ленинградская блокада длилась без малого 2,5 года (с 8 сентября 1941 г. по 27 января 1944 г.) и унесла жизни по разным данным от 600 тысяч до 1 млн 500 тысяч человек. Среди них и жертвы артобстрелов и бомбардировок, которым регулярно подвергался город, и жертвы «тихих убийц» – голода и холода.

Розе Николаевне, ее сестре Люсе (Людмиле Николаевне Щекутовой) и их матери повезло: старшая сестра эвакуировалась вместе с заводом на Урал еще в июне – августе 1941 г. – до блокады. Она-то и вызвала своих родных из осажденного Ленинграда в Нижний Тагил.

«*Мы мечтали об Урале*, – так пишет в своих воспоминаниях Роза Николаевна. – *Сестра из Тагила делала вызов, чтоб мы ехали в Тагил, там 800 г хлеба. Как мы радовались, представляя: 4 раза можно по 200 г есть. А отец, уже уходящий из жизни, с таким азартом заулыбался: «Неужели – правда, увозят нас, как же встать на ноги, а?» Но не дождался*».

До блокады было их пять человек: отец, мать и три дочери – семья Кононовых.

Блокада не пощадила главу семьи. Его смерть от голода на глазах у дочерей – тяжелое воспоминание, которое осталось с Розой Терентьевой на всю жизнь.

«*Я сейчас пишу и плачу. Этого не забыть. Дома лежит неделю, врач ходит, помощи никакой, просто отмечал, что жив, а потом больничный дает и иди опять отмечаться. Каждый раз, уходя, прощались с ним, и так между собой, ведь уходишь из дома, не знаешь, где застанет бомба, обстрел дальнобойных, то просто от голода. Вот отец уйдет несколько раз с трудом, а далеко ведь пешком идти и где-то свалится. Голод брал свое. Находились люди, сообщали родным адрес, где лежит больной (адреса – все люди носили записки). Нам везло три раза. Сообщали, и мы туда на санках везли его, сами еле живые, а квартира на втором этаже. Надо поднять, не можем, он крупный был, хоть и дистро-*

фик, но кости имели вес, и он стонет: «Дайте крошечку ли корочку мне, и может я сумею помочь, есть хочу, оставьте меня здесь, в подъезде и идите». Описать, как он, бедный, крупный такой мужчина, рыдал, показывая руки и, тряся ими, рыдал: «Есть хочу, мне плохо. Вот руки, ноги есть, умираю с голоду, а вы все за мной на очереди». Купим пайку 250 г. Он делит на три части, уже лежал тогда. На стенку вешал мешочек хлеба. Съест один, лежит и мешочек гладит, щупает и опять берет».

Все выше описанное – страшная реальность блокады, которую в наши дни можно увидеть только в кошмарном сне. Но люди жили и в таких условиях. Примиряясь с жуткой действительностью, пытались выжить. Иногда теряя при этом чувство собственного достоинства и, порой, человеческий облик.

В блокаду бок о бок с Розой Терентьевой и ее семьей жила тетка, сестра матери – тетя Муся (до войны Кононовы жили в г. Урицке станции Лигово, но с подходом «немца» перебрались в Ленинград).

Читая воспоминания Р.Н.Терентьевой о тете Мусе, складывается впечатление, что та жила в иной реальности, нежели сестра и ее дети: «сильная», «сытая» – так описывает Роза Николаевна свою тетю в дни блокады.

«Тете Мусе удалось устроиться в магазин отоваривать военных».

«Понятно, ожила» – комментирует в своих воспоминаниях Роза Николаевна.

«Сама отъелась. Шоколад американский 70 см толщиной, сахар кусками да и другие продукты приносила и все закрывала в шифоньер. Горох проращивала в шифоньере, ростки длинные висят, жрет сама, чтоб мы облизывались».

Как же разительно отличался ее быт от быта ее сестры, матери Розы Николаевны!

«Мама нальет нам кипяточку, а мы посолим, и мама по крошечке кинет, а тетка шоколада 70 см толщиной съела кусок и сахар кладет в кружку и говорит: «Сестренка, я бы тебе дала, да ты ведь своим крысам отдашь». Мама в слезах, и мы, на нее глядя, тоже отвечаем ей: «Нам не надо». «Мне, Мусенька, эти крысы – мои дети».

Тетя Муся, по словам, Розы Николаевны, «превратилась в пантеру». Она третировала своих племянниц угрозами выгнать из своей квартиры.

При этом, по воспоминаниям Розы Николаевны, сама тетя Муся *«частенько не ночует, а часто у соседки собирались гулянки, где, видно, богатый стол, музыка, пляски, а мы с завистью и злобой слушали».*

И тут же Роза Николаевна объясняет и причину всего этого изобилия: *«Так было: она гуляла не с простыми солдатами, а с офицерами (она хороша собой, конечно, была), а дочь так и жила в садике».* Увы, судя по всему, тетя Муся придерживалась принципа «Война все спишет»...

Как говорится, без комментариев...

Блокада испытывала людей на прочность (и физическую, и нравственную) постоянно.

Однажды 15-летняя Роза едва не поддалась искушению: *«Я сама как-то шла и диво увидела: девочка лет десяти несет хлеба кусочек в руке у груди, и у меня глаза засветились и мысль схватить у нее, а ноги еле таскались, и моментом представила, как будут бить, а о девочке, вроде как, и не подумала, но ... слава богу, а то до сих пор маялась бы совестью».*

Тех, кто норовил стащить хлеб прямо из-под руки у прилавка или обкрадывал по пути из магазина, ленинградцы, действительно, били. По воспоминаниям Р.Н.Терентьевой, били жестоко.

«Были и у нас два случая – выхватили хлеб у окошка (магазина). Особенно (запомнился случай): лет 12 мальчик, его тут же, в магазине темном, поймали, как били страшно. Мы кричали: «Не бейте больше!» Его отпустили, а кто-то хлеб увидел на полу, нам отдали. Не носили хлеб в открытую, а прятали за пазуху или в мешочек».

Голодающие ленинградцы искали пищу, где могли и как могли. Порой ее находили, что называется, у себя под ногами: *«Однажды иду на работу, недалеко от реки Мойки (фабрика на Мойке) на улице гляжу – кучка людей, наклонившись, что-то собирают и в рот. Дуют на руки и опять в наклон. Подхожу. Оказывается, в госпиталь везли молоко, и упала фляга, разбилась. А мороз в раз схватил, и люди скоблили лед белый, видно, давно. Я протиснулась тоже. Правда, были только редкие белые пятна, но подсела и давай скоблить да в рот. Ох и жаль, как тепло бы было рукам, кому подвезло, то первыми полизали хорошо, а я пошла, дуя в руки, еле отогрела».*

И – совершенно поразительный случай: *«Как-то на улице Моховой упала лошадь (ехала с хозяином), а тут же после бомбежки дом разрушило, и откапывали из развалин людей. Много было народу, и все сбежались с мечтой растерзать лошадку, но быстро ее увезли».*

Иными словами, картина следующая: разбомбило дом, люди собрались, кто-то разбирает завалы, вытаскивает пострадавших, оказывает им первую помощь, кто-то стоит рядом, сочувствует. Но вдруг неподалеку падает лошадь, и те же люди, которые минуту назад откапывали из-под завалов пострадавших, бросают все и бегут к упавшей лошади с большим желанием ее съесть!

В пищу жители осажденного города употребляли то, что, казалось бы, употребить нельзя: например, столярный клей. Его на рынках-толкучках продавали плитками, как шоколад. Из клея ленинградцы делали «холодец»: заливали водой, добавляли соль, варили и разливали по тарелкам.

Здесь же на рынках продавали и мясо. И котлеты из этого мяса.

«Не знаю, брал ли кто?» – задается вопросом Роза Николаевна.

А вопрос этот совсем не праздный: многие выжившие блокадники, в том числе и Р.Н.Терентьева, описывали лежащие на улице трупы «с вырезанными мягкими частями тела»...

Во все времена и при любых обстоятельствах были и есть те, кто «ловит рыбку в мутной воде», и блокада Ленинграда также не стала исключением.

Огромной проблемой для блокадников было похоронить умерших родственников: транспорта практически не было – покойника надо было везти до кладбища «на себе»; не было гробов, поэтому тела умерших зашивали в простыни, одеяла. Сложней всего дело обстояло с могилами – умерших было много, хоронить было некому, у истощенных родственников едва хватало сил довезти почившего до кладбища (а то и не хватало, описаны случаи, как тела покойных оставляли на полпути), но выкопать могилу они были уже не в состоянии, тем более зимой.

Выход из положения был найден довольно быстро: братские могилы – длинные рвы, в которых хоронили умерших. Но, по воспоминаниям Р.Н.Терентьевой, в таких траншеях *«глубина еле-еле, только снег лежит и земли мороженой. Туда и сбрасывали трупы, прикроют снегом, никому не надо знать. А весной плавали по кладбищу трупы»*.

Естественным было желание близких похоронить своего родственника «по-человечески». И находились люди, которые за «плату», в качестве которой обычно выступал хлеб, сахар, копали могилы и хоронили умерших. Умирающие от голода люди «платили» хлебом за могилу для своих родных, и хорошо, если «могильщик» оказывался честным человеком. Но могло быть и совершенно иначе: *«Люди рады были оставить труп по-человечески, а уйдут с кладбища, («могильщики») выкинут труп и вновь продают»*.

Такой вот «бизнес»...

Несмотря на юный возраст и голод Р.Н.Терентьева работала: *«ежедневно ходила к фабрике работать, возили дрова, в госпиталь шили белье и дежурить там по палатам, за ранеными ухаживать»*. Весной 1942 г. вместе с другими учащимися ФЗО участвовала в посевной.

Но вот, наконец, наступил долгожданный момент: семья Розы Николаевны покидала блокадный Ленинград и отправлялась на Урал, в Нижний Тагил. Уезжали 6 июня 1942 г. Отъезду предшествовали проводы: *«все плакали от зависти, обнимались как родные»*. Даже тетя Муся немного «оттаяла» и организовала машину с шофером из воинской части для перевозки вещей (багажа).

Блокадный Ленинград остался позади, осталась позади и первая, самая страшная, блокадная зима.

Но голод не выпускал блокадников из своих цепких рук и здесь, на Большой земле.

Совершенно понятным было желание любого, кто хотя бы краем уха слышал о блокаде, читал о ней в газетах и, тем более, видел блокадников воочию, их первым делом накормить. И потому вчерашних блокадников поначалу щедро снабжали едой – сухим пайком, в который входили буханка хлеба, кусок сала, кусок твердокопченой колбасы. Изголодавшиеся люди набрасывались на еду. Они мгновенно подчистую сминали выданный на несколько дней сухой паек. Колбасу съедали целиком, иногда даже вместе с веревочкой...

И умирали от разрыва желудка.

Роза Николаевна и ее сестра тоже чуть не «нарвались», ибо угощение было весьма обильным: *«лапша и сардельки по 2 штуки и хлеба по булке»*.

Но мать строго ограничивала дочерей в еде: *«Не передать того состояния, увидев пищу, и еще какую, сердились на маму, бедную»*.

Не осознавая спасительность и разумность этих ограничений, в пути сестры Кононовы самостоятельно искали себе пропитание и находили. Правда, порой довольно сомнительного свойства: *«Мы на пароходе учуяли кучу мешков жмыха, дуранды с затонувшего корабля. И, конечно, давай ковырять потихоньку (жрать, грубо выражаясь), чтоб родители не видели. И не думали, что мешки уже плесневелые. Некоторые в посуду даже набрали. А когда подъехали, выходим, а моряки (они вверху стояли, не видели), а тут ахнули: да вы что делаете, отравитесь, вот и все. Ох, нас и ругала (мама): ведь я вас до места не довезу»*.

Приехав в Нижний Тагил, Кононовы поселились на станции Сан-Донато. Здесь старшая сестра, работница авиазавода № 381, разместившегося на территории Уральского танкового завода, снимала квартиру.

Питание тагильчан в годы Великой Отечественной войны и эвакуированных нельзя назвать обильным: около 50% рабочих Уральского танкового завода болели дистрофией. Здесь, как и по всей стране. Продукты были по карточкам, которые так же не всегда можно было отоварить, здесь так же еще до рассвета занимали очередь за хлебом. Но все же нормы продуктов не были столь экстремальны, как в блокадном Ленинграде, и Нижний Тагил не бомбили и не обстреливали...

«Ничего не пугает, ведь нет бомбежек, обстрелов и прочего», – вспоминала Роза Николаевна.

«Наш рабочий поезд вынужден был пропускать военные эшелоны, вагоны раненых и разные составы с оборудованием, танками и прочим, а мы все стоим. Кто дремлет, кто поет, девочки и женщины пели, весело так. В вагонах темнота, а ничего не пугает, ведь нет бомбежек, обстрелов и прочего. Привыкли и мы».

Но наесться ленинградцы не могли долго. Вот и повадились две сестры, Роза и Люся, дергать за ботву картошку на станции Сан-Донато и есть ее сырой. Затем, когда переехали на улицу Кирова, поражали простодушных тагильчан поеданием картофельных очистков: *«Как картошку чистить свежую, мы эту чашку с толстыми очистками и съедаем, она (Мария Конышева, хозяйка квартиры) ругается да смеется: «какого чомора, девки, вы очистки едите, мать ведь вас хорошо кормит». А мы не можем наесться»*.

Уже осенью 1942 года Роза Николаевна пошла работать контролером на Уральский танковый завод, где трудился ее будущий муж – Александр Гаврилович Терентьев. Норма хлеба для рабочих, по ленинградским меркам, была

Роза Николаевна Терентьева, житель блокадного Ленинграда, с супругом Александром Гавриловичем. *2012 г.*

немыслимой – 800 г. в день. Но эти 800 г. еще нужно было заработать, вот и работала Р.Н.Терентьева по 12 часов в день.

К блокадникам отношение было особым: «*на заводе блокадников хорошо поддерживали, всякие талоны на питание давали, больше, чем остальным. Но мы не могли в норму укладываться, долго сытости на понимали*».

Но, тем не менее, жизнь шла своим чередом: работа, после работы – походы в клуб, на танцы, в парк.

Между тем, в 1943 году была прорвана блокада Ленинграда, в 1944-м она была снята. Наступило 9 мая 1945 г. – День Победы.

Семья Кононовых оказалась перед выбором: «*У нас, блокадников, после войны была возможность уехать в Ленинград, там жилье давали. Маме хотелось уехать, но мы полюбили Нижний Тагил, Вагонку, климат, леса богатые. А Ленинград остался страшным из-за всех ужасов бомбежек, обстрелов, искалеченные дома и люди*».

Обе сестры, Роза Николаевна и Людмила Николаевна, так и остались жить в Нижнем Тагиле, обзавелись семьями.

Но память о войне, о блокаде, болезни, «подаренные» ею, постоянно напоминали о себе: «*Много воспоминаний о страшной войне, а мы вот дожили до 87 лет. Очень больные, но тянемся*», – так заканчивает свои воспоминания о жизни в блокадном Ленинграде Роза Николаевна Терентьева.

ГОРНЫЙ ИНЖЕНЕР, РИСОВАЛЬЩИК, ПОЭТ...

К 120-летию Николая Осинцева и 100-летию трагического ухода из жизни

Татьяна СМИРНОВА

Научный сотрудник Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». Живет в Нижнем Тагиле.

Жизнь Николая Осинцева, поэта-любителя, талантливого художника, мечтающего стать горным инженером, была недолгой. Судьба этого думающего, романтичного, доброго, во многом наивного человека, преданного семье, верующего в Бога и уважающего императора, тесно переплелась с судьбами сотен тысяч молодых людей революционной и военной поры начала прошлого века. Характеры многих из них выковывались, становились крепче стали, но некоторые юноши ломались, гибли в горниле революции и Гражданской войны. Николай оказался в колчаковской армии, на войну пошел не только потому, что фактически был мобилизован насильно, но и из-за несчастной любви – причина нелепая, даже комичная с точки зрения взрослого разумного человека. Но ему было всего девятнадцать...

Жизнь его оборвалась в двадцать лет. В этом году Николаю Осинцеву исполнилось бы 120 лет со дня рождения. Память о нем сохранилась не только в семье. В музее Нижнетагильского горно-металлургического колледжа в основной экспозиции демонстрируются его учебные тетради и конспекты, документы, рисунки и чертежи, аккуратно и красиво выполненные Николаем. В памяти родственников, коллектива преподавателей и учащихся горно-металлургического колледжа он навсегда остался учащимся Горнозаводского училища начала XX века.

Родословие любой семьи представляет собой срез живой истории, отражает в полной мере как радостные, так и печальные событии общероссийской истории. Например, когда во время Гражданской войны русское общество раскололось на белых и красных, то во многих семьях происходили настоящие трагедии – сын поднимал руку на отца, братья сражались друг против друга. Не обошла эта трагедия и нашу семью. Вениамин Алексеевич Комшилов, родной брат моего деда И.А.Комшилова, сражался в Красной армии, а Николай Степанович Осинцев, родной брат моей бабушки А.С.Осинцевой, был белогвардейцем. Оба они погибли в совсем молодом возрасте в 1919 г.

Николай Степанович Осинцев (7 мая 1899, Кушва – декабрь, 1919, Тайга) окончил Кушвинское городское училище. 21 августа 1919 года он был зачислен в 1 класс Нижнетагильского горнозаводского технического училища. С 6 июня по 1 сентября 1917 года проходил практику в железнодорожном цехе Кушвинского завода,

Николай Осинцев.

Горно-металлургический колледж. *Нижний Тагил.*

выполняя съемку, нивелировку и вычерчивая профили. 4 марта 1919 года Николай получил аттестат об окончании Нижнетагильского Горнозаводского училища, ему было присвоено звание техника горнозаводского дела (после трех лет работы по специальности он имел бы право на получение звания горного инженера). В Нижнем Тагиле Николай жил на Арзамасской (Красноармейской) улице, дом № 36.

Николай Осинцев хорошо рисовал, писал стихи. В семье моих родственников бережно хранится коллекция его рисунков и стихов.

Осенью 1918 года он был призван на военную службу, будучи студентом 4-го курса в числе нескольких других учащихся. Фактически эти ученики призывного возраста были насильно мобилизованы в белогвардейские войска. Вместе с Николаем Осинцевым в колчаковскую армию из Нижнетагильского Горнозаводского училища были призваны: Конев Тимофей, Плаксин Михаил, Солдатов Анатолий, Малахов Анисим, Клюжин Лаврентий, Калинин Владимир, Садин Вениамин (Невьянск), Краюхин Иван (Баранча), Шамарин Александр (Кушва).

В январе 1919 года вместе с другими мобилизованными в армию учащимися Н.Осинцев получил отпуск из армии для окончания учебы. 4 марта Николай получил аттестат об окончании Нижнетагильского Горнозаводского училища и вновь отбыл к месту воинской службы.

В Нижнетагильском историческом архиве сохранилась телеграмма командира инженерной роты штабс-капитана Свионцевского от 22 декабря 1918 года с требованием немедленно возвратить в роту отпущенных в двухмесячный отпуск для окончания образования всех вышепоименованных бывших учащихся Тагильского училища.

Весной рота, в которой служил Николай, наступала в Башкирии. Уже 26 марта по старому стилю от него семье пришло письмо из действующей армии. Их было всего два, два письма Николая к родным. Они и записка с адресом бережно хранятся в семье моих родственников.

Письма пришли из города Стерлитамака 26 марта (старого стиля) 1919 года и с хутора Сергиевского (вероятно, сейчас город Сергиевск) 14 июня (нового стиля) 1919 года, самое последнее сообщение было 27 июня из деревни Тюрменово. Николай служил сапером в инженерном дивизионе, входящим в состав 12-го Уральского егерского батальона 12-й Уральской стрелковой дивизии 6-го Уральского корпуса. В мае 1919 года 6-й Уральский корпус был разгромлен.

В первом письме, адресованном отцу Стефану Григорьевичу Осинцеву, Николай пишет: «Наша рота стоит в г. Стерлитамаке... В Благовещение был парад наших войск в городе». Командовал парадом командир Тагильского полка полковник А.А.Дмитриев.

Николай успокаивает: «...Живется пока ничего, только трудно делать переходы пешком» и обещает отцу: «Придет время, и я вернусь домой». Однако даже в первом письме уже звучит желание вернуться домой как можно скорее: «...выхлопочи удостоверение, что я у тебя один сын и чтобы из удостоверения было видно, что ты и мама в преклонных летах». Николай подробно описывает трудности солдатского быта: «Сегодня нам выдали сахару по 1 фун. Скоро будут сменять нам потрепанную одежду и обувь на новую».

Николай Осинцев пытался поступить в Горный институт в Екатеринбурге еще летом 1918 года. Уже во время службы в армии он просит в письмах, чтобы вновь послали документы для зачисления его в Екатеринбургский Горный институт, надеясь таким образом освободиться от дальнейшего прохождения воинской службы.

В конце мая 1919 года белые сдали Стерлитамак. Красная армия шла вперед и в июле освободила весь Южный Урал. Примечательно, как изменился в худшую сторону почерк (стал небрежным, скоропись, чернила размазаны в нескольких местах) в письме от 14 июня по сравнению с каллиграфическим – четким, красивым, аккуратным, старательным почерком в письме от 26 марта. Ухудшилось и настроение Николая – в письме от 14 июня он пишет: «По правде сказать, мне здесь тяжело, скучно и мрачно ... Оболочка, которой я все скрывал, начинает лопаться, мне тяжело, – вновь повторяет он. – Я теперь один. Ребята, (имеет в виду выпускников училища) которые сбежали в другую часть, а которые в офицерское училище. Меня тоже посылали в офицерское училище, но я воздерживаюсь. Я чувствую, что для вас будет это очень тяжело, если я буду офицером». Любопытно, что он достаточно откровенно высказывается в письмах, не боясь цензуры. Хотя, возможно, в то время уже никакой цензуры не было. «Если кончится скоро война, ... чтобы мне скорее вернуться (домой – Т.С.)», – вот о чем пишет и на что надеется Николай Осинцев. К чести Николая нужно отметить, что он не пытался дезертировать из армии, хотя служба была ему в тягость, все интересы были нацелены на продолжение учебы в Горном институте и возвращение домой. Но примечательно сходство и различие судьбы Николая Осинцева и другого тагильчанина Тимофея Криворучкина. Он родился тоже в 1899 году, окончил Реальное училище, тоже был призван в армию Колчака осенью 1918 года, служил писарем, дезертировал осенью 1919 года – тем сохранил свою жизнь, продолжил службу в Красной армии, окончил Военно-хозяйственную академию РККА. Впоследствии Криворучкин (Кин) был участником Великой Отечественной войны, полковник в отставке, награжден орденами и медалями. Верность долгу – безусловно, похвальное качество, но ведь Николай не сочувствовал идеям Колчака, не хотел участвовать в военных действиях, мечтал о карьере горного инженера. Кажется, мог бы тоже дезертировать, но этого не произошло. Был ли побег правильным выходом из создавшегося тяжелого положения? Наверное, не нам судить, хотя обычно в повседневной жизни все мы судим «всех и вся».

Все стихи Николая (их сохранилось немного) – о любви. Все они пронизаны грустью, нежностью и печалью. На некоторых стихах

Обложка учебной тетради Н.Осинцева.

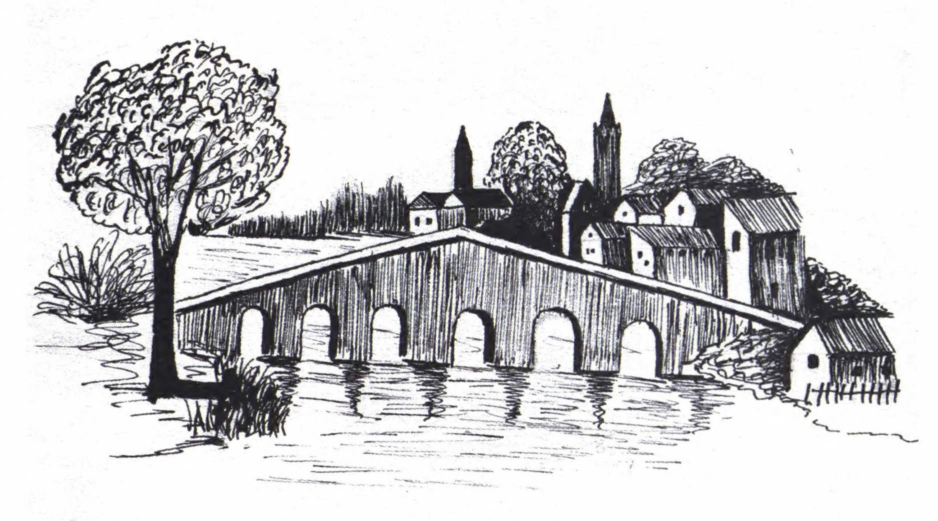
Хуторъ Сергiевскiй
14 VI/19 г. (н.с.)

Дорогой дед(?)!

Почему я не получаю отъ Васъ известий. Это же наконецъ изъ рукъ вонъ. Или может быть что-нибудь случилось у Васъ. Вообще(?) [illegible]. Не скрываю(?). Я пока живу ничего, хорошо. Только одно плохо. Если кончится скоро война, то говорятъ писарей будутъ отпускать последними. Для того, что бы мне скорее вернуться. Вотъ вотъ, что сделайте(?): Пусть нотариусъ [illegible]

Письмо.

стоит дата: «1917 год», «1918 год». Вероятно, он пережил в это время личную драму, несчастную отвергнутую любовь. В стихах говорится об измене любимой девушки и его тяжелых переживаниях. Кто была эта девушка, как ее имя – неизвестно. Стихи написаны разным стилем – и выспренним высоким «штилем», и в народно-песенной манере:

О, если б рай передо мной...
Открыт был властью неземной...
Клянусь, я прежде, чем вступил...
У врат священных бы спросил...
Найду ли там, среди святых...
Погибший рай надежд моих?..
Творец! Отдай ты мне назад...
Ея улыбку, нежный взгляд...
Отдай мне свежие уста...
И голос сладкий как мечта...
Один лишь слабый звук отдай...
Что без нея земля и рай?
Одни лишь звучные слова...
Блестящий храм без божества...
Нижний Тагил
Арзамасская улица № 36
Н.Осинцев
2.IX.1917 года.

Н. – Тагил 15. II. 1918 г.
Былое вспомнил времечко
Когда любил страдал.
И как меня несчастнаго
Злой рок судьбы сковал:
Отнял у меня любимую,
Измену ей вселив.
И вот решил я действовать,
Забыться навсегда.
С родной простясь сторонушкой,
Ушел я в край чужой.
Пришедши, там наплакался
И вспомнил дом родной,
И взгляды вспомнил ласковы
Любимой, дорогой.

В тексте писем Николай Осинцев сообщает родным о своих предчувствиях относительно скорой гибели. Так и случилось в действительности. В ходе тяжелого отступления он заболел тифом, его положили в военный госпиталь на станции Тайга, где он вскоре скончался. Краевед, член общества изучения отечественных спецслужб Владимир Викторович Кашин выдвигает еще более жестокую версию гибели Николая Осинцева: в декабре 1919 года на станции Тайга «скучились» санитарные поезда, 1-й польский полк, броненосец и кавалерия дали бой наступающей Красной армии, принеся в жертву санитарные поезда с ранеными военнослужащими и беженцами. Уцелевшие от снарядов бросались к воинским эшелонам, но польские часовые отгоняли всех штыками. Тут, по мнению Кашина, и погиб Николай Осинцев, который в будущем мог бы составить славу своей семье и Уральскому краю.

Много человеческих судеб было перемолото жадным Молохом войны в революционные годы и в Гражданскую войну. Николай Осинцев – талантливый рисовальщик, чертежник, поэт, человек тонкой души, романтик, получивший прекрасное профессиональное образование, мечтавший о любви, желавший и способный продолжить обучение в институте, так и не стал горным инженером. Как уже говорилось, его жизнь трагически оборвалась в двадцать лет – в самом расцвете сил и таланта.

О Николае Осинцеве рассказывают его вещи – то немногое, что сохранилось – письма, рисунки, стихи из семейного архива, комплекс Николая в музее Нижнетагильского горно-металлургического колледжа (чертежи, конспекты, документы). В музей родственниками Николая был передан и его мундир, но во время пожара музея он был утрачен. Был ли Николай жертвой – одним из многих и многих погибших в это жестокое и яростное время, и его гибель была в какой-то мере запрограммирована и оправдана – лес рубят, щепки летят? Или все-таки произошла трагическая случайность, которой можно было бы избежать? Так хотелось бы, чтобы эта жизнь расцвела, дала всходы, чтобы Николай и множество других юношей, погибших и в Гражданскую, и в Великую Отечественную войну – недолюбивших, нереализовавших свой талант – прожили долгую и счастливую жизнь, воспитали своих детей.

Портрет Николая II.

Роза.

Утес.

анатолий АЗОВСКИЙ
ЗВЕНИ, МЕДУНИЦА

Михаил Юрьевич Лермонтов
Mikhail Yu. Lermontov
«...Под знойным солнцем бытия»
«...Under the scorching sun of life»

александр ЧУМАНОВ
стихотворения
ТЕЛО ДУШИ

вячеслав САЛОМАТИН
ЗАГАДКА

николай ДЕНИСОВ
ЗАВЕТНАЯ СТРАНА

Герман ИВАНОВ
стихотворения
ПОД ОБЩИМ НЕБОМ

валерий ДЕДКОВ
НА КРАЮ

Дагуров Владимир
лирика

Чунина Тамара
Я начинаю сказку говорить...
стихотворения

александр ДРАТ
стихотворения поэмы
ПРОК

Ермолаев Валерий
лирика, поэмы

Фатыхов Салим
расслоенное время
стихотворения

Ювеналий ГЛУШКОВ
стихотворения
НОЧНЫЕ ПОЕЗДА

Николай ГОДИНА
РУЧНАЯ РАБОТА

елена ХОРИНСКАЯ
прощай мой век
стихи

ВЕСЕННИЕ СОБЛАЗНЫ
ВЛАДИМИР ДАГУРОВ
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Тарбеев Виктор
Орден Жизни
избранные стихотворения

Андрей Комлев
СВОД

Комлев Андрей
ЛИК
стихотворения

Виктор КОЗЛОВ
ОТ ПОКРОВА ДО ПОКРОВА
стихотворения и поэма

Анатолий МАРЛАСОВ
лирика
ПРЕД СВЕТЛЫМ ИМЕНЕМ ТВОИМ...

БИБЛИОТЕКА ПОЭЗИИ КАМЕННОГО ПОЯСА

ЕКАТЕРИНБУРГ: ИЗДАТЕЛЬСТВО «БАНК КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ»

E-mail: ukbkin@gmail.com

борис МАРЬЕВ
ИДТИ, КАК ЖИЗНЬ

Мальков Владимир
ВОЗВРАЩЕНИЕ
из поэтических тетрадей

СИНЬ
ВЯЧЕСЛАВ ТЕРЕНТЬЕВ
ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Тарабукин Игорь
то втык, то ВТЭК...
сатирические стихи

Любовь Ладейщикова
ПРЕМИЯ СОЛНЦА
стихотворения

Токарев Сергей
лирика, переходящая в сатиру

НА НАШЕМ БЕЛОМ СВЕТЕ
КСЕНИЯ НЕКРАСОВА
СТИХОТВОРЕНИЯ

Яков Либерман
Из классической еврейской поэзии

МЫ В ПОБЕДЕ УЗНАЛИ себя...
Стихотворения, рожденные войной

Петров Алексей
рифмы
стихотворения

Майя Никулина
Стихи

алексей РЕШЕТОВ
стихотворения
ТЕМНЫЕ СВЕТЫ

ЯВЬ
ВЕНЕДИКТ СТАНЦЕВ
СТИХИ, БАЛЛАДЫ И ПОЭМЫ

Соколов Виктор
ДВОЙНИК
стихи разных лет

